

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

СЕНТЯБРЬ

2006

ЭЛУЛ

5766

N 9 (173)

ЧЕЛОВЕК И АЛМАЗ

Отец с ребенком спускаются из горной деревни в долину, а навстречу им человек с мешком за спиной. Идет еле-еле, каждый шаг дается со всё большим трудом. «Что вы несете?» – спрашивает ребенок. «Вот, кирпичи купил в долине, чтобы печь переложить». Тут отец удивился: «Того, что ты несешь, слишком мало для нормальной печи». А человек отвечает: «Ничего, сложу маленькую печку, мне и так-то тяжело...» Идут они дальше, навстречу другой человек, тоже с тяжелым мешком за спиной, – но идет он легко, как бы не чувствуя усталости. Опять спрашивает ребенок: «Что вы несете?» «Алмазы! – радостно отвечает человек. – Я копал колодец в долине и нашел целое месторождение. Все камни выкопал, до последнего!» – «И вам не тяжело?» – «Да о чем вы говорите?! Я же теперь у себя в деревне дом построю, хозяйство заведу, да еще и соседям помочь останется! Такая ноша к земле не тянет...»

Всякий раз, когда я разговариваю с людьми о соблюдении заповедей – о Субботе, о кашрусе, о том, чтобы отделять десятую часть доходов на помощь нуждающимся, – сразу чувствуется, как тот или иной человек смотрит на религию и на свою жизнь. Кто-то считает, что цель религии в том, чтобы человек чувствовал себя хорошо. На самом деле цель религии в том, чтобы человек был хорошим. Это еврейский взгляд. Да, религия – это бремя, – недаром мы говорим о «бремени заповедей». Некоторые готовы нести бремя – но не по потребности души, а потому, что считают это своей обязанностью. Конечно, они говорят: им трудно, как если бы они несли тяжелые камни. А есть люди, для которых соблюдение заповедей – удовольствие, для них источник радости заключается в том, что они евреи и делают угодное Б-гу. Они могут делать больше, чем другие, но для них еврейская жизнь, как тот мешок с алмазами, – ноша, которая к земле не тянет.

Как известно, Любавичский Ребе каждое воскресенье выходил к людям, говорил с ними и давал благословение каждому, кто попросит. К нему выстраивались огромные очереди. И вот как-то раз одна женщина, подойдя к Ребе, удивленно спросила: «Как вы выдерживаете это напряжение? Я полтора часа простояла в очереди, так уже ноги не держат – а вы-то стоите целый день, да еще вам приходится вникать в дела каждого из нас. Могу себе представить, какой это тяжкий труд!» А Ребе ей в ответ: «Когда человек считает алмазы – он никогда не устает. Для меня каждый еврей – алмаз, и дать ему благословение – удовольствие».

Почему я затронул сегодня эту тему? Дело в том, что как раз в эти дни свой 50-летний юбилей отмечает мой близкий друг Леви Леваев – человек, который уже давно «носит мешок с алмазами на спине». Более десяти лет он финансирует практически все еврейские образовательные программы в России и СНГ. Благодаря ему тысячи евреев познали радость своего еврейства, своей традиции и духовности. Тысячи и тысячи наших детей имеют теперь возможность получить настоящее еврейское образование в школах «Ор Авнер», созданных в десятках городов СНГ и носящих гордое имя его отца. Множество других добрых дел совершается в еврейских общинах благодаря его помощи. И всё это он делает радостно, словно работа не требует от него ни малейших усилий. Честно говоря, я просто не знаю другого человека, который расставался бы со своими деньгами с таким удовольствием! А всё потому, что он смотрит на свой труд и на свою благотворительную деятельность не как на тяжкую повинность, а как на благословение, полученное от Б-га.

В свое время Леви Леваев тоже встретился с Ребе, чтобы спросить у него, стоит ли ему начинать бизнес в России. Время было смутное, только что развалилась коммунистическая империя, пресса писала о коррупции и преступности в российских городах, об опасностях, подстерегающих бизнесменов. Но Ребе однозначно сказал: поезжай. Только ты должен всегда помнить, добавил он, что делали для евреев твои отец и дед. Они жили в куда более трудных условиях, чем те, в которые едешь ты, но, несмотря на трудности и опасности, всегда помогали своим братьям. Ты удостоился от Б-га высокой миссии – помочь евреям в бывшем СССР. С этими словами Ребе дал Леви Леваеву свое благословение и отпустил.

С тех пор Леви Леваев выполняет свою миссию, получая удовольствие от выполненного долга перед Б-гом. Так же как и Ребе, он видит в каждом еврее алмаз и никогда не устает «работать» с ним. Даже не знаю, как выглядела бы еврейская жизнь в странах бывшего Союза, если бы не встреча Леви Леваева с Ребе в тот день, если бы не замечательные черты его характера, позволяющие выполнять заповеди с радостью!

Есть такая притча: к раввину пришел один из почтенных членов общины и начал ему выговаривать. Дескать, что вы всё возитесь с детьми простых малограмотных евреев, объясняете им Тору? Лучше бы уделяли внимание сыновьям ученых, образованных людей... Раввин выслушал его и спрашивает: «Уважаемый, а вы чем в жизни занимаетесь?» Тот с гордостью отвечает: «Огранкой алмазов». «А покажите-ка мне вашу работу!..» Гранильщик вынимает из сумки несколько самых красивых камней и кладет на стол перед раввином. Раввин смотрит и пожимает плечами: «Ну и что? Это же простые камни, как куски стекла или хрусталя!» Гранильщик усмехается: «Уважаемый ребе, чтобы понять разницу между простым камнем и алмазом, нужны профессиональные знания». «Вот точно так же с евреями, – говорит раввин. – Чтобы определить, кто из моих учеников простой кусок хрусталя, а кто настоящий алмаз – требуются профессиональные знания».

Леви Леваев хорошо знает, что такое алмазы и что такое евреи. Однажды он мне сказал: Б-г дал мне достаточно, чтобы я мог всю оставшуюся жизнь не работать. Но почему тогда я работаю? Потому что понимаю: главный смысл моей жизни – помогать другим.

Желаю моему другу, замечательному еврею Леви Леваеву от себя и от имени всех евреев России и дальше «нести свой мешок с алмазами» с удовольствием, не чувствуя усталости. Желаю всем евреям России еще много радости от его благих дел. Дай Б-г, чтобы и другие евреи последовали его примеру. И, конечно, дай Б-г нам всем дожить до того дня, когда придет Мошиах и среди евреев уже не останется людей, нуждающихся в помощи.

Главный раввин России Берл Лазар

искупления», и уже в этот день нисходит утешение, которое во всей полноте раскрывается Пятнадцатого ава. Важно также иное: в этот день свершилось «осуждение» на смерть того поколения евреев, которое вышло из Египта и должно было сорок лет блуждать по пустыне. И срок «осуждения» истек на девятый день месяца ав – тот день, который за годы странствий многим и многим приносил смерть. Тогда евреи еще не могли сказать точно, какой именно день следует считать девятым днем ава, ибо тогда у них не было точного календаря, они определяли время по фазам Луны. Когда же в пятнадцатый день ава наступило полнолуние и никто не умер, они уже знали, что смертный приговор, вынесенный поколению Исхода, утратил силу.

יְדֻאֵי נֹי אֲנֹאִי יֵאָאֵ עִי עֵיִוְבִי

Итак, восхождение в девятый день ава не является совершенным исполнением духовных устремлений евреев: с течением дней духовное восхождение Девятого ава, пришедшее на смену духовному нисхождению начала этого месяца, всё нарастает. На пятнадцатый день ава это восхождение достигает своей полноты. Вот почему Пятнадцатое ава – столь великий праздник, превосходящий все иные праздники. Вспомним, что в формуле Талмуда Пятнадцатое ава упоминается перед Йом Кипуром, как бы превосходя даже его. Радость Йом Кипура состоит в том, что это «день прощения», но, в силу талмудического контекста, качества, связанные с покаянием, должны принадлежать также и Пятнадцатому ава. И действительно, в данном аспекте этот праздник превосходит Йом Кипур, ибо покаяние Пятнадцатого ава совершается, как уже сказано, на коротком отрезке времени. Что до Йом Кипура, то он в идеале подразумевает долгое приготовление, начинающееся с первого дня месяца элул.

Более того, на фоне Пятнадцатого ава явственно проступает тот факт, что в эти приготовления вовлечено множество частных. Так же исполнение Пейсаха требует постепенного прохождения всех Сефир – это происходит вплоть до Швуэса, когда евреи оказались, наконец, достойными принять Тору.

Когда стоял Храм, особенность дня Пятнадцатое ава явлена была в особой праздничности, с которой он отмечался. И даже в период изгнания сохраняются обычаи, напоминающие о статусе Пятнадцатого ава, зафиксированном Талмудом.

Пусть же Б-г поможет нам, и наши духовные усилия покаяния во времена изгнания приведут к тому, что Он «возвратит <...> изгнание твое, и смилостивится над тобой, и опять соберет тебя из всех народов» (Дворим, 30:3).

Б-жественное Присутствие пребывает и в изгнании, но дети Израиля «собраны будут по одному» (Ишаяу, 27:12), и воля Б-га привлечет личность каждого из нас так, что она обретет качество единства. И приведет Он еврейский народ «с отроками нашими, старцами нашими, с сыновьями нашими и с дочерьми нашими» (Шмойс, 10:9) приветствовать праведного Мошиаха, «и будет серебро их и золото их с ними» (Ишаяу, 60:9). И так все «искры Б-жественности» будут собраны из изгнания, и столь полным будет очищение, что изгнание прекратится и свершится сказанное через пророка: «дух нечистоты удалю из страны» (Зхарья, 13:2). И тогда будет явлено, что нет у евреев праздников, которые могли бы сравниться с Пятнадцатым ава, что вскоре будет засвидетельствовано и в материальном мире – в Иерусалиме, Священном граде, и в Святой земле, когда придет вскорости наш праведный Мошиах.

אַאֲאֹאֹוֹעֵ אֲאִיִּי אֲנִבֹאֲ אֲאִ

נֵאִי אֵעִי אֲעֵיִ דֶאֶצִּי עֵעֵ

Мишна указывает, что двадцатый день месяца ав соблюдался как праздник некоей определенной семьей в силу того, что в этот день принесенное ими дерево было использовано для поддержания огня на алтаре в Храме.

Был период, когда трудно было найти дерево для сожжения, и несколько семей вызвались приносить топливо для алтаря. Когда кончалось дерево, принесенное одним семейством, этим занималось другое и так далее. Позже установился обычай: семья, предоставлявшая Храму дерево во времена, когда заготовка древесины была связана с трудностями, сохраняла привилегию жертвователя и тогда, когда дерева

было в избытке. Дерево, доставленное тем или иным семейством, сжигалось в тот самый день, когда раньше соответствующая семья совершала дарение дерева для Храма. Этот день отмечался семьей как особый праздник.

ÒÀÈÌ ÒÀÈ×ÀÑÈÈÈ ÀÈÑÌ ÒÒ

Талмуд приводит два мнения относительно того, какая именно семья доставляла дерево для Храма в двадцатый день ава. Рабби Меир считает, что это были «потомки Давида, ведущего род от Иеуды». Рабби Йоси же считает, что это были «потомки Йоава, сына Церуи» (Шмуэл, II, 2). Возникают два вопроса. Во-первых: почему в данном случае талмудический спор сосредоточен на уточнении факта, а не его духовного значения? Во-вторых: как в данном случае может быть применим талмудический принцип: «все противоречащие позиции есть слова Б-га Живого»?

Эти вопросы получают ответы, если понять, что упомянутый спор велся не о фактической стороне дела – то есть вовсе не о том, чтобы точно установить семейство, предоставлявшее дрова. И рабби Меир, и рабби Йоси были потомками Давида и Йоава, так как два этих рода в свое время породнились. Изначально рабби Меир и рабби Йоси вели спор об уникальных чертах, присущих некоей семье, побудивших ее проявить щедрость и передать Храму в двадцатый день месяца ав дерево для алтаря. Рабби Меир считал: в этом проявились достоинства, присущие царю Давиду, а рабби Йоси считал, что первостепенное значение сыграли качества Йоава, сына Церуи.

Так в чем же значение предоставления дерева для Храма в двадцатый день ава? Почему это стало предметом талмудического спора, в центре которого, как мы установили, была проблема духовного наследия и передаваемых потомкам добродетелей?

В Талмуде говорится: «С пятнадцатого дня месяца ав сила солнца начинает убывать, и с этого дня не рубят уже деревьев для алтаря в Храме, ибо дерево становится влажным». Закон подчеркивает: червивое дерево не годится для алтаря. То есть с того момента, когда жаркий солнечный свет, длящийся до середины лета, начинает убывать, дерево не рубят, ибо оно не годится для службы в Храме.

Первое дарение дерева после Пятнадцатого ава происходит двадцатого числа месяца ав. При этом, чтобы дерево было без изъяна, его надо срубить раньше. Кроме того, его надо разделить и убедиться, что древесина – хороша и подходит для Храма, на что уйдет еще несколько дней. Значит, семья, дарующая дерево двадцатого ава (как и семья, дарующая дерево двадцатого элула) проявляет особые качества, ибо ее усилия – больше усилий тех, кто дарует дерево тогда, когда солнце греет в полную силу и дерево можно не готовить специально. Поэтому предоставление дерева после Пятнадцатого ава выявляет более сильную мотивацию к исполнению воли Б-га – и Талмуд уделяет этому вопросу особое внимание.

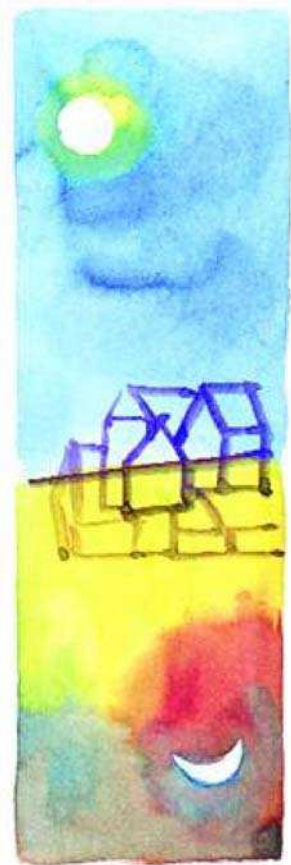
ÐÀÀÌÑÒÙ, ÎÁÐÀÒÀÀÌ ÀÐÀ ÎÊÀÇÀÌÈÏÎÌ ÎÙÈÑÌÁÐÀÒÒ

Отметим еще одну важную деталь: само дерево не считается жертвой. Оно нужно для алтаря, на котором приносятся жертвы. И чаще всего жертва, сгорающая в пламени, которое дает переданное Храму дерево, принесена какими-то другими людьми или целой общиной. На алтарь возлагались жертвы от всех евреев. Даже жертвы, приносимые отдельными людьми за совершенные ими прегрешения и проступки, возлагались на алтарь поверх дров, на которых их сжигали. И семья, потратившая столько сил на заготовку этих дров, действовала во имя того, чтобы быть полезной даже тем из соплеменников, кто совершил грех. Дать дрова для сожжения жертвы значило помочь грешнику искупить свой грех.

Еще большее значение имел тот факт, что, делая нечто возможным тогда, когда оно затруднительно, та или иная семья делала это с радостью столь глубокой, что день предоставления дров стал для нее семейным Йом Товом.

И здесь заключается суть спора между рабби Меиром и рабби Йоси: восходят ли человеческие качества, определяющие такое поведение, к царю Давиду или Йоаву, сыну Церуи?

Ó×ÀÌÙÈÈÀÌÈÌ

В Талмуде говорится: «Если бы не Давид, мог бы Йоав вести войну, и если бы не Йоав, мог бы Давид погрузиться в Тору?» (Сангедрин, 49а). Военные победы Йоава были возможны в силу заслуг Давида в изучении Торы, а для Давида возможность погрузиться в изучение Торы открылась благодаря воинским победам Йоава, совершаемым именем царя Давида.

(То, что Талмуд говорит об усилиях, приложенных ими, каждым – на своем поприще, свидетельствует, что усилия эти взаимосвязаны. Успехи Йоава в битвах не просто были достигнуты благодаря заслугам Давида в постижении Торы, но Йоав разделял с Давидом погруженность в Тору, соучаствуя в ней, ибо «если бы не Йоав, мог бы Давид погрузиться в Тору?». Тем самым изучение Торы Давидом помогало Йоаву побеждать.)

И Давид, и Йоав стремились служить Б-гу, доходя в этом до самозабвения и самопожертвования. Самозабвение Давида нашло свое выражение в духовном труде по изучению Торы. Пророком сказано: «Г-сподь был с ним» (Шмуэл, I, 18:14), а Талмуд подчеркивает следствие этого: «закон был в согласии с его мнением» (Сангедрин, 93б). Самозабвение Йоава выразилось в трудах, направленных на улучшение внешнего мира, вплоть до ведения победоносных битв с представителями народов, противостоящих Израилю, тем самым готовя «обитель Всесильному» в подлунном мире.

Мы видим, что святость и жертвенное служение переплетены между собой. Военные победы Йоава способствовали штудиям царя Давида, а изучение Давидом Торы помогало Йоаву добиться победы на поле битвы. Но есть в их трудах и существенная разница: первой заботой царя Давида в то время была Тора, он отрешился от земных дел, тогда как все усилия Йоава были направлены на военные действия, и он был вынужден напрямую сталкиваться с миром и преодолевать его сопротивление.

Рабби Меир и рабби Йоси расходятся в суждении о том, какая из двух позиций важнее. Само имя «Меир» происходит от слова «ор», означающего «свет» или «явленную духовность», выходящую за ограниченные пределы, поставленные нашим миром. В ивритском слове, которым обозначается «этот мир» – «а-олам», хасидские толкователи видят производную от слова «элем» («сокрытие, утаивание») и считают, что само название мира, в котором мы живем, напоминает нам о покрове законов природы, скрывающем истинную суть мироздания. Здесь мы видим указание на то, что более всего занимает рабби Меира – он озабочен идеей самоотверженного погружения в изучение Торы, воплотившейся в царя Давиде.

Имя же рабби Йоси нумерологически эквивалентно слову «Эло-им» (Зогар, III, 223а), которое, в свою очередь, эквивалентно слову «а-тева» («природа»), то есть раз и навсегда установленные законы этого мира. И здесь мы видим указание на проблему, занимающую рабби Йоси: он озабочен конфликтами и духовным служением, без которого невозможно править этим миром и властвовать над ним, а выражением этой идеи служат поступки Йоава.

Еще одно основание спора между рабби Меиром и рабби Йоси можно установить, обратившись к полемике между Вавилонским и Иерусалимским Талмудами о праздновании Пятнадцатого ава. Полемика велась по вопросу о том, должен ли человек прилагать усилия для малого действия, которое в будущем может принести великие плоды.

Иерусалимский Талмуд настаивает, что в том случае, когда действие в настоящем несравнимо по малости своих усилий в отношении тех плодов, которое оно принесет в будущем, человек обязан это усилие совершить, пусть даже пройдет много времени, прежде чем это действие даст великие плоды.

Вавилонский же Талмуд подчеркивает: мы должны ориентироваться на ситуацию какова она сейчас. Если усилие прилагается сейчас, а следствия его и великие плоды обещаны в отдаленном будущем, усилие неоправданно, пусть даже плоды во много раз его превзойдут. То есть человек не обязан совершать действие, имеющее весьма несущественное значение для настоящего.

Благие результаты неотрывного изучения Торы царем Давидом превыше тех трудностей, что пришлось перенести Йоаву в битвах, пусть даже великие плоды размышлений над Торой были явлены спустя длительное время после побед Йоава. В соответствии с позицией Иерусалимского Талмуда, Йоав был обязан вести войну. А согласно Вавилонскому Талмуду, действия Йоава носили альтруистический характер и были плодом его свободного выбора, а не результатом давления внешней необходимости или формальных обязательств.

Позиция рабби Меира соответствует Иерусалимскому Талмуду: усилия Йоава были малым усилием в настоящем, которое впоследствии дало великие результаты, связанные с изучением Торы царем Давидом, а потому мы не можем говорить об альтруизме Йоава, но должны приписывать качество альтруистического самопожертвования царю Давиду.

Рабби Йоси исходит из позиции, зафиксированной Вавилонским Талмудом: деяния Йоава сами по себе в высшей степени достойны, ибо они не были исполнением закона, а действовал он, опираясь лишь на собственную добрую волю, руководствуясь идеалистическими и альтруистическими соображениями.

יְדַעְתֶּם אֲבָנַי יְיָ אֱדַוָּא יְאֵי עַבְדִּי אֶתְּוֵי אֶתְּוֵי

Урок вышесказанного: если человек обладает чем-то столь редкостным, чему нет замены в целом мире, он должен быть готов отдать это, чтобы помочь ближнему, даже если этот ближний – грешник, даже если приносимый дар безымянен и тот, кому он отдан, ничего не ведает о дарителе. Более того, подобную возможность помочь ближнему следует принимать с глубочайшей радостью и видеть в ней счастливый шанс. Радость, которая в этом случае охватывает дарителя, должна быть столь велика, что в память об этом он устанавливает особый Йом Тов в своей семье.

Чтобы привить эту черту своим чадам – и плотским, и духовным, ибо сказано, что ваши ученики – ваши чада, поведение человека должно быть проникнуто таким качеством, как «месирас нефеш» («альтруистическое самопожертвование»). Это относится и к человеку, всецело погруженному в занятия Торой, и к тому, кто занят трудами коммерции, сражением с материальными условиями существования: их действия должны обладать такими качествами, как битул («самозабвение») и месирас нефеш («самопожертвование»).

Так мы воспитаем поколение, готовое отдать свое достояние во имя других, чтобы с радостью помочь ближнему.

Эта черта – альтруистическая любовь к собрату – имеет величайшее значение: по сути, именно она противостоит «синас хинам» – ни на чем не основанной ненависти, которая вызвала разрушение второго Храма. Именно альтруистическая любовь к ближнему принесет нам истинное, полное искупление, грядущее вскоре.

НАЗАД К РЕАЛЬНОСТИ

Nei Yi Aa'elaimi

После довольно продолжительной спячки нас вдруг встряхнула реальность пожара, разгоревшегося на Ближнем Востоке.

Испытал ли кто-нибудь потрясение?

Мы, дети Запада, рожденные в свободе, прельстились соблазнительным фасадом. Мы позволили себе роскошь отрицать яростную борьбу добра со злом и культивировали ложную иллюзию безопасности.

Грезы мирной сиесты очень заманчивы, но не нужно большого ума, чтобы понять: Ближний Восток – это рассадник отравы, это раскаленная топка, готовая взорваться в любую минуту.

События 11 сентября и другие террористические акты периодически напоминают нам, что в мире есть недремлющие мощные силы. С ними нельзя не считаться, прежде чем мы придем к подлинно мирной эпохе – но ведь так легко откинуться на удобные подушки! Такова уж природа зверя – отрицания реальности.

Лишь немного истории, чтобы мы проснулись.

«Хизбалла», что означает «Партия Б-га», рассматривает конфликт с Израилем как «экзистенциальную битву», а вовсе не как «борьбу за землю». Об этом пишет ливанская исследовательница Амаль Саад-Хорайеб в своей книге «Хизбалла: Политика и идеология». По словам шейха Наима Касима, заместителя генерального секретаря «Хизбаллы», «и через сотни лет Израиль не будет иметь права на существование».

Хотя «Хизбалла» осудила террористические атаки против стран Запада, для Израиля она делает исключение. Как заявил лидер «Хизбаллы» Сайед Хассан Насралла, «в оккупированной Палестине не существует различий между военными и гражданскими, ибо все они захватчики, оккупанты и узурпаторы Земли». После ухода израильских войск из Ливана в 2000 году некоторые аналитики предсказывали, – и многие ливанцы надеялись на это, – что «Хизбалла» скоро свернет свои военные операции и станет чисто политической партией. Но амбиции Насраллы простираются намного дальше, чем просто занять места в ливанском парламенте, тем более что он пользуется твердой поддержкой Ирана и Сирии. Будучи

Как и в случае всех серьезных конфликтов, необходимо разработать краткосрочный и долгосрочный планы их преодоления. Очевидно, что сначала, в кратчайшие сроки, должно быть сделано всё возможное, чтобы спасти невинные жизни и никому больше не позволить – ни отдельным террористам, ни суверенным государствам – угрожать безопасности миролюбивого народа. Проявление силы нередко служит сдерживающим фактором.

Всем нам хотелось бы счесть достаточным подобный краткосрочный план. Но факт остается фактом: даже если прекратить огонь (чем раньше, тем лучше), регион останется отравленным веками религиозных страстей и, нередко, фанатичной веры – замешана ли она на заблуждениях либо нет. В итоге враждебность к Израилю сама по себе не исчезнет. Она основана на философии и незыблемой вере миллионов.

Несомненно одно: пока мы честно не выскажем жестокую правду о природе конфликта – духовно-религиозной, в противоположность политической, – мы не будем знать, как вести эту войну и как в ней победить. Можно прекратить огонь, но причины его искоренить не удастся. И потому неудивительно, что нынешний кризис начался 17 тамуза – в день, когда пали стены Иерусалима. А еще через три недели, 9 ава, были разрушены оба святых Иерусалимских Храма: первый – 2428 лет назад, второй – 1938 лет назад.

Печальнейшие дни в году, получившие название Трех недель (17 тамуза – 9 ава), – это период национального траура о святости, утраченной при разрушении Храма. Западная стена в Иерусалиме – на сегодня главный символ еврейского присутствия в Израиле – единственная сохранившаяся часть стены вокруг Храма.

В период Трех недель мы погружаемся в изучение Торы, больше предаемся молитве и добрым делам. И прежде всего, сильнее проявляется наша любовь и доброта друг к другу – в противопоставление бессмысленной ненависти, ставшей решающей причиной разрушения Храма.

О чем именно мы скорбим почти два тысячелетия подряд? Почему мы молимся о восстановлении Храма? И как связаны между собой человеческая ненависть и разрушение святого места?

Ответ в том, что Храм был не просто сооружением из кирпичей и известки. Это было окно, в буквальном смысле врата между землей и небесами. «И сделают Мне Святилище, – говорит Б-г, – и Я пребывать буду в их среде». С разрушением Храма захлопнулось окно между духом и материей, между Б-жественным Смыслом бытия и самим бытием. Представьте себе, что путник забыл, куда он идет: система теряет свое предназначение – и мир оказывается дезориентированным.

Первый признак противостояния духа материи, несоответствия бытия его смыслу обнаруживается в разладе человеческой личности. Когда человек перестает понимать смысл своего существования, раздробленность его «я» порождает беспокойство, крайнюю неуверенность и потерю чувства собственного достоинства. Крайней формой такого состояния является ненависть к самому себе – когда целеустремленная душа ненавидит бесцельную жизнь. И всё это мгновенно отражается на отношениях с другими людьми: ненависть к другому – проекция ненависти к самому себе. Уверенный в себе человек может сосуществовать с другим. Даже если он не согласен с ним или подвергается нападению, уверенный в себе человек способен видеть различие между личностью врага и его действиями.

С личного уровня разделенность переносится на уровень коллективный – когда разделены государства, религии и народы.

Как только народ разделился, святой Храм, соединявший дух и материю, уже не мог существовать. В расчлененном мире не осталось места Храму, который отныне никому не был нужен и не выполнял своей роли...

Разделенность разрушает Храм – единство восстанавливает его. Заметим: единство на самом общем уровне. В мидраше говорится, что знай народы мира о том, как их защищал Иерусалимский Храм, они выстроили бы живую стену вокруг Храма, чтобы оберегать его от малейшего вреда!

Какой ужас и какая злая ирония в том, что нынешние бои на Ближнем Востоке – бои за Израиль и его сердце, Иерусалим, – начались и продолжаются в период Трех недель! Тем самым выявляется истинная природа войны.

Как уже сказано выше, необходимо сделать всё возможное, чтобы в кратчайшие сроки защитить невинных. Но в долговременной перспективе мы должны помнить, что эта битва – как и все прошлые битвы в истории Израиля, вплоть до разрушений Храмов вавилонянами и римлянами, – носит духовно-религиозный характер, отражая битву всей человеческой жизни.

Истинная битва за жизнь – это не битва за землю, почести или богатство. Это битва за власть духа над материей. Главный вызов, который брошен нам – не политический, а духовный. Мы должны определить для себя цель и направление. Вот почему мы скорбим о разрушении Храма и молимся о его восстановлении: мы тоскуем, мечтаем и делаем всё, что в нашей власти, чтобы воссоединиться с направлением, задачей и смыслом нашей жизни – тем, что мы потеряли около двух тысяч лет назад.

И мы наращиваем усилия, чтобы воссоединиться с нашей внутренней целью – путем углубленного изучения Торы, с помощью молитвы и добрых дел. Мы стремимся к обретению внутренней гармонии. И главное, мы делаем всё возможное, чтобы преодолеть разделенность и укрепить любовь друг к другу. До тех пор, пока мы не поймем суть нынешней конфронтации – иногда ее называют «столкновением цивилизаций», – мы будем оставаться ее жертвами и растрчивать энергию в нескончаемом, кровотокающем чудовищном круговороте.

Победителем в итоге окажется не тот, кто обладает самым мощным оружием. Победит тот, у кого самое мощное духовное видение.

И пока все миролюбивые люди скорбят о трагических потерях, молятся о прекращении конфронтации, мы должны помнить: за кратковременными вызовами вырисовывается более общая картина. Мир находится и всегда находился в состоянии войны – яростной битвы между материализмом и духовностью, между личной выгодой и высокой целью. Главной ареной этой битвы – сейчас и в течение всей истории – остается Израиль.

Итак, дамы и господа, время проснуться! «Подъем, подъем, подъем!» – так в летнем лагере нас каждое утро поднимал раздражающий звук побудки, резко обрывая наш мирный сон. Да, звук раздражающий... В этом, наверное, сила обетования «вот, не дремлет и не спит страж Израиля» – даже если сами мы можем уснуть.

ДОКОЛЕ?

Леонид Радзиховский

Последние события – «война» Израиля против... Кстати, против кого же всё-таки эта война? Против «Хизбаллы», как уверяет Израиль? Или против Ливана, как кричат мировые (в частности, российские) СМИ?

Ну, разумеется, Израиль не имеет ни малейшего намерения воевать с Ливаном. Но, увы, война – инструмент грубый. И понятно, что Ливану досталось на орехи. И боюсь, что свою ненависть ливанцы (в том числе и многие христиане Ливана!) адресуют не тем, «из-за кого» началась война, а тем, кто реально бросал на них бомбы... (Боюсь, что христианам всё-таки «тоже досталось».)

Вот в связи с этим и встает вопрос «доколе?»

Насилие исламистов порождает насилие евреев. Насилие евреев порождает новое насилие исламистов. Замкнутый круг... И как же его разомкнуть? Евреям сделать над собой усилие и подставить левую щеку – скажем, вступить в переговоры с похитителями солдат? Но помимо того, что это значит «изнасиловать себя», это только подольет масла в огонь! Да, насилие в конечном счете порождает насилие. Но оно – хотя бы временно – и гасит волну насилия. «Пусть ненавидят – лишь бы боялись». Слабое утешение... Но хоть слабое – а утешение!

А вот демонстрация бессилия (слова «гуманизм» наши братья по разуму из Палестины не знают) точно порождает только утроенное насилие. «Пусть ненавидят – и не боятся». То есть пусть ненавидят – и презирают! Презрение – единственная форма «небоязни» у палестинцев, насколько мы можем судить.

Но где же свет в конце тоннеля?

Этот вопрос каждый раз, естественно, возникает при очередном обострении ситуации. Вместе с ним идут еще два бешено-гневных вскрика: «Ну что, что эти сволочи от нас хотят?! Мы же к ним не лезем!» и «Ну почему, почему весь мир против нас?! Почему все евроСМИ так нагло на нас клеветают?!»

Вот в этом мне и хотелось бы на спокойную голову разобраться.

Конечно, это очень легко – сидишь в Москве, тебе «Хизбалла» не угрожает. Тут хорошо «спокойно разбираться»! Но в свое «оправдание» могу лишь сказать, что, может быть, спокойный анализ хоть немного кого-то успокоит – и это уже «извиняет» мою статью.

Мне кажется, что всё-таки наше вполне естественное раздражение, гнев, у кого-то отчаяние играют с нами дурную шутку.

Положение Израиля на самом деле не только совсем не «безнадежно». Оно гораздо лучше и прочнее, чем 20–30 лет назад. Больше того. Несмотря на всплески террора, несмотря на всю эту «войну цивилизаций», которая идет на Святой земле, сегодня существованию Израиля ничто всерьез не угрожает. Угрожают безопасности отдельных граждан – и государство борется за своих людей. Но опасности гибели Израиля – нет.

И главное – неправда, что «весь мир против нас». Весь мир «не любит» евреев... допустим. А кого он любит? И зачем евреям эта «любовь»? Большинство стран и народов достаточно равнодушно (а следовательно – рационально) относится к евреям. И это – чудесно. Ведь и евреи к ним так же относятся.

Ни одно арабское государство сегодня не собирается воевать с Израилем. Как известно, в 1947–1973-м это было совсем не так... Так или иначе, после падения Хусейна Израиль от одного своего смертного врага избавлен. Да, есть Иран (Сирия – фигура зависящая). Мы слышим угрозы, оскорбления и брань, исходящую от Ахмадинежада. И не замечаем, что ведь этот красавец своих-то («Хизбалла») предал!

Иран не послал войска в Ливан. Иран не заставил Сирию начать войну. Иран много раз публично заявлял, что он в этой войне не участвует. Пусть врет. Но в любом случае, это совсем не то, чего вправе были ждать деятели из «Хизбаллы».

Больше того. Да, нас раздражает – и совершенно справедливо – лживая, демагогическая, истерическая антисемитская (виноват... антисионистская) пропаганда российских и европейских СМИ. Но, во-первых, собака лает –

ветер носит. Во-вторых, не такое слышали! Вспомним хотя бы недавнюю советскую пропаганду. Пережили ее – переживем и этот бред. Евреи мы или нет, в конце концов? А раз евреи – так будем умнее наших... друзей. И не будем доставлять им удовольствие, впадая в панику, гнев, депрессию. Усмехнемся, переступим, пойдем дальше.

Но главное – совсем не это.

«Где свет в конце тоннеля?»..

А кто доказал (говорят-то все!), что Израиль – в тоннеле? Израиль давно вышел из тоннеля.

Сегодня нет, кроме Ирана, ни одной страны (Палестина – не страна), которая считала бы своей целью уничтожение Израиля. И насчет Ирана... Да, надо сделать всё, чтобы не дать им ядерное оружие. Но даже если они его всё-таки получат, нет оснований считать, что они – «страна-шахид» и это оружие применят. Иран громко вопит на Израиль, но, очевидно, имеет в виду совсем другое. Стать лидером – политическим, военным, моральным – на Ближнем Востоке. Как этого могут достичь персы, а не арабы? Шииты, а не сунниты? Только демонстрируя свою запредельную, истеричную ненависть к Израилю.

А другие страны, арабские страны совсем не хотят быть «под Ираном»!

Ну вот как-то не вдохновляет их этот недоделанный Гитлер-наполеончик с его взвизгами... Египет, Саудовская Аравия, не говоря уж про «традиционно дружественный Ирану» Ирак... Не говоря уж про мощную (хоть и не арабскую) Турцию...

Кто из них готов поддержать стоны страсти г-на Ахмадинежада? Никто.

Да, Израиль в своей политике совершил массу ошибок. Но главное удалось – он выжил. За 60 лет (с 1947 года) его население выросло в десять раз! И, повторяю, нет сегодня стран, готовых всерьез бороться за уничтожение Израиля.

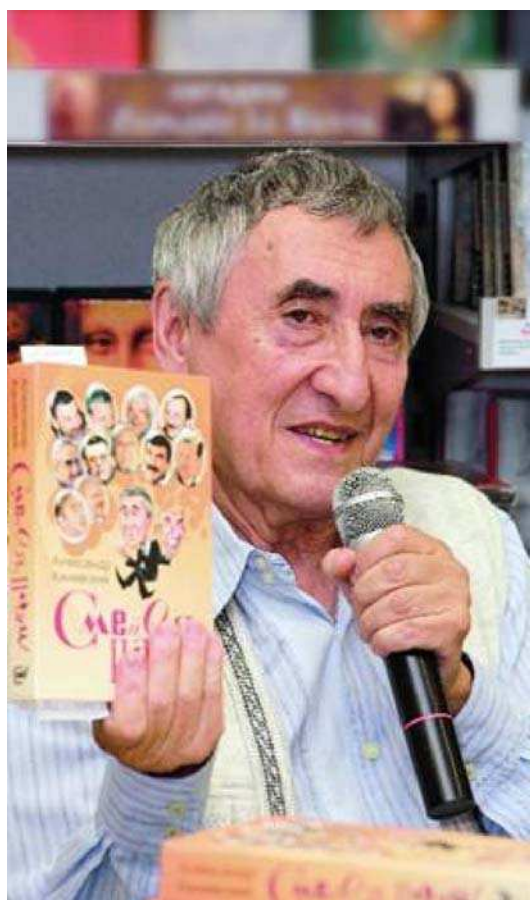
Нет причин впадать в панику и, как Иов, вопрошать Г-спода: «За что?!»

Израиль жив – и будет жить. Лехаим!

АЛЕКСАНДР КАНЕВСКИЙ: САТИРА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Александр Рапопорт

Александр Каневский, писатель-сатирик, с 1990 года живущий в Тель-Авиве, этим летом приезжал на «историческую родину». Его приезд связан был с выходом в российском издательстве «Зебра Е» нового его романа «Смейся, паяц» и презентациями книги в Киеве и в Москве.

– Александр Семенович, фамилия Каневский происходит от названия города Канев?

– Есть две версии происхождения фамилии. Одна – от названия города, другая – от польского слова «каневка», то есть часть седла. Поляки Каневские, скорее всего, образовали свою фамилию от «каневки», а мои предки – от «Канев». Несколько их поколений жило на Украине. Отец родился в Каменке Черкасской области. Там находилось имение графа Давыдова, у которого собирались декабристы из Южного общества. Мой дед служил в имении главным садовником, у него была большая семья. Родились одиннадцать детей, выжили из них семеро. Отец мой стал крупным экспертом в пищевой технологии, последняя его должность – замдиректора фабрики по переработке фруктов. В Киеве отец познакомился с будущей женой, моей мамой. В этом городе родился я и мой младший брат, актер Леонид Каневский. А до Киева отец долго работал на Кавказе, приобрел там массу друзей. Мое детское воспоминание: приходит посылка, в фанерном ящике орехи, между ними пара бутылочек вина. Папа говорит: «Кто-то едет». И через день вваливается компания: грузины, или греки, или армяне, или абхазы, или все они вместе. Возгласы, объятия, поцелуи. После этого начиналась большая гулянка с лезгинкой вокруг стола, иногда и на столе. Так бывало чуть не каждую неделю. И когда меня потом в Москве или в Израиле спрашивали, как я не устаю от застолий, я отвечал: «У меня очень загульные гены».

– Был ли кто-то еще из ваших родных, кроме брата, связан с литературой либо с актерской профессией?

– Двоюродный брат отца был известным в Киеве актером. Я помню, как он и его приятели, молодые, хулиганистые, собирались у нас задолго до того, как стали заслуженными или народными, и устраивали веселые попойки. На Новый год они поставили у нас дома елку, повесили «мерзавчики» по 125 граммов, половинки селедочек, обрезки колбасы и сыра. В полночь стали с ножницами под елку, выпивали-закусывали «елочными украшениями» и поздравляли друг друга. Мне страшно нравился их образ жизни. Мама и папа были близки к этой компании и к богемному образу жизни. Папа много зарабатывал, но деньги заканчивались быстро. Когда это случалось, мама закладывала в ломбард свою котиковую шубу, и празднество продолжалось.

– Она была домохозяйкой?

– До встречи с отцом она училась в консерватории по классу фортепьяно у профессора Беклемишева, была уже на 3-м курсе. Но тут появился папа, ему было тридцать лет, ей – девятнадцать. Они были красивой парой. Мамин дом заполнили цветы, коробки конфет, шампанское. Папа приглашал ее в театры, на концерты и вечеринки. У мамы закружилась голова, она бросила консерваторию и вышла замуж. Профессор Беклемишев дико орал на нее, но было уже поздно. В медовый месяц они с отцом уехали на Кавказ, где я и был зачат.

В моем романе «Смейся, паяц» я много пишу о маме. Она была незаурядной и авантюрной личностью. Работала в театре, в Худфонде расписывала батик, ей всё хотелось попробовать. И она очень поддержала меня и Леню в нашем выборе. Ведь отец рассчитывал, что кто-то из сыновей выберет его профессию. На меня батя махнул рукой с тех пор, как я начал писать стихи и создавать хронику трагикомических событий, имевших место в нашей коммунальной квартире. А Леня был упитанным еврейским мальчиком, любил поесть, и отец надеялся, что уж младший-то сын станет работником пищевой индустрии. Но когда брат был в седьмом классе, дома появилась книжка Станиславского «Моя жизнь в искусстве». И Леня записался в театральный кружок, кстати сказать, при клубе МВД: это, видимо, предопределило его амплуа. Узнав о его увлечении театром, папа понял, что оба сына «потеряны для дела». В его представлении мы были людьми без профессии. И он страшно переживал за нас. Леня-то, по крайней мере, в театре получал зарплату, а я нигде не служил. Когда у меня пошли первая книжка, первая постановка пьесы, первые афиши, он несколько примирился с моим выбором. Его приятели-пенсионеры потом рассказывали, что он брал эти вещи в парк, где они проводили время, и показывал им. Позже, когда у меня и у брата появились имя и репутация, папа уже хвастался нами, двумя «уродами в семье»: «Один сын у меня писатель, другой – актер».

– Ваши постоянные занятия литературой начались со студенческой самостоятельности, для которой вы писали?

– Нет, еще со школы. Я писал стихи, был бессменным редактором школьной стенгазеты. Много читал – тогда это были Жюль Верн, Вальтер Скотт, Майн Рид, всё то, что интересно подростку. Был одержим чтением, прочитывал по три книги в день. Родители боялись, что я чокнусь, и установили мне норму в две книги. Третью я прочитывал уже втайне от них, с фонариком под одеялом. Позже набрел на книги Ильфа и Петрова. Бабеля прочитал где-то в восьмом классе.

– Вы какого года рождения?

– 1933-го. Дети, взрослевшие после войны, развивались ускоренно. Почти все из моего класса сделали хорошую карьеру. Многие стали кандидатами или докторами наук, заведовали кафедрами, один из наших одноклассников возглавил строительный трест, Алик Рост стал певцом. Педагогам с нами было тяжело. Если учитель не нравился нам, мы действовали против него с подростковой жестокостью. За многое, что мы тогда творили, мне сегодня стыдно. Например, был у нас учитель черчения Арон Исаакович. Он прошел ленинградскую блокаду, был нервным, издерганным, вздрагивал от каждого стука. Мы должны были сдать ему чертеж, так называемую «форматку А-5». Один из нас умел ее делать, получал пятерку, после чего «форматка» выкрадывалась, стиралась одна фамилия, писалась другая, чертеж сдавался снова. Постепенно бумага на месте фамилии истончалась, последнему приходилось уже подклеивать. И вот Алик Рост сдает чертеж, Арон Исаакович говорит: «Алик, это не ваша “форматка”». – «Нет, моя». – «Не надо обманывать. Тройку я вам поставлю...» – «Тройку?! Я хочу пятерку!» – «Алик, это некрасиво... Я ставлю вам тройку, чтобы у вас не было неприятностей в четверти». – «Арон Исаакович, если вы не поставите пятерку за мою “форматку”, я выброшусь в окно!» – «Алик, не шутите так...» Третий этаж, лето, окно

распахнуто. Алик бросается к окну, переваливается за подоконник и, пригнувшись, по карнизу уходит за угол. Арон Исаакович бледнеет: «Дети, что он сделал?..» – «Это из-за вас, это из-за тройки!» – кричим мы. Учитель подбегает, смотрит вниз: Алика нет. Белее мела, Арон Исаакович поворачивается к нам и говорит: «Дети, он разбился в пыль».

– Однако, несмотря на склонность к литературе, вы поступили в технический вуз?

– Не от хорошей жизни. Мои первые публикации в молодежных киевских газетах появились, когда я учился в девятом классе. Перед выпускным учительница литературы подарила мне мои школьные сочинения, оказывается, она их собирала. Но это было время борьбы с космополитизмом, а Украина бежала в этом деле впереди паровоза. Евреи теряли работу, людей шельмовали, были случаи самоубийства. Киев был столицей советского антисемитизма. Если другим городам можно за это поставить пять баллов, то Киеву – все десять. Я окончил школу с золотой медалью и подал документы с рекомендациями от двух газет на журфак Киевского университета. Сделал это в первый день работы приемной комиссии, в 8 часов утра. Медаль тогда давала право на зачисление без собеседования. Через три дня мне вернули документы. После этого я подал на романо-германское отделение университета – опять вернули. Подал на славянское отделение – то же самое. Подал на юридический факультет – вернули документы. Так продолжалось около месяца. После очередной попытки я понял наконец, что в Киевский университет мне не поступить. Мой ближайший друг Юра Шостак, сын завотделом ЦК компартии Украины, потащил меня на прием к проректору. Он не мог понять, что происходит. «Если тебя не примут, кого ж тогда примут?» – «Отстань, я не пойду. Бесплезно». – «Пойдешь, гад!» Записал меня на прием, куда я шел под его конвоем. Заходим, в кабинете сидит раскормленная свинья, щеки – на плечах. Разговор происходит по-украински. Проректор берет мои бумаги, смотрит: «Хорошие, хорошие документы. Будете показывать их своим внукам». – «Но я хочу показать приемной комиссии». – «Напрасно. Вас не примут». – «Но медаль дает право зачисления без экзаменов!» – «Да, право у вас есть. Но в украинский университет вас не примут». – «Почему?» – «Ну, мне так хочется...» – «А знаете, что мне хочется?» – «Интересно...» На столе у него стоял мраморный письменный прибор с углублением для перьевых ручек и с двумя чернильницами. Я беру чернильницу – помню, она оказалась тяжелой – и кидаю ему в голову. И проректора, и меня спасло присутствие Юрки. Он знал, что, если меня разозлить, я перед дракой бледнею и начинаю говорить медленно. Он успел броситься ко мне и ударить по руке. Поэтому проректору я всего лишь рассек ухо. Поднялся шум, меня отвезли в милицию, продержали до ночи, потом выпустили. Юркин отец помог замять это дело.

Некоторое время после я лежал дома, кусал подушку, мама закрывала меня на ключ. Когда осталось несколько дней до первого сентября, она отнесла мои документы в автодорожный институт, открывшийся в то лето в трех кварталах от нашего дома. Новый институт не был престижным, поначалу там было только два факультета. И антисемитизм в технических вузах ощущался меньше. Меня зачислили на дорожно-строительный факультет. За день до этого забежал Юра: «Меня приняли в университет. Если можешь, прости».

В институте я выпускал стенгазету «Оса», она занимала первое место на конкурсах вузовских газет. Партбюро института ценило это, ему нужно было чем-то прославить свой вуз. Однажды, когда у меня случился конфликт с ректором и был вывешен приказ о моем отчислении, партбюро вмешалось и убедило приказ отменить. Единственный случай в моей биографии, когда партия мне не навредила, а помогла.

– Так им нужна была стенгазета «Оса»?

– В то время важно было показать, чем один вуз отличается от другого: стенгазетой, самодеятельностью, спортсменами. Газета «Оса» была событием. Сперва она выходила на огромных листах ватмана, потом я стал выпускать различные приложения к «Осе», потом придумал театральные вечера «Осы». Об этом знали, и райком хвалил институтское партбюро за вовлечение студентов в общественную деятельность.

В институте преподавал профессор Георгий Камиллович Сюньи, первый француз, которого я увидел в своей жизни. Он, единственный из моих знакомых, носил элегантнейшие костюмы, сшитые не в СССР, а во Франции, и пахло от него не «Шипром», а парижским парфюмом. Преподавал он «Стройматериалы», был остроумен, и на его лекции собирался весь институт. Я сдружился с ним, он ходил на все мои театральные вечера, позже был на моей свадьбе. Когда я сдал последний экзамен, он пригласил меня в популярное у студентов питейное заведение. Кафе располагалось на нашей улице, две первые буквы с вывески отвалились, мы так и говорили: «Пойдем в фэ». В кафе старый профессор сказал: «Ты напоминаешь мне меня самого в молодости. Но ты пойдешь дальше – в тебе пружина сильнее. Когда у тебя горят глаза, ты можешь всё: убедить, влюбить, доказать, пробить. Но когда глаза гаснут, ты эти

возможности утрачиваешь. А гаснут они, когда ты сыт. Вот тебе мой завет: не пресыщайся. Ни едой, ни питьем, ни женщинами, ни деньгами, ничем. Будь полуголодным – вот твое состояние». Сперва я рассмеялся. А потом понял, как хорошо знал меня этот мудрый француз.

«Yôî ŷ».

– После института обязательным было распределение. Какой город вам достался?

– Прочтя список городов, я сказал комиссии, что мне нравятся города с двойным названием: Буэнос-Айрес, Монте-Карло, Баден-Баден, но, поскольку их в списке нет, я выбираю Кзыл-Орду. И меня с удовольствием туда направили. Проехав Кзыл-Орду, я остановился в Алма-Ате. Там я спроектировал мост, написал первые рассказы, пьесы и через девять месяцев вернулся в Киев. Алма-Ата дала мне веру в собственные творческие силы. В Киеве в последний момент мои фельетоны убирали из газет, пьесу в кукольном театре сняли с постановки. А в Алма-Ате не было антисемитизма, я с ходу стал печататься, написал эстрадное представление «Алма-атинские яблочки», оно шло каждый день. Два театра, после того как я прочитал им заявки, заключили со мной, мальчишкой, договоры на написание пьес. ЦК ВЛКСМ Казахстана освободил меня от работы по распределению и заказал эстрадное обозрение «Мы с целины» для Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Написав его, я смог вернуться в Киев.

– Когда вы начали писать для эстрады?

– Тексты для эстрады начались, когда я вернулся в Киев. В театры и в кино стоял железный заслон: они существовали на государственные дотации. А эстрада была на самоокупаемости, не будет ходить зритель – эстрада погибнет. Туда можно было пробиться. Ради того, чтобы приходила публика, эстрадное начальство готово было смириться с тем, что для них пишет еврей Каневский. Мои монологи, сценки, потом более крупные вещи всегда хорошо принимались публикой. Я тяготел к драматургии, к характерам и взаимоотношениям людей.

– Первая ваша пьеса была поставлена в Алма-Ате?

– В Алма-Ате поставили эстрадное шоу. Вернувшись в Киев, я восемь лет работал с соавтором Робертом Виккерсом. Первое, что мы написали вместе, была пьеса для театра кукол, она пошла одновременно в Киеве, во Львове и в Одессе. Для начала это было очень хорошо. Нашу карьеру на эстраде можно было назвать стремительным взлетом. Мы попытались наполнить эстраду смыслом. В начале 60-х годов к нам обратились Тимошенко и Березин: это был эстрадный «потолок», элита – Райкин, Миронова, Менакер и они. Их показывали по телевизору, они собирали Дворцы спорта, могли работать по три спектакля в день с аншлагом.

Вместе с Робертом мы написали сценарий к фильму «40 минут до рассвета». Он был снят на студии «Беларусьфильм», Ромм и Герасимов высоко оценили его. Но Политуправление армии повесило на фильм ярлык «еврейский пацифизм».

– Это был фильм о войне?

– Там был такой сумасшедший ход: якобы сегодня живут талантливые и яркие люди, один из них – ученый, другой – врач, нашедший лекарство от рака, идет рассказ об их жизни. А на последних минутах фильма выясняется, что всё происходит в воображении героя, пришедшего к обелиску на могиле друзей, погибших во время войны. Фильм о том, что война забрала, может быть, нового Пушкина, нового Эйнштейна, нового Пирогова. Наша жизнь могла бы быть другой. Главную роль сыграл Глеб Стриженов. Я считаю его великим актером, во время съемок он делал не дубли, а варианты, он не повторялся. Хрущев тогда запретил фильм Хуциева «Застава Ильича» и дал распоряжение, чтобы на всех студиях боролись с влиянием Запада. Поэтому через неделю наш фильм был снят с проката. «Вы считаете, что погибали лучшие?» – спросили нас. – «Да, погибали лучшие». – «Это – еврейский пацифизм».

Георгий Товстоногов, кстати, предлагал мне сделать пьесу на этом материале. Но я уже грезил кинематографом и отказался. Теперь жалею.

– Что еще вы писали для кино?

– У меня много мультфильмов. Я люблю эксцентрику, буффонаду, поэтому мультфильмы мне близки. Один из них, под названием «Лень», получил премию на международном фестивале. Для Тимошенко и Березина мы написали сценарии к трем комедиям, где они снялись: «Механические приключения Тарапуньки и Штепселя», «От и до», «Моя хата не с краю». Много было телевизионных работ и короткометражек, хроникальных и игровых, за которые я получал премии.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших пьесах.

– В Советском Союзе драматурги принадлежали к элите. Если пьеса шла хотя бы в трех театрах, драматург уже был обеспечен и мог думать о следующей пьесе. Но идеологический контроль был очень жестким. Мои пьесы театры ставили, однако после премьеры обкомы запрещали их. В Москву я приехал с пьесой «Вперед-назад», ее начали репетировать в Театре оперетты и в Театре имени Гоголя, музыку к ней написал Кабалевский. Он говорил, что взялся за это, потому что встретил философскую комедию, чего на сцене давно не было. Семь человек, олицетворявших пороки общества того времени, семерых нечистых, отправили на необитаемый остров. Дали им запас семян, оборудование, материалы, чтобы они смогли построить жилье, наладить хозяйство. Но так как они – одного поля ягоды, у них происходит обратная эволюция, наступает капитализм, потом феодализм, потом рабовладение, наконец они превращаются в обезьян. С ними на остров отправили козу, и коза за компанию дичает: превращается в маленького мамонта. К репетиции приступили более ста театров, пьесу купили соцстраны. Главный редактор Министерства культуры СССР говорил мне: «Саша, готовьте чемодан для денег, такого ажиотажа еще не было». Когда Фурцева собрала коллегия по поводу встречи юбилея Великого Октября, как тогда выражались, речь зашла и о моей пьесе. Ей вкратце пересказали содержание. «“Вперед-назад”? Хорошее название к юбилею революции, – заметила она. – Значит, к пятидесятилетию советской власти мы вернулись к обезьянам? Ха-ха-ха!» Поднялся Кабалевский, начал пьесу защищать, но было уже бесполезно. Она приняла решение. Пьесу запретили после премьеры в Москве, запретили постановки и в других городах. Успели поставить ее лишь в Польше, хотя в соцстраны разослали письма с мнением Минкульту. Через несколько лет я был в Лодзи и узнал, что пьеса прошла с успехом. «А я не получила письма...» – рассмеявшись, сказала мне режиссер.

И так происходило со всеми моими пьесами! В Харькове после премьеры запретили комедию «Три полотна» – пародия «Трех мушкетеров». Герои вступаются за честь женщины, борются с ханжеством, жлобством, с приспособленчеством и двуличием, то есть с пороками социалистического общества. Помимо Харькова ее взяли еще четыре театра, все они вынуждены были прекратить репетиции.

Вместе с Робертом Виккерсом мы написали пьесу «Удавы и кролики». Истории известны Лже-Нерон, Лжедмитрий, а мы придумали, как миру готовили Лже-Гитлера. В Аргентине живет семья, якобы Гитлер и Ева Браун, у них двое детей. Главный герой Хуго – неудачливый цирковой артист. Он теряет работу, торговал героином, сидел в тюрьме. И он всё время повторял: «Я сделаю номер, в котором кролик проглотит удава. Вы всё увидите!» Хуго мечтал изменить свою жизнь и согласился на роль фюрера. Действие начинается в день «икс», когда впервые распускают слухи, что Гитлер жив. В семью приглашают новую служанку. Выясняется, что ее отец охранял Гитлера и покончил с собой в конце войны. Узнав, кто перед ней, она подсыпает Лже-Гитлеру стрихнин. Срочно ищут врача – домашний врач уехал, приводят врача-еврея, который был узником концлагеря... Дочь Хуго влюбляется в итальянца, который участвовал в демонстрациях против Гитлера и Муссолини... Хуго понимает, что нельзя взять на себя эту роль, не приняв

ответственности за то, в чем Гитлер повинен. Ему это не по силам. В финале он кричит: «Кролик не может проглотить удава!» – и сам принимает яд.

Товстоногов сказал мне о Хуго: «Актер ждет такую роль всю жизнь». Пьесу приняли к постановке несколько театров, первым ее выпустил театр в городе Мукачево, под Ужгородом. В Мукачево, между прочим, живут актеры-астматики, приехавшие туда ради климата. Они сыграли блестяще, я не ожидал такого в маленьком городе. Но, несмотря на это, комиссия из обкома мне заявила: «Проповедуете Гитлера. Почему в пьесе пять фашистов и всего один коммунист?» – «Но это же не футбольная команда...» – «Введите еще четырех коммунистов, тогда мы подумаем...» Вот так у меня гробили спектакли. Именно сборы вызывали у обкома интерес: откуда аншлаги в театре, который раньше их не имел? Что-то там не так...

– Запреты спектаклей по вашим пьесам вынуждали вас писать для эстрады?

– Нет-нет, занявшись пьесами, я полностью прекратил писать для эстрады. На эстраде мне стало тесно, но я ей благодарен. Эстрада учит работать на малой площади, в ограниченном времени, учит поймать внимание зрителя, не потеряв ни секунды. Упустил секунду – всё, провал.

Помимо пьес я писал прозу, имя мне составили рассказы. Книжки выходили в издательствах «Искусство», «Советская Россия», Библиотечках «Огонька» и «Крокодила», в «Мистецтве» и «Радянском письменнике».

От газеты «Советская культура», где я вел рубрику «Автопробег за шуткой», я на машине ездил по Европе и писал репортажи. Книга моих путевых очерков «Города и люди, или Полное собрание впечатлений» вышла стотысячным тиражом в издательстве «Мысль». Я много печатался в соцстранах, в частности, в Болгарии, Чехословакии, Польше.

«І тў ёдднє ааў і аі а».

– Сколько книг у вас вышло?

– На русском языке 16 книг. Это в основном рассказы, а также пьесы, повесть «Теза с нашего двора» и последняя книга – роман «Смейся, паяц». Теза – женское имя, Тереза. Это повесть о предыдущей алии, когда прощались навсегда. Она давно складывалась у меня в голове, а когда замаячила перестройка, я удрал в Дом творчества в Репине и за две недели написал ее. Там жил тогда Юрий Нагибин, он попросил: «Дайте почитать» – «Она еще теплая...» – «Дайте-дайте, я обожаю теплое и сырое». На следующий день говорит: «Вы знаете, что вы пишете на идише, только по-русски?» Потом добавил: «Вы – растратчик. Из каждого вашего абзаца другой писатель сделал бы главу. Нельзя писать тюбиком. Это неэкономичный расход краски». Я ответил, что пришел в прозу из драматургии, а в драматургию из эстрады. Поэтому я прежде слышу, а потом вижу. Лишнее я вычеркиваю. Он говорит: «Эта болезнь была у Ильфа и Петрова, Олеси, Эрдмана...» Я прервал его: «Эта палата меня устраивает».

В Израиль я уехал в июне 90-го года, а повесть вышла в конце апреля в Библиотечке журнала «Огонек» тиражом в 150 тысяч. До того Коротич опубликовал главу в «Огоньке». Еще до моего отъезда издательский кооператив в Киеве подписал со мной договор и за две недели издал ее тиражом в 50 тысяч. В Израиле повесть выдержала шесть переизданий. В России ее издали «пираты». На основе повести я написал пьесу, она шла в Москве, а сейчас идет в шести украинских театрах и в тель-авивском Театре комедии.

– В конце 1980-х вы организовали в Москве театр «Гротеск». Он был на полной самоокупаемости?

– Конечно. Нам предоставили двухэтажный фабричный клуб в районе Таганки с залом на 400 мест. Мы начали готовить шоу «Ночь смеха», но к этому возник такой интерес в Москве, что 400 мест мне показалось мало, и я снял зал на 1200 мест в кинотеатре «Таганский». Там мы устроили открытие театра. «Ночь смеха» вели Леня Якубович и Вадик Жук. В фойе стоял щит из неструганых досок с надписью «Спонсоры театра “Гротеск”»: райисполком такой-то, мыловаренная фабрика» и так далее. Слева и справа две восточные красавицы в шальварах самозабвенно охлаждали щит опахалами. Два актера изображали нищих, на ступеньках лестницы пели куплеты о перестройке. Зрители принимали всё это за чистую монету, бросали им деньги, а испуганный администратор прибежал и спрашивал, что с ними делать. Лучшие карикатуристы Москвы Златковский, Дубов и Песков продавали в фойе свои шаржи. Мы устроили лотерею с шуточными призами, аукцион юмористических книг Горина, Арканова, Жванецкого, Альтова, Мишина, Задорнова. Провели три таких шоу.

Позже поставили мою пьесу «Семь Робинзонов»: название «Вперед-назад» я заменил. Спектакль оформляли Давид Боровский и его сын Александр. Я разобрал сцену и сделал в ней траншеи. Герои пьесы постепенно деградировали, из обезьян превращались в червей, ползали в траншеях... «Более веселого хулиганства я не видела», – сказала мне Пахмутова.

«Уòî ì ù, ŷ è ì ïŷ æáí à»

– Театр просуществовал два года. Потом вы переехали в Израиль. Когда появилась мысль издавать юмористический журнал?

– Еще до отъезда. А в Тель-Авиве ко мне пришли израильтяне и предложили проект с юмористическим журналом. Они ускорили процесс. Но, увы, оказались жуликами: два последних месяца не платили нам зарплату, взяли ссуды, деньги за будущую рекламу и удрали в Америку. Потом пришли другие люди, помогли нам подняться. И затем семь лет я вел это дело без всякой поддержки. Устраивал в тель-авивском Дворце спорта на пять тысяч мест Международный фестиваль смеха, организовывал вечера журнала «Балаган», открыл Центр смеха и гостиную «Балагана», где выступали многие артисты и писатели. К нам приходили и сабры, и выходцы из России. С 1990-го по 1998-й ежемесячно выходили журнал «Балаган», приложение для детей «Балагаша» и газета «Неправда». Они распространялись по всему миру, даже из Японии читатель прислал чек с напутствием «Банзайгезунд». В России «Балаган» распространяла «Роспечать». Предлагали и издавать в России, давали корпункт. Но я к тому времени уже устал от журнала, не нашел директора и закрыл это дело.

– Вы можете сказать, чем отличается юмор российских евреев от юмора коренных израильтян?

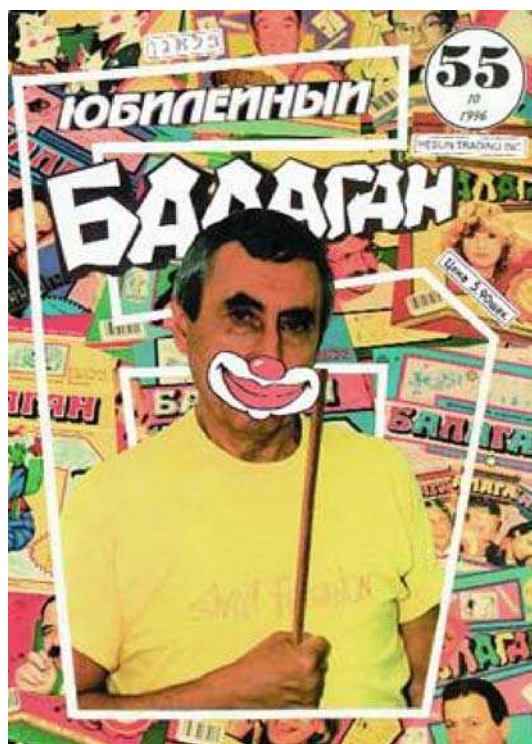
– Трудно ответить. Могу только подтвердить, что отличается. Не всё, что смешит их, смешит нас. Когда я приехал, то дал четыре рассказа в газету «Едиот ахронот». Их прекрасно приняли. Но я выбрал рассказы, где затронуты общечеловеческие проблемы. А вот моя повесть «Теза», где проблемы наших, советских евреев и где присутствует одесская специфика, переведена на иврит дважды, но я был против ее публикации: меня, моего юмора в этих переводах нет.

У них хороши сарказм и ирония в политической публицистике, в газетных фельетонах. А юмористическая литература гораздо слабее. Я это видел – многие приносили в «Балаган» переводы своих рассказов. Неоспоримой величиной среди израильских юмористов был Эфраим Кишон. Переводчик прислал мне его рассказы. Я ответил, что с удовольствием опубликую, если он разрешит слегка осовременить их, они были 30–40-летней давности. В архиве у меня хранится ответ Кишона. Он писал, что, поскольку некоторые реалии устарели, он разрешает их отредактировать. Гонорар просил заплатить только переводчику и высылать секретарю в Иерусалим по два номера журнала с его публикациями. Я опубликовал много его рассказов, это большой мастер.

Не скажу, что средний израильский юмор примитивней. Хотя есть много того, что ниже пояса, как и на сегодняшней российской эстраде. Израильтяне эмоциональней, чем евреи из России. Зал мгновенно отзывается на любую шутку, их легче рассмешить.

– Сейчас, после смерти Кишона, есть ли такой ивритский писатель, пишущий смешно, которого можно назвать общенациональной величиной?

– Думаю, что нет.

– Появился ли у вас другой проект после закрытия «Балагана»?

– Два года назад я основал театр «Какаду». По моим пьесам вышло три спектакля на русском языке. Сейчас мы намерены переходить на иврит и существовать на двух языках. Маленький рынок: играя только по-русски, выжить невозможно. Мэр Холона предоставил помещения для репетиций и для декораций. Пока существуем как антреприза. Спектакли оформляет один из лучших театральных художников Израиля Александр Лисянский, один из основоположников театра «Гешер». Мы получили приглашение на несколько фестивалей, но вывезти спектакли в другую страну пока нет возможности.

– Свой журнал, а теперь свой театр не отвлекают от сочинительства?

– Отвлекают. Ведь я всё время придумываю себе новую игрушку. В Киеве дома у меня был бар со стойкой, табуретками, фонарями на стенах. Друзья говорили, что это единственный бар в городе, открытый после полуночи. В Москве у меня был театр «Гротеск». В Израиле – журнал «Балаган», а теперь театр «Какаду». Но вот я мобилизовался и написал роман «Смейся, паяц». Он уже продается в России и на Украине, и, к моей радости, хорошо продается. Это повествование о нашей эпохе, о людях, окружавших меня, таких, как мой брат артист Леонид Каневский, мои друзья Аркадий Арканов, Григорий Горин, Леонид Якубович. Это мои размышления, моя исповедь и покаяние, но написанные с юмором и самоиронией. Теперь собираюсь писать продолжение повести «Теза с нашего двора». Я давно обещал читателям рассказать о том, как сложилась жизнь героев после отъезда из Советского Союза. Тем более что теперь я сам стал персонажем этой повести.

«ЕСТЬ ГЛУБОКИЙ ПО СМЫСЛУ РАССКАЗ...»

Бенедикт Сарнов

Я тоже любил песенку Булата о «комиссарах в пыльных шлемах», хотя о зловещей, палаческой роли этих комиссаров и тогда кое-что уже знал. И не только из поэмы Багрицкого. Знал от отца. Из множества историй, которые он рассказывал мне о Гражданской войне. Одну из этих его историй я сейчас расскажу.

Гражданская война застала моего отца в Ялте.

Но прежде надо сказать несколько слов о том, кем он был, мой отец.

Был он, как и его отец, мой дед, – музыкантом. Но дед был самоучкой: играл на скрипке в «еврейском оркестре». (Такой оркестр упоминается в пьесе Чехова «Вишневый сад», и о таком же оркестре в какой-то повести Замятина говорится: «Какой это оркестр? Два жида в три ряда».)

Но отец, в отличие от деда, был уже настоящим музыкантом, профессионалом: окончил Одесскую консерваторию по классу скрипки. Мальчишкой уехал он из родного местечка, добрался до Одессы, поступил в школу при консерватории, потом в консерваторию. Зарабатывал, играя в ресторанах. И – учился. С последнего курса (в 1916 году), выдав диплом об окончании, его мобилизовали и отправили на фронт, где он был, разумеется, капельмейстером.

В Ялте, при Врангеле, пришлось ему вернуться к занятиям своей голодной юности: он сколотил и возглавил маленький оркестр, подвизавшийся в одном из самых роскошных ялтинских ресторанов.

И вот однажды, когда ресторан был битком набит самой разношерстной публикой (дело шло уже к ночи), какой-то сильно подвыпивший врангелевский офицер потребовал, чтобы оркестр сыграл «Боже, царя храни...». Кого-то из сидящих в зале ресторана это возмутило. (Среди врангелевцев были ведь не только монархисты, но и сторонники учредительного собрания, может быть, даже и эсеры.) Завязалась драка. Кто-то выстрелил в люстру.

Не дожидаясь развязки, отец взял в руки свою скрипочку, мигнул братьям-музыкантам, и они все дружно покинули залу.

Рассказывая мне об этом, отец не скрывал, что, хотя играть «Боже, царя храни...» ему, безусловно, не хотелось, увел он своих музыкантов совсем не потому, что пожелал таким образом выразить свою гражданскую позицию. Просто не шибко радовала его перспектива оказаться в эпицентре столь бурного скандала: ведь и пристрелить могли...

Инцидент этот как-то там рассосался. Жизнь продолжалась. А спустя какое-то время в город вошли красные. И тогда один из отцовских оркестрантов шепнул ему:

– Ты, Миша, не должен ни о чем беспокоиться. Я сказал кому надо, что ты – свой. Сообщил, как ты повел себя, когда тот золотопогонник потребовал, чтобы мы играли «Боже, царя храни...».

Отец понял, кем был этот его оркестрант, и мысленно возблагодарил судьбу за то, что случай помог ему предстать в столь выгодном свете перед новыми хозяевами жизни.

Новые же хозяева тем временем издали указ, согласно которому все офицеры, служившие в рядах Белой армии, должны были зарегистрироваться. Тем из них, кто не был замешан в особо злостных преступлениях против народа, новая власть клятвенно обещала сохранить не только жизнь, но и свободу.

Ἄ. Ἀαῖ ἴε: «Ἐσὶα ἡδὸδαοί ἰε ἰδὲαῖ ἰε...»

И тогда другой оркестрант попросил у отца как у человека, отчасти как бы даже близкого этой новой власти, дружеского совета. У него – сын. Юноша, совсем мальчишка. То ли прапорщик, то ли подпоручик. Служил он у Врангеля без году неделю. И вообще раньше он никогда военным не был, до всей этой заварухи был студентом, ну, просто засосало его в эту воронку. Так вот, регистрироваться ему? Или, может, лучше затаиться? Пересидеть? Авось как-нибудь пронесет нелегкая...

Отец подумал и посоветовал зарегистрироваться. А то, не дай Б-г, узнают... Кто-нибудь донесет – еще хуже будет...

Но хуже того, что случилось, ничего быть не могло.

Мальчик честно пошел и зарегистрировался. И был расстрелян. Вместе с тремя десятками тысяч других офицеров, отказавшихся эвакуироваться с остатками армии Врангеля.

Это был тот самый знаменитый расстрел, приказ о котором издали две бешеные собаки, вершившие суд и расправу тогда в Крыму, – Бела Кун и Землячка.

Этот рассказ отца я вспоминал не раз. Особенно хорошо помню, как всплыл он в моей памяти, когда случилось мне прочесть такое стихотворение Демьяна Бедного:

***Ἴὸ εἰὶὸἰἰἰδὲἰ ἴ ε ἡῖ:εε
×ὸἰἰἰ εἰἰἰἰεὸἡῖ ἰἰἰἰἰ
Ἴἰἰἰἰὸ ὸἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰ:εε
Ἴἰἰἰἰἰ ὸἰἰἰἰἰἰ, ἰἰἰἰἰἰἰ
Ἀἰἰἰἰ ἰ ὸεεε ἰἰἰ εἰἰἰἰἰἰἰ
Ἴ ἰἰἰἰἰ ἰ:ὸἰ ὸἰ ἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰ
ἰἰἰἰἰἰ:εεὸἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰ-
Ἐσὶα ἡδὸδαοί ἰε ἰδὲαῖ ἰε***

В образе «товарища Землячки», встающем в последних строчках этого коротенького стихотворения, есть что-то жуткое. В них слышится гораздо больше, чем сказано впрямую. О том же, что именно скрывается за ними, нам оставалось бы только гадать, если бы эта тема не была гораздо более внятно и подробно, а главное, с гораздо большей поэтической силой раскрыта в другом стихотворении другого поэта:

Революция и забастовка,

Пересылки огромной страны.

В девятнад

цатом стала жидовка

Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,

Никакая не мать, не жена –

Лишь одной революции дело

Понимала и знала она.

Брызжет кляксы чекистская ручка,

Светит месяц в морозном окне,

И молчит огнестрельная штучка

На оттянутом сбоку ремне.

Неопрятна, как истинный гений,

И бледна, как пророк взаперти, –

Никому никаких снисхождений

Никогда у нее не найти.

Только мысли, подобные стали,

Пронизали ее житие.

Все враги перед ней трепетали,

И свои опасались ее.

Но по-своему движутся годы,

Возникает базар и уют,

И тебе настоящего хода

Ни вверху, ни внизу не дают.

Время всё-таки вносит поправки,

И тебя еще в тот наркомат

Из негласной почетной отставки

С уважением вдруг пригласят.

В неподкупном своем кабинете,
В неприкаянной келье своей,
Простодушна, как малые дети,
Ты допрашивать станешь людей.

И начальники нового духа,
Веселясь и по-свойски грубя,
Безнадежно отсталой старухой
Сообща посчитают тебя.

Все мы стоим того,
что мы стоим,
Будет сделан по-скорому суд –
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.

Не увидишь и малой поблажки,
Одинаков тот самый режим:

Проститутки, торговки,
монашки

Окружением будут твоим.

Никому не сдаваясь, однако
(Ни письма, ни посылочки нет!),
В полутемных дощатых бараках
Проживешь ты четырнадцать лет.

И старухе, совсем остролицей,
Сохранившей безжалостный
взгляд,

В подобревшее лоно столицы

Напоследок вернуться велят.

В том районе, просторном и новом,

Получив, как писатель, жилье,
В отделении нашем почтовом
Я стою за спиною ее.
И слежу, удивляясь не слишком –
Впечатленьями жизнь не бедна, –
Как свою пенсионную книжку
Сквозь окошко толкает она.

Это стихотворение Ярослав Васильевич Смеляков написал в феврале 1963 года. Примерно тогда же я его прочитал. Даже переписал. И с восторгом читал друзьям и даже не совсем близким знакомым.

Некоторых из моих друзей и знакомых оно возмутило. Они кляли автора за антисемитизм. Я же, никакого антисемитизма в нем не почувствовав, отчаянно спорил и яростно защищал Смелякова от этих несправедливых и даже глупых нападок.

А когда, спустя четверть века, это стихотворение было наконец опубликовано (в «Новом мире», № 9, 1987), с огорчением увидел, что публикаторы изменили его название (вместо «Жидовка» оно стало называться «Курсистка») и первые строки, которые теперь выглядели так:

*Êàçàì àò ù æáí ààòì ñéíàí ñùíéà,
Í àðàííééè íàðíì ííé ñò ðàí ù,
Â àááçòí àáòáòí ñò àéà éóðíé ñò éà
Êíí èííðéíé àðàæáàí ñéíé áí éí ù.*

В. Њí àéüéíà «Âíà-àòéáí ùíí è æèçí ù íà áááí à...»

А может быть, это сделали и не публикаторы, а сам Ярослав Васильевич, уставший от обвинений в антисемитизме, которые наверняка ему приходилось слышать. Или решивший, что такая поправка поможет ему стихи напечатать.

Так или эдак, но стихотворение, как мне тогда показалось, было не просто испорчено. Этой, вроде не такой уж существенной, редакторской правкой оно было, на мой вкус, просто уничтожено. Убито.

Может быть, тут действовала сила первого впечатления, – не знаю.

Как бы то ни было, в память мне врезался и навсегда там остался первый вариант, а образ смеляковской «Жидовки» слился в моем сознании с жутким образом «товарища Землячки», при мысли о котором даже защищенный прочной броней близости к самым верхам партийной верхушки Демьян поживался от страха.

Вот, стало быть, какие они были – эти «комиссары в пыльных шлемах», о которых тосковал Булат и которых с нежностью вспоминал Коржавин.

Гроссман, конечно, всё это понимал, видел, знал. Но, как уже было сказано, – не хотел глядеть в эту сторону.

Его спор с Эренбургом лишь по видимости был спором эстетическим, то есть спором о том, как художнику надлежит изображать жизнь – как запутанную и сложную поэму или как ясную в своей определенности притчу.

На самом деле спор шел не о литературе, а о жизни.

Этот спор выявил не столько даже разность отношения спорящих к реальности сталинского социализма, сколько разность их отношения к его предтечам, создателям Советского государства, большевикам первого призыва, уже исчезающей, почти уже уничтоженной Сталиным когорте ближайших сподвижников Ленина.

Эренбург, как с достаточной прямоотой было им сказано, и их не больно склонен был идеализировать. Его реплика – «Не понимаю, чем вы в товарищах восхищаетесь?» – это ведь именно о них, о «большевиках, вышедших из подполья».

Мало того! Другую реплику, брошенную им там же («О Ленине он говорил с благоговением»), вполне можно истолковать в том смысле, что сам он отнюдь не склонен был относиться с благоговением к вождю мирового пролетариата.

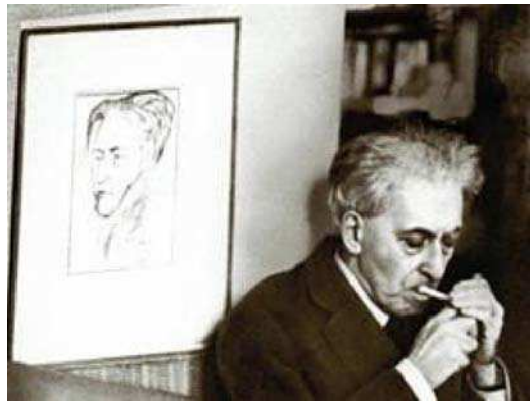
И так оно, в сущности, и было. Среди тех «товарищей», которыми Гроссман восхищался и которых он (Эренбург) «встречал в эмиграции», был и Ленин. И о первой встрече с ним в 1918 году Илья Григорьевич рассказывал совсем не в тех тонах, в каких рисовал эту встречу позже:

Πρότι φαείνι ἐ ἀννοιδεαίτινι ἰδῆνι ἰ ἐς Ἀσοῦδνῆτέ οἰρῶν ἡ ἰτίαι ῥ ἂ ἱ ἀδεα. Οὐδῆνι ἰ δεαῖαι, ἂ ἀν-ἀδῆνι πῶαι δεα ἰ ἂ ἡ ἀδαι ἐε ἂ ἰ ἀεαί ἡεῖνι ἐαῶα «Avenue d'Orleans». ἱ δεαῖνι ἐπῶνῆ ἐῦνῆ -ἀεῖται ἐ ἐδῶεῖτέ ἰ εἶα, ἡ ἐεαῖνι ἐ ἀαρεῖνι ἐ ἰ ἂ ἐδῶν ἡ ἐεῶα, ἰ ἰῶαεε ἰ ἂ ἀῖ ἀδῆαοῖνι ἀρῶαδῆ, ἀῖδεαε δῆ-ῦ

Ἴδῆνι οἰ ἡεῖνι ῥ ἐδῶν ὀῖα, ἡ ἰ ἂ-ἀοῖφ ἰ ἂ ἐεῶα ἰ ῶεαῖνι, ἀαρεῖνι, πῶεε πῶεαεε ἡ, ἀῖδεαῖνι ἰ ἰ ὄαααῖνι ἀῖα ἡεῖ... Β ἰ ἰ ἰ ὀῖνῆ πῆῖα. ἱ ἀεαῖ ἰ ἀδῶεῖνι ῥ ἀῖδεῶα, ἐῖ ὀῖδῶν ἰ δεαῖνι ἂ ἂ ῥ ἰ ἂ ἡ ἀδαι ἐα, ἂ ὀδῶν ἂ ὀ ἰ ῶεῖ: - ἱ ἀεαεε ἂ ἂ ἀῖα ὀ ἂ ἡ ῥῶαεαῶν ἡεῖ ἰ ὀ?

Ἐδῶν ῥ ἐ ἰ ὄαῖνι ῥ ἰ ὀῖαῖ ἐε ἐαεφ-ὀῖ ἰ εἶνι ἂ ἰ ὀφ ῥ ὄου, ἰ ἰ εῶ-εἶ ἂ ἰ ἀῖαῖ ῥ ῥαε ὀ ἂ εῖνι ὀφ δῶν ἐεῶνι ἡ ἡ ἡεῖ ἰ ἂ

(Ἐ. Ἰδῶν ἂ ὀ «Ὁ ἐδῶν ἡεῖνι ἀεῖνι ἂ». ἱ ἰ ἂ ἡ ἐ ἂ ῥ. ἱ. 1918, 27 ἰ ἀδῶ.)

È. Ýðáí áððá «В итёо:её á íááðááò ýçáè òáèýíí òþ ðáí èèéó ñáí íáñ Èáí èíá...»

Это когда он еще был «наивным и восторженным». А вскоре – каких-нибудь несколько месяцев спустя, – когда эту наивную восторженность с него как ветром сдуло, отношения его с Ильичом и вовсе разладились:

Á òí áðá ý áíðíáèè á Íáðèæá æóðíáè ííá íáçáíèáí «Les hommes d'aujourd'hui» («Èþáè ñáíáíý», èçááááí ùè íáíèì èáðèèáò òðèíòíí-ííèýèíí). Íí-æáèì íí ó Ýðáí áððá è Èí áíðèè ñ íèì á ñáèáðáí èá íá èáèèð-òí òíèíáèýò, è òá íðááííòááèè èì ñáèèð ñòðáíèèíá-ðáíáæíèèá Ííí íþ, ÷òí íá íáíí çáíááí èá Ýðáí áððá ýáèèý ñíá-èíè íáíòíýíááí æóðíáèá (íí òíðí áòò è áííáíá áíáðíáí ó áèáò ñááððáííí òíáááíðáíííá ñ òðáíòòíèè) ííá çáááèáèáí «Les hommes d'hier» - «Èþáè á-áðá»... Çáííí íèèá òíèýèíí ñáíèéó á øèíèá Èáí èíá Èáí èíí áíçíáááò Èáí áíááá è çáááò èáèíè-òí áííðíí íá èíòíðíè Èáí áíáá íòáá-ááò íá ñáíáí á áððá Èáí èíá. Õíáá çèííáíá áíçíáááòíý íòááðèòí è íòááðááíèáááò ñèíáí á ñèíáí íí èáèíè-òí èí èáí Èáí èíá...»

Í ù ñóáèè ðáíááòíááòíý ýòíò æóðíáè, òòò æá ÷èòáòíý ðáçááèèíí øóðèè, ñ áá Èáí èíí òíáá ííðííèè íáèí ííí áí Ñóáè íáðèèíòíááòíý è íí íáðá ÷òáíèý áí í ðá-íáá è áí ñáðáèòáá ááæáèíííáí èèòí, ííá èííáò, íè ñèíáá íá áíáðíý, íòóáíðííèè áæááèííí æóðíáè á ñòíðííá... Ííòíí í íá íáðáááèè, ÷òí Èáí èíí æóðíáè ææáííí íá ííðááèèíý è ííááííí áíçí òðèèá èáðèèáò òðá íá íáá è ííáíèíí È áííáíá íá ííðááèèííý ÷òí Ýðáí áððá íòíá-áòáè è, íí-æáèì íí ó ñáèðáèíý øèðíèí ðáíí òííò ðáí ýòí

(Ò È. Áóèèá Èç áííííí èíáíèè.)

Сейчас для нас тут важно не столько то, что Ленину не понравился эренбургский журнал, сколько то, что Ленина и его взаимоотношения с соратниками Эренбург тогда воспринимал юмористически. (Чтобы не сказать – иронически.)

Это подтверждает в своих воспоминаниях о Ленине Г. Зиновьев:

Í áí «ííèèááèè» íá òíèýèíí Í áððíá è Ááí, íí è... ñòíðííèèè Èáááííáá - áíèíòíí áí Ýðáí áððá (áí çááèè òíááá Èèýý Èíòí áòúè, íí íá áúè áíá èçááíðíííí íèíáòáèáí, à íá òáè áááíí íòíòáè íò áíèííááèèíá è íðáííáè òáí áðá ñáè ñèú íá èçáíáèè þí íðèíðè-áíèíáí æóðíáèá «Áúáøèá èþáè», èèíðèíá í òíèèá Èáí èíá è íðí-).»

У Зиновьевы, как человека мыслящего исключительно в пределах тогдашней внутрипартийной борьбы, тут возникла естественная (для него) аберрация. На самом деле Эренбург отошел не от большевиков, а от партийных дел и партийного мышления. Точнее – вообще от политики.

Едва ли не главной причиной этого отхода стало как раз его отталкивание от тогдашних партийных вождей. В частности – от Троцкого, который большевиком тогда не был.

Á Ááíá ý æèè ó áèáííá ñòèáè-ááí íèðáòá Õ. - ý íá íáçíááþ áí èí áíè: áíþííý ÷òí áááííá áíá-áòèáíèý çáèííá þííèè è íáòò ííèáçáòíýíý ñááíáíííí è áæèííáèøèì è ñáúðèýíí è... Õ. áúè ñ í ííþ èáíèíá è, çíááá ÷òí ý ñòðí-ó ñòèèè, íí áá-áðáí áíáðèè í ííýçèè, íá èíèòííòáá Ýòí áúèè íá í íáíèý, ñèíòíðíí è í íáèíí áúèí áú ííííðèòíý à ááçáíáèýýòèíííá í ðèáíáíðí. Õáèèá æá áððáèèòí ý

*daaf-ai ó eiðadán idaeóee áññáadhóáaiíñ áaèà áeííeéé Dúerá? Níimáíúé é ébáui
i íññeííeíúí ññaeáíeyí á eííáíòá eçíúðáíúé á áññáadhóáaiíñ ðeííatáñòáá íaðáçíáíúé é
óaðáíúé Èáí áíáá? Çíàòíé i áeáóíáðíáíñ ðaaf-áá áaèaeáíey, ííeáí èñò-áoyéíò i áeáóíáðíáíñ
ééáññá Çeííáíá?*

(«Áñ òá-áò».)

*Á. Èáíeí: «Íá i íññ íá ñeáçòúí ðáaèeáeíúí eçí áíeòá íáñòáííáé, é ññáá, é
i áñòíæeòáeíúñòáí»*

И – ни слова о том, что «знаток международного рабочего движения, дуэлянт международного класса» был – палач, обрешенный на смерть Гумилева.

Нет, он, конечно, видел, знал, понимал, что эти люди, влюбленность в которых еще тлела, догорала в его душе, – были палачами. И об этом достаточно прямо сказано в той же, последней его книге.

Но героиня Смелякова вызывает ужас. У Гроссмана же слышится усталое: да, виновны, но заслуживают снисхождения.

Что же это значит?

Как могло случиться, что Смеляков, который был советским поэтом уж никак не меньше, чем Гроссман советским писателем, оказался трезвее, пронизательнее, мудрее мудреца-Гроссмана?

31 июля 1919 года Ленин написал Горькому письмо, смысл которого состоял в том, что все впечатления писателя, все его суждения об окружающей его действительности «совсем больные». Чтобы избавиться от такого искаженного, болезненного взгляда на реальность, Горькому, по мнению Ленина, следовало покинуть Питер, переселиться куда-нибудь в глубинку, в провинцию:

*Íeòáð - íáeí eç íaeáíeáá áíeíúñò íóíeòíá çá i íñeáí íá áðáí ý... Áñeé íaeéþááòú íááí
íaeéþááòú áíeçí, áá i íaeíí íáíçáòú ðaaf-óó ííáíñ ñòðíáíey áeçíé, á ðaaf-ai i íñeéá íòíáeíóeé
eéé á áaðáíá.. Áí áñòí yoiá Áú i íñòáaeéé ñáý á.. ííeíæáíeá á eíòíðí íaeéþááòú ííáíñ
ñòðíáíey ííáíe áeçíé íáeíú, ííeíæáíeá á eíòíðí áñ ñeéú óðeííúááþòñ íá áíeíú íá áðþæáíeá
áíeíúíé eíòáeéáííóeé... Á òaeíá áðáí ý íðeííáòú ñáý é ñáí íí ó áíeíú íí ó íóíeòá.. Í é ííáíñ á
áðí eé, íé ííáíñ á áaðáíá, íé ííáíñ íá óaððeéá Áú çáíñ éáé óúíæáíeé, íaeéþááòáeíú eç-áòú íá
i íæáòá.. Í á òí-ó íááýçúááòúññ ññááòáí é, á íá i íññ íá ñeáçòúí ðáaèeáeíúí í eçí áíeòá íáñòáí íáé, é
ññáá é i áñòíæeòáeíúñòáí.*

Ответ на все проклятые вопросы, которыми мучился Горький, был, таким образом, прост и кристально ясен: писатель видит НЕ ТО, потому что он смотрит НЕ ТУДА. Надо обратить свой взор в другую сторону, на другой объект наблюдения – и всё будет в порядке.

***Γί, εαε Αάεαί, ίαί αάαεήνύ ίοίεεύνου, ίί αίά ίίγρεε çàι ðαοεε αί ό ε άεεε άεαάνηάεού
ε ίί άεαάνηάεε..***

Но нередко, замечает Толстой в той же своей статье, случается и обратное: художник хочет восславить, воспеть, «благословить» какое-то жизненное явление, но вопреки своим (самым искренним!) намерениям – отрицает, «проклинает» его:

***В ó-εεήνύ άçαεού ία άεήηεήάά ά ί άίάεά ά είοίοή άεεαπόήνύ η ίοόη άεεεçýì. Ιά
άόάά ί εήοά ί άίάεά ó-εεάήί άçαεού άάί ά Β ίήάά άε ί όή, εαε αή ί ίά ίά ίή άαάοή γοήε άάί ά ε
ηόε η ίοόάοή ίά ίά Ε, άγυή ίά ίά, ý ηόε ίάάεήή άή άεήεα ε άεήεα ί ðεάεεαάοήνύ ε ίάε, ε,
ίάη ίοόή ίά όί, ÷οί ήά, çàι άοεά ήάήήόύ η άοεεά άαεεόήνύ, ý ίάάάε ίά ίά ε ηάεεε, ό. ά
ηάεεά ηάάοάήή ί ðήοεάήήεήάά όή ά ÷οί όήάε, όήεήεή ήόή ά ÷οί ίάίðαεε ίά ίάά
όήεάήήάήεή άίεά***

С Гроссманом произошло именно это.

В ранних своих рассказах он, в сущности, «сделал совершенно противоположное тому, что хотел». Искренне хотел воспеть, восславить коммунистов, революционеров, борцов за народное дело, фанатически преданных идее, готовых во имя этой великой идеи без колебаний отдать свою жизнь. Но не воспел, не восславил, не приподнял, а, как говорит Толстой, – свалил. И случилось это по той самой причине, о которой говорил Толстой: потому что «направил на них усиленное внимание».

Герои ранних гроссмановских рассказов («В городе Бердичеве», «Четыре дня») не столько привлекают наши сердца беззаветной своей преданностью великой идее, сколько отталкивают своей бесчеловечностью.

Пристально (может быть, даже чересчур пристально) вглядываясь в интересующий его объект наблюдения, молодой писатель сразу разглядел в этом объекте нечто такое, что до него – да и после него, пожалуй, тоже – с такой обнаженной ясностью не сумел разглядеть никто.

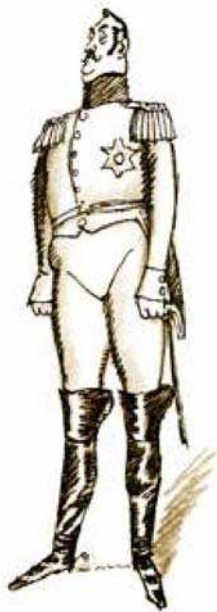
Надо ли говорить, что с точки зрения официальной идеологии (которую Гроссман, к слову сказать, тогда полностью разделял) это было типичное НЕ ТО.

В то время уже не было в живых Владимира Ильича, который мог бы дать ему хороший совет. Нашлись бы, конечно, и другие высокопоставленные советчики, но Гроссман еще не был тогда настолько заметной фигурой, чтобы его писательские заблуждения стали предметом высоких государственных забот.

Как выяснилось, однако, в советах такого рода особой нужды даже и не было. Ощущение, что он смотрит НЕ ТУДА и видит НЕ ТО, возникло у него самого. Никто и не должен был ему на это указывать. Всё было понятно без всяких советов и указаний. Он сам осознал свою ошибку. И решил ее исправить.

Именно вот тогда, я думаю, он и пришел к выводу, что, отражая жизнь, писатель должен ориентироваться не на поэму, где «чем запуганнее, тем лучше», а – на притчу, в которой всё просто и ясно. О чем он и сообщил Эренбургу с некоторым даже раздражением: это легко прочитывается в самой интонации записанной Эренбургом гроссмановской реплики. Объясняется это раздражение просто: честный человек не может без раздражения защищать позицию, в истинности которой сам не слишком уверен.

Но была еще одна, куда более важная причина, заставившая Гроссмана изменить свой взгляд на героев его ранних рассказов.

Εἰ ἡ ἀνάοιθ ἰ ἐεῖεαε ἰ ἀάαε: «Ἰ-ἀπὸεεαε ἰ ὀὀῦ ἀπῖαεἰ ἔαθἰ ἰ ἰὸἰα!»

За те несколько лет, которые прошли с того времени, как были написаны рассказы «В городе Бердичеве» и «Четыре дня», до начала его работы над романом «Степан Кольчугин» в стране произошли гигантские перемены. Партия большевиков хоть и называлась теперь «партией Ленина – Сталина», но всем мало-мальски мыслящим людям было ясно, что с той, ленинской, она имеет уже мало общего. Разгром старой, ленинской партии, начавшийся несколько раньше, был окончательно довершен знаменитыми московскими процессами, на которых недавние вожди ее, ближайšie соратники Ленина, публично признавались, что давно уже были платными агентами иностранных разведок. Раздавлены и физически уничтожены были не только бывшие вожди ленинской партии, но и сотни тысяч рядовых ее членов. И по составу своему ВКП(б) к тому времени окончательно стала уже партией Сталина. Основной контингент ее составляли совершенно новые люди, преданные не идее, а, как прямо и откровенно тогда уже говорилось, «лично товарищу Сталину».

От «старых большевиков» эти новые партийцы отличались разительно. И на их фоне уцелевшие обломки, осколки той, старой ленинской гвардии и впрямь могли показаться рыцарями без страха и упрека.

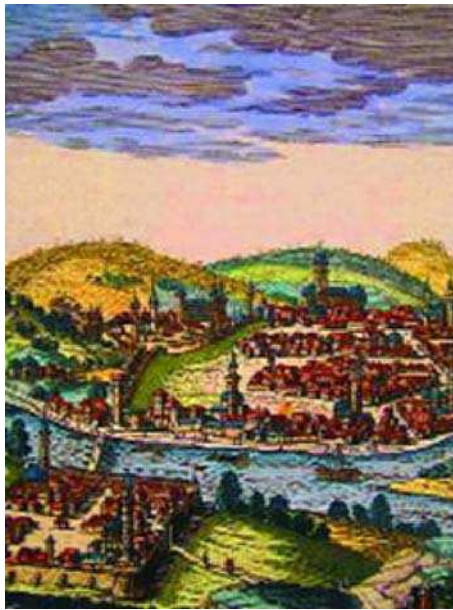
БУДИНСКИЙ ПАШАЛЫК

אַאָדאַעַ אַ ינִי אִי נֵיִעַ × אַנֹּעַ אַאִי אָדֵעַ XVI-XVII אָאֵיִא

Ирма Фадеева

Окончание. Начало в № 8, 2006

Первым раввином, упомянутым в документах Буды за 1545 год, был Хаим Хакман бен Ицхак. Назначенные им в 1569 году два других раввина, Симха бен Хаим Фридман и Давид бен Яков Коэн, вошли в состав религиозного суда бейс-дин. Главный раввин Буды поддерживал контакты с раввином Салоник, более крупного религиозного центра, где главенствующее положение занимали сефарды. Их влияние со временем усилилось и в Будапеште. Глава будинской общины взаимодействовал также с раввинами Вены, Кракова, Стамбула...

אָאֵיִא

אַדאַאָפּאָאֵיִא

VII אַ

Выше уже говорилось, что между 1541 и 1686 годами венгры и австрийцы неоднократно пытались отвоевать Будапешт. Есть документы, содержащие описание осады города христианами отрядами в 1602 году. Тогда евреи защищали свои дома и приняли участие в военных действиях. Нападавшие сумели пробиться к еврейскому кварталу. Начались грабежи и поджоги. Кто-то из хронистов описывал, как одна из жительниц квартала неумолимо стреляла из огромной пушки по воротам, через которые врывались нападавшие, и сумела всё-таки обратить их в бегство. Об этом же эпизоде сообщил и турок Эвлия Челеби, добавив, что за активное участие в обороне города турки освободили евреев от уплаты налога в пользу паши.

Вот как описывает сражение очевидец-еврей: «Турки, защищавшие крепость, уступили яростному натиску имперских отрядов. Видя, что дело принимает опасный оборот, евреи обратились к турецкому военачальнику: «Позвольте нам самим защитить наших детей, жен, имущество. Да свершит Господь предначертанное!» Евреи сражались с воодушевлением и мужеством, сумели защитить себя и принудили неприятеля к позорному бегству.

В христианской летописи сказано, что во время осады враги через ворота ворвались в еврейский квартал, но защищавшие его люди быстро восстановили укрепления. Великую стойкость духа проявили женщины. Они вышли на улицу с пением псалмов. В руках у них был крысиный яд, и они готовы были погибнуть, но не сдать в плен.

Известно, что незадачливые участники осады люто мстили евреям других городов за свое поражение в Буде. Они нападали на людей, по тем или иным делам выезжавшим из города, и убивали всех без разбору, не щадя ни женщин, ни детей. Приближенные советовали австрийскому императору расправиться с евреями, жившими в его государстве. Но тому хватило здравого смысла этого не делать...

После осады Буды в 1602 году евреи ухитрились поддерживать торговые и прочие деловые отношения с независимой частью Венгерского королевства, а также с османской администрацией. Зимой 1615 года султан Ахмед I удостоил особых привилегий Иосифа, сына Салти, и его брата, Аламана Исраэлиса, за то, что их дед будто бы собственноручно вручил ключи от города Сулейману Кануни и помог туркам занять город в 1526 году. Братья и их потомки были освобождены от уплаты налогов «отныне и впредь».

Неудачная попытка австрийцев взять Буду была лишь одним из эпизодов в длительной австро-турецкой войне за Венгрию, которая велась с переменным успехом. Ни одна из сторон не получила в ней значительного перевеса. 11 ноября 1606 года в Ситватороке (Венгрия) был заключен мирный договор на 10 лет. Ни Османская империя, ни Австрия не сделали при этом новых территориальных приобретений. Трансильвания попала под двойную зависимость от обеих стран (раньше она зависела только от турок). Султан отказался от ежегодной дани с Австрии в размере 30 тыс. дукатов, установленной по договору 1568 года. Теперь австрийцы должны были одновременно уплатить султану сумму в 200 тыс. дукатов. Обе стороны были признаны равноправными. Впервые в договоре австрийский монарх был назван императором, а не «господином Вень», как именовали его до сих пор султаны. Известный историк Фернан Бродель так оценивал военные действия австрийцев против турок и их последствия для общины: «Трагические события... Во время австрийского наступления 1593–1606 годов евреи Буды оказались между двух огней – имперцев и турок...» В 1615 и 1616 годах в Вене были подписаны новые договоры: слабевшее османское государство делало очередные уступки. Но Буда пока что оставалась во владении турок.

Евреи, покинувшие город во время осады 1602 года, позже вернулись в свои дома. Согласно переписи, в 1627 году в еврейском квартале было 11 домохозяйств. В 1633 году в Буде, Старой Буде и Пеште числилось уже 20 еврейских домохозяйств. Общее количество жителей в реестрах не указано. За пределами еврейского квартала евреи тоже иногда арендовали дома, принадлежавшие иноверцам. Есть сведения, что к 1680 году в общине было 80 человек. Рост численности еврейского населения происходил в основном за счет тех, кто прибывал в Буду из других мест. Город был удачно расположен на стыке мусульманского и христианского миров той эпохи. Еврейские семьи Вены посылали детей в Буду изучать турецкий язык и знакомиться с восточным образом жизни. В свою очередь еврейские семьи Буды отправляли детей в Вену изучать немецкий и основы европейской культуры.

Î îéîîî îé îîî à Áóîîîîîî (Áóîîîîîî çîî îé).

XVII á

Îîîîî à î îé àéä

Современники отмечали, что османские евреи, как правило, говорили на четырех-пяти языках, а некоторые даже на десяти-двенадцати. Контакты между двумя общинами были тесными. Когда в 1670 году австрийский император Леопольд I изгнал евреев из Нижней Австрии, многие из них поселились в Буде.

Традиционно еврейское население Буды занималось торговлей и финансовыми операциями. Евреи давали деньги в рост под высокий процент, но на более длительные сроки, чем другие займодавцы, что было сопряжено с большим риском. Они занимались обменом денег и бартерными сделками. В торговле на османских территориях евреи тоже играли заметную роль. С юга Венгрии они привозили в Австрию готовую одежду, кожу и металл. Из Вены, в свою очередь, вывозились различные готовые изделия. Вывозились в Стамбул и другие города. Например, в финансовом отчете о строительстве церкви в венгерском городе Надькёрёш за 1639 год отмечено, что Моисей, еврей из Буды, поставлял строителям стулья и гвозди. В других отчетах за тот же период указывается, что некто Балац купил в Буде ковры у еврея Орослана (странное и скорее турецкое имя. – И. Ф.).

Случалось, что турки обращались к евреям по поводу доставки каких-либо товаров или поручали им финансовые операции. В 1625 году паша Буды Сулейман отправил в Эгер письмо торговцу Салику, в котором просил выдать еврею Харуму в долг 5–6 тыс. акче наличными.

Деловая активность евреев была ограничена религиозным запретом на любую деятельность в субботу. На этом настаивали раввины, не разрешавшие в Шабос ни путешествовать, ни участвовать в ярмарках, ни вести переговоры, ни совершать сделки – вопреки неоднократным просьбам отдельных лиц допустить исключение из правила.

Древним традиционным занятием евреев оставалась медицина. Есть сведения, что еврей-медик из Буды оказывал профессиональную помощь правителю Трансильвании Габору Бетлену. В 1676 году в Буде обосновался хирург Иосиф, состоявший, как сказано в документах, в близком родстве с медиком по имени Ашер из Белграда. Врач Элия бен

Иеуда, живший в Буде, поддерживал контакты с христианскими докторами Вены. Огромную роль сыграли медики Буды в 1670 году, когда в городе разразилась эпидемия чумы.

В раввинистических документах Эфраима Козна содержится упоминание и о большом пожаре в Буде в 1699 году.

В середине XVII века примерно половину еврейской общины Буды составляли ашкеназы. Они говорили на идише. Треть составляли сефарды, пользовавшиеся ладино (наречие испанского) или турецким. Остальные были выходцами с Ближнего Востока, преимущественно из Сирии. Рабби Эфраим сообщает, что в городе стояли три синагоги – в соответствии с составом общины. Синагоги в те времена были не только культовыми сооружениями, но и странноприимными домами. Раввины, отправлявшиеся из Германии в Святую землю, останавливались в помещении при синагоге. Случалось, что они на год-два задерживались в Буде, где активно участвовали в жизни общины. Посещавший город в 1602, 1660 и 1664 годах турецкий путешественник Эвлия Челеби в своих записках отмечал, что он видел два еврейских квартала и две синагоги; Исаак же Шульхоф писал о трех синагогах. Такое расхождение обусловлено, вероятно, тем, что Эвлия Челеби не учел синагогу, находившуюся за стенами крепости. В «Хрониках Буды» Шульхоф так описывает жизнь еврейской общины второй половины XVII века: «Город находился под властью Османской империи, но наше положение в этот период было цветущим, как зеленое оливковое дерево. Мы чувствовали себя в безопасности... Народ мог спокойно жить под сенью виноградных лоз и смоков. Еда была очень дешевой. Фунт мяса стоил 4 мелкие монеты, пинта вина – 2 имперских фартинга...» О фруктах и сладостях хронист не говорит, настолько они были дешевы. В османской Буде, судя по хроникам Шульхофа, имели хождение как турецкие, так и австрийские деньги.

В 1683 году еврейская община Буды участвовала в экономической и культурной жизни города, чувствовала себя защищенной и поддерживала контакты с единоверцами в других городах. Последнее подтверждается иерусалимскими документами за 1617 год. В них сказано, что община Цфата имела постоянные контакты с девятью другими общинами, в том числе и с общиной Буды.

Àeä Áóóóóóóó ññññññññ è.

XVII á

Внутренняя жизнь еврейских общин в Османской империи была полностью автономной. Общинные структуры занимались обустройством и нуждами отдельных ее членов: благотворительностью, уходом за больными, одинокими и престарелыми людьми, организацией похорон. Вся эта работа шла при каждой из трех городских синагог. Кроме того, там распределяли одежду среди бедных, собирали средства для выкупа евреев, захваченных в плен, а также деньги для евреев, проживавших на Святой земле и бедствовавших. Были просветительские общества, занимавшиеся изучением и толкованием Торы и Талмуда. В документах города сохранились отрывки комментариев к Талмуду известного тогда раввина Эфраима Коэна. Его суждения по различным спорным вопросам свидетельствуют об относительной толерантности взглядов, допускавшихся в общине.

В общине Буда было много грамотных людей. В каждой семье имелись священные тексты. Помимо традиционной Торы, в синагогах хранились самые разные книги. Известно, что после осады города в 1686 году Карл Лотарингский приказал вынести из синагог 35 свитков Торы с целью получить за них выкуп.

На протяжении XVI–XVII веков положение в Венгрии оставалось сложным, нестабильным. Войны нередко велись и под религиозными лозунгами. Католическая Австрия противостояла не только туркам-мусульманам, но и быстро распространявшемуся в Европе протестантизму, у которого в Венгрии оказалось немало приверженцев. В начале 60-х годов XVII века турки воспользовались борьбой Западной Венгрии с Габсбургами и подчинили себе Трансильванию. В 1683 году турецкие войска вторично осадили Вену (первая осада была в 1529 году). Положение спас польский король Ян III Собеский, пришедший на помощь австрийцам.

Европейские монархи осознали, наконец, что никто из них не способен в одиночку противостоять туркам и что угроза дальнейшей турецкой экспансии вполне очевидна. В 1684 году сложилась антитурецкая коалиция европейских держав – «Священная лига». В нее входили Австрия, Польша, Венеция и Мальта. В 1686 году к ним присоединилась Россия. К этому времени военное состояние Турции сильно ухудшилось. Турки теперь заметно отставали от европейцев. Они не смогли вовремя модернизировать не только армию, но и другие государственные институты.

Граф Марсильи, француз, очевидец многих событий, в своих мемуарах по истории Османской империи конца XVII века приводит данные о численности турецких армии и флота, свидетельствующих о явном превосходстве армий «Лиги».

И хотя султанские военачальники пытались увеличить численность своих войск, набирая в армию всех без разбору, эта мера не принесла военного успеха.

Австрийские войска вторглись в Восточную Венгрию. Исаак Шулхоф стал очевидцем захвата Буды австрийцами в 1689 году и описал это событие. Осажденный турецкий гарнизон отказался сдаться. Нападавшие заняли кварталы Буды, расположенные вне крепостных стен. Они захватили и дома евреев, не успевших бежать из города. По оценке английского военного инженера, население Буды тогда равнялось 21–24 тыс. человек; евреи составляли одну тысячу. Примерно те же цифры называют венгерские исследователи на основе отчета о числе пленных и погибших в сражении 1689 года. 2 сентября осаждавшие ворвались в крепость. Австрийские отряды с равной беспощадностью расправлялись и с турками, и с остальным населением города. Евреи попытались укрыться в большой синагоге, но никто из них не уцелел. Мирные люди были убиты в Доме Б-га.

Шулхоф обещал солдатам всё свое имущество в обмен на жизнь и свободу. Уже после уплаты им выкупа на него напали гусары. Однако получивший деньги солдат держал слово. Он взял Шулхофа в плен и тем самым спас ему жизнь. Позднее пленнику удалось бежать вместе с семьей, но вскоре он потерял жену. Еще какое-то время спустя он оказался разлученным с сыном Самсоном и лишился остатка денег. Солдат, получивший выкуп, вывел беднягу из крепости и даже помог ему добраться до Вены, где чудом спасшийся еврей обратился за помощью к Самуэлю Оппенгеймеру.

Ἰδεὶ Ἰσραηλῆται.

Ἀγὼεῖ Ἀσὼὺ ἀπὸ δεινῆς ἐπιπέρας.

Сохранилось свидетельство военного врача об осаде крепости и гибели многих евреев. Но и пленных было немало, поскольку солдатам было известно, что общины собирают деньги на выкуп единоверцев. Те, кто сумел спастись во время безумной резни или спрятался (отдельные христиане и тогда укрывали евреев во время погромов и войн), отступили в глубь крепости. Осада длилась еще два дня. Молодые женщины, влиятельные турки и богатые евреи были отправлены в Берлин. Один из германских источников сообщает о 72 убитых членах еврейской общины. По другим документам погибло более 500 человек. Австрийцы сожгли большую синагогу со всеми, кто в ней укрывался (их было около сотни). Собственность общины и ее членов разграбили.

Евреи Праги, узнав об осаде Буды и бедствиях единоверцев, с которыми у них были постоянные контакты, попытались им помочь. Один из очевидцев осады города, еврей Тауск, сложил поэму

о том, что видел. Принц Лотарингский, возглавлявший отряды, находившиеся под стенами крепости, знал Тауска и в ответ на его просьбы пощадить евреев обещал, что их не тронут. Тауску даже было позволено войти в крепость, дабы лично защитить соплеменников. В поэме принц Лотарингский изображен великодушным командиром, который приказал своим мушкетерам собрать евреев в синагоге и выставить охрану. В действительности ничего подобного не было.

Когда Тауск попал в крепость, он увидел следы страшной резни и реки крови. Победители не щадили ни турок, ни иудеев. В еврейском квартале Тауск пытался утешить тех, кто уцелел. Он сумел освободить часть пленных и решил их переправить в Пресбург. Во время переправы через реку на них напало несколько отрядов мародеров и многие из 247 человек, которых он освободил, погибли. Тауск пытался защитить оставшихся – измученных, потерявших близких людей. До Пресбурга добрались только 70 человек. В Вену отправился посланец просить влиятельного и богатого Оппенгеймера о помощи.

№ I i i a t a e i a d

Тауску удалось получить рекомендательное письмо от австрийского императора и пропуск, подписанный королем Польши. В Пресбург с ним вернулись еще 62 еврея, освобожденные из плена. Но здесь его подстерегало неожиданное препятствие. Алчная городская стража потребовала с Тауска 21 тыс. рейнских золотых в качестве выкупа. Такой суммой он не располагал, и его арестовали под каким-то вздорным предлогом. Пришлось отправить письмо в свою общину и просить о помощи. Пробыв 39 недель в заточении, Тауск всё же получил деньги и освободился. Ему удалось вывезти из Буды 270 пленных евреев и 35 свитков Торы, за что он получил благодарственные свидетельства. Свою историю, свои злоключения он описал в поэме.

В Европе быстро распространился слух о том, что евреи защищали Буду бок о бок с турками. Это стало поводом к погромам во многих городах, включая Падую, где одержимые мстью безумные толпы уничтожали еврейское гетто. Известно также, что австрийские отряды, взявшие Буду, грабили город ничуть не меньше турок. После изгнания турок из Буды евреи надолго исчезли из города. Вновь они появились только в конце XVIII века.

Ἐὰν ἐὰν ὁδὸν τὰ ἀνάγ' «Ἐὰν οὐ ἐὶ ἀνῆν».

Ἀνῆν δὲ γ'.

По Карловицкому мирному договору 1699 года, подписанному в царствование султана Мустафы II с Австрией, Польшей и Венецией, Австрия получила почти всю территорию Венгрии, которая принадлежала Османской империи, а также Трансильванию, Бачку и почти всю Славонию. К Польше отошли находившаяся под властью турок часть Правобережной Украины и Подолия. Венеция закрепила за собой Морею, шесть крепостей в Далмации и несколько островов Архипелага.

ХОРОШО БЫТЬ НАЦМЕНОМ

Давид Маркиш

Большевистская идеология с настойчивостью, достойной лучшего применения, убеждала и утверждала с пеною у рта, что все сто народов и племен, населявшие Советский Союз и составлявшие монолитную общность под названием «советский народ», – все они братья и равны между собой. Народная мудрость, помноженная на жизненный опыт, присовокупляла к этому утверждению: «равны-то равны, но один всё же ровней другого».

Евреи не относились к тем, кто был «ровней других». Они составляли, несомненно, национальное меньшинство, в одном ряду с такими своими низкорослыми братьями, как юкагиры или чукчи. И тот факт, что Лазарь Каганович ходил в хедер и любил фаршированную рыбу, не менял дела. А что до массовой образованности – так она шла вразрез с малочисленностью евреев, была ей обратно пропорциональна. И это в глазах нацболов выглядело в лучшем случае ловкачеством, а в худшем – патологией.

Не следует при этом упускать из виду, что чукчи сидели на своей родной льдине, а юкагиры в чаще леса били белку пулею в глаз, если в момент выстрела у них руки не дрожали «после вчерашнего». Евреи же были рассеяны по долинам и по взгорьям необъятной родины социализма, они пользовались преимуществами беспривязного содержания и напоминали этим цыган. Существовал, правда, полумифический Биробиджан – но даже у главного партийного идеолога Михаила Сулова не повернулся бы язык назвать это дальневосточное захолустье еврейской родиной, с которой потомков Авраама, Ицхака и Яакова связывают ностальгические шелковые узы.

Евреи, таким образом, являлись натуральными нацменами; это следует признать без обиды. Мне нравилось быть нацменом, хотя бы по той причине, что, не принадлежа к великой табельной нации, я испытывал сердечную близость к малым племенам – тем же цыганам или чукчам: ведь они, в сущности,

были такими же, как я, а я – как они. Родись я русским, мне, наверно, не случилось бы познать это маленькое удовольствие.

Очувтившись в Гунибе, в самом сердце горного Аваристана, я, что называется, априори испытывал приязнь к местным «людям кавказской национальности» – этим вспльчивым потомкам имама Шамиля, сдавшегося русскому генералу от инфантерии Барятинскому по собственной воле. Выстроенный, подобно египетской пирамиде, лишь из тесаного камня, Гуниб расположился на краю пропасти, отвесно уходящей вниз на головокружительную глубину. По площади, вплотную примыкавшей к кромке провала, брели по своим делам местные жители – от почты к райсовету и дальше по каким-то присутствиям. Истинной достопримечательностью здесь служил общественный туалет – уборная для смелых людей, ничуть не задумывающихся над последствиями. Укрепленный на кронштейнах, скворечник туалета висел над пропастью, и заинтересованный наблюдатель мог видеть через дырку, в восьмистах метрах под собой, шнуток реки, бежавшей по дну ущелья.

Мой друг Хелеко объяснил туалетную ситуацию поэтически:

– Все люди видят, как орлы летают в небе, у тебя над головой, – сказал Хелеко. – А мы в Гунибе смотрим на орлов сверху вниз через эту дырку.

Полюбовавшись на орлов, мы с Хелеко на попутном грузовике отправились к нему на родину, в аул Хиндах. Чем ближе подъезжали мы к Хиндаху, тем задумчивей становился Хелеко.

– Это я переживаю, – объяснил Хелеко изменение своего настроения. – Понимаешь, есть горы, а есть Гора. Хиндах – это и есть самая главная Гора. Надо на нее издали смотреть, из Москвы, и тогда никаких переживаний. «Лицом к лицу лица не увидать», сам знаешь.

Такое объяснение меня не устроило.

– А как же сладкая вода родины? – спросил я. – Ты сам говорил, там у вас ключ бьет прямо из скалы. Как отчая сакля? Как родня, наконец?

– Родня баранов гоняет, – проворчал Хелеко. – Мой брат Усам – шерстяной человек.

– Почему шерстяной? – спросил я.

– Он баранов стрижет, – сказал Хелеко. – Для него весь мир – один большой баран. И всё.

– Он по-русски умеет говорить? – спросил я. – Брат?

– Знает немного, – сказал Хелеко. – Он дальше Гуниба с Горы не спускался никогда.

Как видно, государственный план по стиранию грани между городом и деревней на Горном Кавказе продвинулся еще меньше, чем в тамбовских лесах. И писатели – русские, кавказские, татарские – не испытывали в своем большинстве никакого желания прозябать на «малой родине», удить там рыбу и колоть дрова. При первой возможности начинающий литератор пытался перебраться из деревни в город. Замечательный Виктор Астафьев, всю жизнь просидевший в своей сибирской Овсянке, стоит одиночкой в ряду и лишь подтверждает общее правило. Классик Шолохов тут не в пример – называть деревней его поместье в Вешенской было бы столь же нелепо, как осла называть зеброй, да и менять место жительства автору великого «Тихого Дона» не пристало, это разрушило бы миф о «народном писателе-казачке». Советская власть не возражала против массового наплыва литературных «помощников партии» в Москву, поближе к руке. Республики следовали примеру метрополии: закавказские и среднеазиатские столицы собирали по кишлакам и аулам национальных писателей, прикармливали их и «воспитывали». Да и шельмовать их, и сажать так было проще, когда приходил час...

В конце 60-х в среде русских литераторов проявилась ненадолго тяга «к земле», желание «уйти в избу» – порвать с суматошным городом и, по возможности, с опротивевшей властью. Это было одним из проявлений бунта шестидесятников и никак не означало желания пойти за плугом или от души помахать косой на сенокосе. Писатели-деревенщики, эти курские соловьи и орловские иволги, интересно противопоставлявшие сельские духовные ценности городской бездуховщине, – те предпочитали делать свое

дело, сидя в городских гнездах. «В избу» подались городские интеллигенты-индивидуалисты и подспудные романтики. Я был дружен с одним из таких экспериментаторов-шестидесятников – талантливый прозаик Артур Макаров, человек бритвенной жизни и трагической смерти, продержался в деревне года два, а потом без шума вернулся в застойную Москву. Оглядываясь назад, можно, с изрядными поправками, отнести к таким недолгим отшельникам и Александра Солженицына, великолепный «Матренин двор» которого некоторые вдумчивые люди определяют как краугольный камень «деревенской прозы».

Сегодня «лампочка Ильича» горит в России практически повсеместно, сбылась мечта большевиков об электрификации всей страны – правда, уже без социализма. Интернет свел на нет само понятие «провинциальное бескультурье»: каждый пользователь Сети, где бы он ни находился, получает немедленный доступ к чему только тянется его душа. А «деревенская проза» бесследно ушла в песок, и не слышно что-то о писателях, пожелавших по собственной воле прислониться к родному народу в русских деревнях и поселках.

Подъезжая к аулу Хиндах, я хотел не пропустить момент встречи Магомеда-Хелеко с каменной деревенской родиной – и вглядывался в лицо моего товарища. По молодости лет я ему немного завидовал.

Шерстяного человека Усама мы нашли неподалеку от его сакли; он сидел там на камне. Вокруг, уткнув морды в землю, бродило полдюжины баранов вперемешку с козлами. Завидев брата, Усам улыбнулся широкой улыбкой и долго не сводил ее с лица. Потом братья принялись дружелюбно клекотать на родном аварском языке.

– Усам думает, что ты русский, – оборотившись наконец ко мне, сказал Хелеко. – Но, раз ты мой друг, значит, всё в порядке. – И добавил: – Для него все, кто не местные, – те русские.

Тем временем Усам проявил хозяйственную активность. Выбросив руку, он цепко схватил ближайшего козла за холку и подволок его к себе, к своим ногам. Намертво зажав козла между колен, он вытащил нож и, выбрав местечко на козлиной шее, вдумчиво и не спеша зарезал животное.

– Бродячий шашлык моей родины... – одобрительно пробормотал Хелеко, наблюдая за работой Усама. – Ты хотел бы тут навеки поселиться?

– Не уверен... – ответил я.

– Тогда сегодня вечером съедим козла, а завтра утром поедем обратно в Махачкалу, – заключил Хелеко.

Русская литература плотно населена путешествующими персонажами; главные и второстепенные герои то и дело куда-то едут или собираются в дорогу. Едет платоновский Копёнкин верхом на коне Пролетарская Сила, едет гоголевский ревизор, чеховские сестры рвутся в Москву, грибоедовский Фамусов намеревается отправить дочь в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов. Роман-путешествие занял устойчивое место в литературном ряду. Юрий Олеша, рассуждая о несовершенстве советской драматургии, укорял драматургов в том, что, отправляя героя-романтика в первом акте из Ленинграда на Сахалин, они не задумываются над неосуществимостью предприятия: у романтика нет денег на билет, занять их не у кого, достать негде, и сюжет пьесы надуман и разваливается, таким образом, с самого начала наподобие карточного домика.

Ехали, набираясь впечатлений и заработка ради, советские писатели – куда пошлют и куда дорога ляжет: в творческие командировки, в союзные республики переводить по подстрочникам на русский язык грузин и казахов, прибалтов и татар, по путевкам Бюро пропаганды СП СССР на встречи с читателями. Ехали в свою очередь и читатели: за колбасой в областной центр, а то и в столицу, на свадьбы и на похороны, на приморские курорты по профсоюзным путевкам. Весь Союз нерушимый республик свободных, за исключением крепостных колхозников, находился в постоянном броуновском движении, и именно это обстоятельство строить и жить помогало, а вовсе не изучение фундаментального труда Карла Маркса под названием «Капитал». Звезда дальней дороги манила людей. Путешествия, быть может, были единственной отдушиной в унылой и угрюмой жизни. И вовсе не чудо, что, обретя в новой России свободу ног, массы россиян ринулись в Европу, на турецкие курорты и на Канарские острова. Путешествие продолжается!

Горный Кавказ стоял особняком на советской карте. Жители каменных аулов были, по существу, отрезаны от метрополии со всеми ее соблазнами и язвами. В аварской, чеченской, лакской, кумыкской глухомани знали о советской власти лишь понаслышке. Реальная встреча с нею в Новые времена произошла по ходу высылки кавказских народов в Сибирь и Казахстан. Горцы, к чести их будь сказано, накрепко прикипели, приварились к своей трудной земле. Им было ее достаточно, их любопытство не простиралось далее соседней долины. Корни их вгрызались глубоко в почву, самым страшным для них наказанием был отрыв от родных очагов. Сойти в могилу вдали от родины представлялось ужасным несчастьем, хуже которого ничего не придумаешь. Лишь единицы уходили из своих аулов, чтобы никогда не вернуться.

Магомед Алиев, мой товарищ Хелеко, относился к этим единицам. Оставаясь до корней волос горным человеком, он был, прежде всего, истинным сыном империи, а уже потом отпрыском своего папы Али и своей мамы Патимат. А брат его Усам как был, так и остался шерстяным человеком, и не прав будет тот, кто возьмется судить, что здесь лучше.

Расправившись с козлом, на следующий день мы с Хелеко уехали в Махачкалу, а потом в Москву, откуда так хорошо видна Гора с аулом Хиндах на плече.

Первый год учебы в институте щедро окружает и осыпает тебя новыми знакомыми; некоторые из этих знакомств перетекают потом в многолетнее приятельство или в неразливную дружбу. Наполненный множеством лиц, как полотно Филонова, мир рывком раздвигает свои границы и сам воздух жизни становится иным – легким и сильным.

Поздней осенью, перед началом занятий, мы толпились в гардеробе, в полуподвальном этаже института. Вот-вот должен был прозвенеть звонок на первую лекцию, и мы спешили избавиться от своих промокших от дождя пальтишек и курточек. За мной, через несколько человек, стоял, нетерпеливо поглядывая с высоты своего немалого роста, Евтушенко в серой бобриковой шубе «под волка». Уже тогда, полвека назад, Евтушенко был, несомненно, «самым знаменитым» из всех наших студентов, всех пяти курсов, вместе взятых. И уже тогда, на общем сером фоне одежды современников его манера одеваться отличалась изрядной экстравагантностью. Он, возможно, полагал, что поэт – от рода артист, сродни ряженому. Что на карнавале жизни одежда или хотя бы ее детали – больше, чем случайное прикрытие от непогоды или жары. И дело тут не только в эпатаже, скорее, в другом: в проведении черты между толпой и художником. Маяковский просовывал в петлицу морковку вместо бутона, имажинисты разгуливали в цилиндрах, футуристы – те просто разрисовывали лбы и щеки... Евтушенко гордо щеголял в «волчьей» шубе, скорее всего, единственной в Москве.

Стоя в очереди, я читал кому-то из своих приятелей:

- Êîããà ò èããò ì ÿñà àããòò - ìí:àì ó

Îí ì ÿñà öããòò è í èéí àò é í àì ó

Â ããçàò àã ðàãñòó, á ããçàò àã - àí èü..

– Чьи это стихи? – через головы спросил Евтушенко, с которым тогда я не был еще знаком.

– Это Перец Маркиш, – ответил я и продолжал:

- Îí òÿí àòñÿ à è è ÿí òÿí àòñÿ à àí èü

Ê ì ÿñà í á ðãòò ñàð è à ð ù è è ð ò:

ð è ã ñ è è ó à à ò, ñ ñ ò ð è ò, ÷ à ñ - ò í ì í æ à à ò...

– А кто переводил? – спросил Евтушенко.

– Я.

А. Ахматовой ей.

Сдав одежду в гардероб, мы отошли в сторонку и разговорились. С тех пор прошло полвека. За это время мы встречались множество раз, при различных обстоятельствах, в разных странах. Приязнь, вдруг возникшая тогда, в раздевалке, сохранилась. Мне нравились многие его стихи, я любовался красивым полетом его неслыханной славы. «Поэт в России больше, чем поэт» – это верное утверждение Женья Евтушенко адресовал, прежде всего, самому себе.

На протяжении двух с половиной десятков лет поэтическая известность Евтушенко была несравнима ни с кем из его современников. Андрей Вознесенский шел с ним почти вровень – но всё же чуть отставал. Эти имена срослись и сплывались в сознании поколения, как две стороны одной медали: «Евтушенко и Вознесенский». Как в свое время «Пушкин и Лермонтов». Или «Пастернак и Мандельштам». «Ахматова и Цветаева». Широкая публика почему-то склонна к парным понятиям. «Маркс и Энгельс». «Ленин и Сталин». Ни общности, ни противопоставления нет у составляющих эти пары – у поэтов, во всяком случае. Может быть, лишь случай да судьба.

Миллионы людей знали на память строчки Евтушенко. Одни повторяли «Я помню дни военные, обманчивый уют, слова неоткровенные о том, что не убьют», другие «Постель была расстелена, и ты была растеряна». Третьи – «Со мною вот что происходит. Ко мне мой лучший друг не ходит». Евреи бережно и благодарно хранили в памяти самое, пожалуй, знаменитое стихотворение Евтушенко «Над Бабьим Яром памятника нет».

Это стихотворение было опубликовано в 1961 году в «Литературной газете», вскоре после поездки Евтушенко на Кубу, откуда он привез цикл неудачных, пропагандистских стихов об «острове свободы» и бородатом Фиделе. Маятник читательского поклонения немедля откатнулся от поэта. Только

появление в печати сильнейшего «противовесного» стихотворения могло вернуть Евтушенко на пик успеха, позволило бы забыть о кубинском конфузе. И с выходом «Литературки» с «Бабьим Яром» Евтушенко не только восстановил свои позиции – он обрел мировую славу.

Опубликовать «Бабий Яр» было куда как непросто – на дворе стоял 1961 год, «еврейский вопрос», как уголек, жег руки разводящим и направляющим из отдела пропаганды ЦК КПСС на Старой площади. Начальство «Литературной газеты», разумеется, не отважилось печатать «опасные» стихи без разрешающего сигнала «сверху». Гранки «Бабьего Яра» несколько раз возили из редакции в ЦК и обратно: партийное руководство колебалось, а вместе с ним колебалась и судьба «Бабьего Яра», да и судьба его автора тоже. Евтушенко просидел в газете до середины ночи, пока номер с завизированным стихотворением не был окончательно сдан в печать. После этого можно было отправляться домой в надежде, что «Литературка» появится наутро в газетных киосках. Но могли и завернуть тираж, и пустить его под нож; всё могло случиться.

Газета вышла. В тот день Евгений Евтушенко заслуженно стал героем и истинным трибуном в глазах большинства своих соотечественников, а для антисемитов и мракобесов – «продавшимся жидом» отщепенцем.

«Еврейская проблема» не была для Евтушенко чем-то эфемерным и неосязаемым, как бесцветный газ, – таких невосприимчивых людей в СССР не водилось вообще. Когда-то в глухой северной деревушке я познакомился с бабушкой, которая, узнав от меня, что я еврей, попросила меня снять шапку и продемонстрировать ей макушку: не прячутся ли там чертовы рожки посреди волос. Та бабушка, как выяснилось, «живого еврея» никогда в жизни не видела, что не мешало ей испытывать к людям нашего племени неприязнь, смешанную с ужасом... Евтушенко – один из немногих людей на моей памяти, всецело и совершенно лишенный антисемитизма, – подобно тому, как мед по своей природе лишен вкраплений дегтя. Это отнюдь не означает, что Евтушенко не замечал вокруг себя антисемитизма и антисемитов; замечал и реагировал открыто и яростно. Со многими из своих коллег он не поддерживал отношений именно по причине их юдофобства. Однажды в ресторане ВТО он обрушился на меня за то, что я вел вполне ровную беседу с поэтом Алексеем Марковым по прозвищу Марков Третий: «Как ты можешь с ним говорить? Ведь он антисемит!» А обсуждали мы с Марковым Третьим проблему вполне, кстати, насущную по тем временам: евреи в России никак не приживаются, надо им дать возможность как можно скорее уехать в Израиль. Идею высказал Марков, я готов был проголосовать за нее двумя руками.

Презрение и брезгливость по отношению к антисемитам были свойственны Евтушенко, по-видимому, смолоду – с того бесшабашного времени, когда чужие неприятности редко кого ранят. Во всяком случае, такое последовательное неприятие антисемитизма вряд ли могло вырасти на пустом месте, появиться с бухты-барухты, вдруг... Года за три до появления «Бабьего Яра» Женя зашел ко мне на улицу Горького. Час был поздний, соседи по квартире уже ушли спать. Мы ужинали на кухне – мама, моя тогдашняя жена-полька, еще кто-то из неслучайных людей. Разговор шел о том о сем – ни о чем. Среди легких слов Евтушенко откинул голову, поглядел чуть свысока, сказал:

– Я почитаю!

И прочел строки, ставшие спустя несколько лет пороховым зарядом «Бабьего Яра»:

- Αάδαιενίε έδωάε ίάò á έδωάε ί ίάέ.

Í î ίάί άάέñòáí çéíáíέ çáñéí ðáçéíέ

ÿ áñí áí òέñíáí έòáí,

έάέ áñάέ,

έ ίíòíí ó-

ÿ ίάñò ίÿñέέ ðáññέέέ.

Реакция – во всех смыслах этого слова – наступила незамедлительно. «Ответ» Евтушенко напечатал в «Литературной России» тот же Алексей Марков:

- Εαείε ου ί αηδύιέε δαίεε,

Εί αα ααίε ί δί ααί ί αδρά?

Αόα, ÷ δί αδρ-έε, ηδ αέα όρέίε,

Ί αηδίε, ÷ δί εαηδίε-ίίε ί διέαδ.

Слабые стишки, ничего не скажешь. И «брючки» приплел Марков, с намеком на то, что автор «Бабьего Яра» – стилига и грешит низкопоклонством перед Западом, в то время как настоящие советские люди разгуливают в широких штанах-клевашах.

...Пока топтать погосты будет,

– продолжал Марков, –

Хотя б один космополит,

Я говорю: я русский, люди!

И пепел в сердце мне стучит.

Стук получился довольно-таки громкий: главного редактора «Литературной газеты» Косолапова сняли с должности за утерю бдительности. Как это так: русский человек – и в то же время скрытый еврей!.. Косолапова сняли – а «Бабий Яр» остался.

«Еврейская тема» привычно будоражила московское общество, не давала ему покоя. При всяком повороте текущих событий евреи привлекали к себе внимание, и для самих евреев такая ситуация давно стала привычной. Татар или украинцев в Москве хоть пруд пруди – а кто о них говорит? Евреи аккумулировали на себе черно-белый общественный интерес, и это – вне зависимости от их желания – служило отличительной национальной чертой.

Культурной еврейской жизнью тогда еще и не пахло. Поэтому вечер в Литературном музее, посвященный 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, вызвал в еврейской среде неслыханный энтузиазм. То был первый настоящий «еврейский» вечер после сталинщины, кто-то на самом верху санкционировал его и разрешил, и это внушало надежды. В небольшой зал музея было не пробиться.

Устроители вечера предложили мне выступить – почитать стихи о Шолом-Алейхеме. Почему они решили, что у меня есть стихи о Шолом-Алейхеме, я не знаю; у меня их не было. Этот печальный шутник вообще не входил в круг моих любимых писателей. Но поучаствовать в еврейском деле я был готов, – а стихи можно было сочинить за несколько оставшихся до вечера дней.

Вести вечер должен был Илья Григорьевич Эренбург, и одно это поднимало «культурное мероприятие» почти что на правительственную высоту. Отборным мастерам поручили петь песни на идише и играть на скрипке. Лучшие чтецы готовились прочитать отрывки из произведений писателя. За полчаса по открытию вечера, когда зал был уже набит до отказа, выяснилось, что Эренбург то ли занят, то ли занемог, но текст его выступления доставлен, и оно будет зачитано перед публикой от его имени. А публика собралась самая что на есть притязательная: тут были и прославленные музыканты, и писатели, и актеры, и ученые – евреи и русские. Пришли дипломаты из израильского посольства, на них то и дело оглядывались, но близко подходить опасались. Можно было, вглядевшись попристальней, отделить зерна от плевел: в зале угадывались секретные агенты госбезопасности.

Вечер шел как по маслу, без сучка и без задоринки. Выступающие воздавали должное классике еврейской грусти царских времен. Наконец пришло мое время, меня вызвали на сцену. Я вышел, держа в руке страничку с текстом законченного утром стихотворения.

Стихотворение это затерялось. Пересказывать его содержание не хочу. Мне запомнилось из него лишь несколько строк – тех, от которых зал, как мне показалось, задержал дыхание:

- יִתְעַתֶּה עַל יַעֲקֹב אֲבִי, וְיִשְׁמַח בְּעַלְמָא דְּבָרָא,

עַל אֲבִיבָא דְּבָרָא וְעַל אֲבִיבָא דְּבָרָא,

עַל אֲבִיבָא דְּבָרָא וְעַל אֲבִיבָא דְּבָרָא...

אַבְרָהָם בְּאֵרָא

Было ясно и глухому, что в шолом-алейхемовской Касриловке пальмы отродясь не росли, а растут они много южнее, в библейских краях. Я видел, как переглянулись израильтяне при слове «пальмы». Действительно, едва ли местечковые козы бродили по жарким пескам и жевали финики, упавшие с этих самых пальм... Намек был достаточно прозрачен – покой и мир адресовался еврейской исторической родине, называть которую по имени было столь же невысказано, как называть имя Б-га.

Не успел я спуститься со сцены, как ко мне подошли несколько человек с просьбой дать им текст стихотворения. Был среди них и израильтянин, ему я и отдал машинописную страничку. У меня не возникло и тени сомнения в том, что один из любителей поэзии – агент КГБ. Он действовал довольно напористо, даже предлагал, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно записать весь стих под мою диктовку.

В один прекрасный день затерявшийся стишок вынырнет на свет Б-жий – та страничка наверняка пылится в одной из коробок архива нашего МИДа в Иерусалиме. Впрочем, может и не вынырнуть: рукописи всё же иногда горят и сгорают в прах.

עֲוָנוֹתֵינוּ נֶאֱמַר בְּשׁוֹמְרֵי תּוֹרָתְךָ 5766 - 9 (173)

НАШ ОТЪЕЗД ИЗ РОССИИ

Моше Клейнман

Летом 1923 года берлинскую редакцию «Рассвета» возглавил Зеев Жаботинский. Тогда же в журнале был опубликован очерк известного журналиста, писателя и общественного деятеля Моше Клейнмана (1870–1948), ныне предлагаемый вниманию читателей.

У Жаботинского с Клейнманом было много общего и по части географии (Одесса), и по части истории (длительный период активного участия в сионистском движении, для Клейнмана стоивший семи месяцев тюрьмы и высылки в Сибирь). Впрочем, в отличие от Жаботинского, Клейнман получил традиционное еврейское образование и сдал экзамен на звание раввина. С 1921 года он жил в Западной Европе (Литва, Германия, Франция), с 1936-го – в Эрец Исраэль. Похоронен в Иерусалиме.

Среди героев увлекательного повествования М. Клейнмана – Х.-Н. Бялик, А. В. Луначарский, председатель Одесской Губчека тов. Дейч и даже Мишка Япончик. Время и место действия – легендарные: до наших дней дошедшая слава в перепевах Аркадия Северного: «С одесского кичмана бежали два уркана...» Но рассказ Моше Клейнмана об ином. Всем известен «философский пароход», на борту которого в августе 1922 года из Петрограда отправились в эмиграцию десятки русских философов, литераторов, историков и т. д. Однако годом раньше из Одессы в Константинополь уже ушел подобный же философский пароход – вернее катер, уточняет Клейнман, – увозивший из Советской России 33 еврейских литератора, пишущих на иврите.

М. Клейнман.

1.

Мы почувствовали себя вдруг страшно одинокими и беспомощными, как бы брошенными на дикий остров посреди бушующего моря.

Мы – группа еврейских писателей в южном приморском городе, жалкий остаток некогда более многочисленного и весьма активного литературного кружка. Наши товарищи были уже давно кто по ту сторону и кто далече. Мы остались в ожидании «лучших времен».

Краткий, но полный тяжелой жути период добровольческого властвования в «Новороссийском крае» сменился новой волной большевизма; в Одессе утвердилась опять советская власть. И хотя все отлично помнили ужасы этой власти из предшествовавшего ее «прихода», ее на этот раз почти приветствовали: до того невыносим был гнет от бесчинствовавшей добровольческой власти. Особенно гнетущим было положение евреев в Одессе. Грубо антисемитский характер этой власти, ее цинически провокационные приемы особенно ярко сказывались в этом типично еврейском городе. Правда, погромов в Одессе не было. Их не допускали, ибо они были бы опасны для самой власти, всё время шатавшейся в этом городе. Большевики были подпольно крепко организованы; существовали и национальная еврейская самооборона в лице открыто действовавшего, хорошо вооруженного «нейтрального» еврейского батальона и его многочисленных резервов, готовых встать под ружье в минуту опасности. Было, кроме того, доподлинно известно, что многочисленные, прекрасно организованные и вооруженные преступные элементы города, «работавшие» под самым носом власти и дерзко над ней издевавшиеся, погромов никоим образом не допустят. Как это ни странно, но именно в этом преступном элементе, каждый день учинившем

среди бела дня налеты и грабежи, еврейское население имело вернейшую защиту против «законной» власти, ибо его эта власть пуше всего боялась. И достаточно было пресловутому воровскому «атаману» Мишке Японцу объявить властно: «Я погромов не допущу!» – и это действовало магически: на население – успокаивающе; на законную власть – устрашающе...

Погромов не было, но под страхом погрома жили всё время, а «тихий погром» совершался непрерывно. Каждый вечер исчезали люди и найдены были на следующее утро пристреленными в городском парке. То были люди, которых в большевизме заподозрить никоим образом нельзя было. Всё их «преступление» заключалось в том, что они были евреи и имели несчастье попасться в глухом переулке на глаза бесчисленным самочинным добровольческим «контрразведчикам» или просто пьяным офицерам. Каждый вечер врываются эти пьяные офицеры в еврейские дома, запирали все ходы и выходы из квартир, устраивали дикую «охоту» на жидов, насиловали, убивали. Все жалобы на эти «действия» перед властями были явно безнадежными. Добровольцы хозяйничали в Одессе, как в завоеванной стране, трактовали всё еврейское население, поголовно, как захваченный стан врагов.

Неудивительно, что против этой власти накопилось столько озлобления и ненависти; даже большевиков встретили, как избавителей. Чрезвычайно характерно уже то, что во время подполья большевистские главари могли находить убежище в квартирах явно буржуазных.

Собственно говоря, никто не верил в долговечность большевистской власти. В Одессе до того свыклись с непрочностью всякой власти, что вообще пребывание какой-либо власти исчислялось крайне короткими месяцами и на этом строились все обывательские расчеты. В такой же мере были уверены и на сей раз, что большевики продержатся «никак не более» 4–5 месяцев. Эта уверенность и откуда-то появившийся слух, что на сей раз большевики намерены повести себя приличнее, что в Москве, будто, они уже себя ведут приличнее, что «они поумнели после горького опыта», – всё это внушало некоторую уверенность и усилило чувство удовлетворения по случаю избавления от добровольцев. На кого же рассчитывали после «неминуемого» ухода большевиков через несколько месяцев? На такой вопрос вряд ли кто мог бы ответить. В действительности ни на что и ни на кого не надеялись. Жили тогда настроением дня. Спало тяжелое ярмо, ушли жестокие и безжалостные угнетатели – ну и отлично. А завтра увидим, что Б-г даст!..

В первые дни большевики как будто и стремились доказать, что они хотят вести себя приличнее. Во главе Ревкома стали люди, доступные общественному влиянию, первым актом этого Ревкома было сужение власти Чека, отнятие у нее исполнительных функций и сведение ее роли лишь к следственным прерогативам, учрежден был Рабкрин с широчайшими (как казалось тогда) полномочиями контроля и доступностью для всех граждан. «Контрибуции» на буржуазию не было, торговля в первое время не стеснялась, продовольственное дело как будто налаживалось, и власть, показывая во все направления либеральное лицо, привлекала к работе почтенных общественных деятелей, и те охотно шли на работу.

2.

Но эта идиллия продолжалась недолго. Доморощенный Ревком скоро был смещен, на его место стали приезжие, присланные «из центра», – и началась обычная большевистская вакханалия. Чека вновь получила свои «права», во главе ее были поставлены беспощадные палачи, начался «красный террор». Торговля была задушена, остатки ее, в лице кооперативов, разгромлены, продовольствие исчезло, введена была «трудовая повинность», жизнь стала кошмаром.

Отчаяние средних классов в это время достигло крайних размеров. Не было никакой уверенности в завтрашнем дне. Голод и нужда упорно стучались в двери бывших зажиточных людей, а бывшие имущие впадали в полную нищету.

Еще более тяжелым оказалось положение «упраздненной» интеллигенции. С одной стороны ее постоянно тревожили бесконечными мобилизациями и взятием «на учет», с другой же – у нее не оказалось никакого поприща для приложения своих сил и она была осуждена на неминуемую гибель. Хуже всех пришлось деятелям пера. Поскольку они не шли на сделку с совестью и не переходили в советские издания, и поскольку они по целому ряду причин не могли попасть на службу в какое-либо «нейтральное», хозяйственное учреждение – они были лишены даже того несчастного «пайка» и грошового жалованья, что давала советская служба и что хватало бы на поддержание полуголодного существования. Больше того: они тогда оказывались вне защиты профсоюза, привлекались как «тунеядцы» к трудовой повинности, подвергались реквизициям, изъятиям и издевательствам. В таком именно положении очутились работники

еврейской литературы, над которыми, к тому еще, тяготел одиум особой «контрреволюционности» вследствие языка (древнееврейского), на котором они писали и который был объявлен Евсекцией сам по себе «буржуазным» и «империалистским», да еще из-за причастности большинства из них к «явно контрреволюционному, антантовскому сионизму». В лице еврейских коммунистов, неистовствовавших в то время с особой яростью, еврейские литераторы имели злейших, почти личных врагов, всячески норовивших отрезать им все пути к жизни и загнать их в безысходную нужду.

Кругом стояла беспросветная темнота, не было видно ни малейшего просвета. Не на что было надеяться. Нужно оставить Россию... Но как? Убежать голыми, нищими, с семьями на руках? Трудно было, да и не совсем безопасно: мы все были слишком на виду, чтоб наше исчезновение оставалось незаметным. Пожалуй, изловят где-нибудь по дороге и тогда изморят в тюрьмах, а потом сошлют (как были случаи) на работу в Донбасс. А то могут и процесс создать «за саботаж рабоче-крестьянской власти», за шпионаж и перебежку в стан врагов; тогда и голова на плечах не обеспечена. А на легальный выезд не было никакой надежды. В то время еще не выпускалась из России ни одна живая душа. Непроницаемой стеной мы были заслонены от всего мира, и голос оттуда нам казался как бы голосом с другой планеты.

Кому-то пришла отчаянная мысль в голову: не попытаться ли обратиться к самым верхам, в «центр», объяснить им всю логическую несостоятельность того положения, по которому нас держат на иждивении российских рабочих и крестьян (тогда стали выдавать нам так называемые «академические» пайки, вопреки протестам Евсекции), без того, чтобы эти рабочие и крестьяне могли бы хоть когда-нибудь извлечь из нас пользу. Аргументация сконструирована была вполне правильно: мы, мол, еврейские писатели, пишем исключительно на древнееврейском языке. Этот язык объявлен вашими евсекционистами буржуазным, для еврейского пролетариата не только не нужным, но и для него вредным, ибо он на нем не говорит и его творениями пользоваться не может. Однако есть страна (Палестина), где этот язык является разговорным и где наша деятельность была бы, несомненно, полезной и культурно-творческой. Советская власть не имеет никакого основания парализовать культурные силы, которые могут быть полезны народу в другом месте. Зачем ей кормить людей у себя даром и подвергать при том мукам безделья, не лучше ли их отпустить с Б-гом туда, где в них нуждаются?.. Как ни фантастичным, ни невероятным казался эффект такой аргументации, ее решили пустить в ход. Ведь всё равно ничего другого нельзя было придумать.

Но как, однако, попасть в «центр»? Почтовых и телеграфных сношений для частных лиц в то время не было. Использовать официальные сношения через местные органы власти представлялось совершенно безнадежным. К счастью, подвернулся случай. Один из видных прежде журналистов, не пожелавший продавать свое перо новым хозяевам, а потому оказавшийся не у дел, решил съездить в Москву и Петербург. Это было в то время отчаянным предприятием, потребовавшим поистине героического мужества. Мы воспользовались оказией и дали ему на руки письмо. Оно исходило от главы нашей группы Х.-Н. Бялика и адресовано было одному из известных русских писателей, слывшему безукоризненно честным человеком, другом еврейской литературы, пользующемуся определенным влиянием в правящих сферах. В письме содержался подробный доклад о бедственном положении еврейской литературы, о гонениях на нее со стороны Евсекции, о жестоком истреблении еврейской книги, о полном разгроме всех литературных очагов и о совершенной бессмысленности нашего дальнейшего пребывания в России. Адресат, мол, сделает большое культурное и человеческое дело, если использует свое влияние и достанет нам разрешение на выезд за границу.

Наш «посыльный» уехал. Проходит месяц, другой, третий – «ни слуху, ни духу». Как в воду канул. Не знаем, доехал ли до Москвы, не заболел ли, не умер ли по дороге, не арестован ли где-нибудь – таков был тогда стиль русской жизни. После четвертого месяца, однако, он вернулся целым и невредимым и привез нам радостную весть: наше ходатайство в «центре» нашло сочувствие. Вопрос о нашем выезде решен. Сердобольный писатель повез наше письмо «самому», тот покачал головой, сказал: «Ну что же, пусть уедут!» И вот уже отдано распоряжение об изготовлении для нас паспортов. Остается только совершить ряд формальностей, для чего от нас должна ехать делегация в Москву. В делегацию избраны были Х.-Н. Бялик и пишущий эти строки.

Глава

3

Поездка из Одессы в Москву была в то время предприятием поистине геройским. Прежде всего, советскому гражданину в то время не полагалось по своему собственному усмотрению взять да поехать куда-нибудь. Начальство должно знать, куда и зачем, и лишь при его одобрении цели и необходимости вояжа оно дает «пропуск». Но и пропуск сам по себе еще не гарантировал получения билета; для этого требовалось опять-таки доброжелательство другого начальства. Обладание билетом, в свою очередь, еще не гарантировало возможности попасть в поезд; для этого нужно было доброжелательство станционного коменданта и «уточка». Кроме того, ведь полагалось каждому «честному гражданину» быть где-нибудь на службе и требовался, стало быть, отпуск со службы, а то и «командировка» служебная. Для нас всё это, по понятным причинам, представляло сугубую трудность.

Мы, однако, счастливо преодолели все трудности. Мы оказались «командированными» – не то Совнархозом, не то Губфинотделом, не то за какими-то бухгалтерскими формулярами, не то затем, чтобы узнать в «центре» о положении печатного дела. Одолели мы и станционные, и уточкистские преграды и, вооружившись всякими «бумажками» и «антивошами», оставив на руках встревоженных жен духовные завещания, двинулись в один морозный февральский день в долгий и опасный путь. Из Одессы в Москву.

Двое суток наш поезд шел только до Киева. По дороге нас, как и всех пассажиров, бесчисленное множество раз контролировали и обыскивали, рассматривали документы, учиняли строгие допросы «зачем?» и «почему?», и «как?», и «для чего?», и «каким образом?», заглядывали глубоко в глаза. Всё сходило благополучно. Только один раз попали мы всё же впросак: были арестованы и переведены в вагон «особого отдела». Мы, видите ли, показались контролировавшему «особисту» – молодцеватому, но малограмотному «комсомолу» из сапожных подмастерьев – «типичными буржуями-спекулянтами». Даром что «бумаги» у нас как будто в порядке, даром что командированы по очевидно важным государственным делам, даром также, что вагон был переполнен действительными спекулянтами, мешочниками и валютчиками. Мы одни – Бялик и я – показались «подозрительными». Нам угрожало остаться на ближайшей глухой станции, и кто знает, что с нами тогда случилось бы, если бы не одна случайность, которая нас спасла. В вагоне «особого отдела», куда мы были переведены как арестованные, оказался один, которому имя Бялика было не чуждо, и он уговорил строгого чекиста отпустить нас «с Б-гом». Под Киевом наш вагон выбросил через окна на стоявшую здесь наготове крестьянскую подводу добрых 50 пудов соли в 2–3-пудовых мешках, которые так тщательно разыскивались «особистами» и «заградилочниками» в продолжение всей дороги, но найдены не были... Зато в нас немедленно узнали «настоящих» спекулянтов. В Киев мы приехали «всего» за 5 часов до отхода московского поезда. Этого времени было слишком недостаточно, чтобы получить штампель станционного коменданта, и пришлось остаться в Киеве на целую неделю. Дальнейшая поездка из Киева до Москвы продолжалась опять около двух суток, но была еще более тяжелой, хотя и без особых инцидентов.

В Москву мы прибыли числа 11-го марта, как раз в момент напряженного кризиса происходившего тогда «Кронштадтского восстания», и нам советовали ничего в «такое время» не начинать. Пришлось выждать. Недели через две, однако, оказалось уже возможным побеспокоить начальство, и вот мы явились в Наркоминдел. Наше дело там действительно было уже нашим покровителем подготовлено, и, казалось, ничего больше не остается, как выполнить формуляры и получить паспорта. Мы там встретили довольно милый прием, в некоторых случаях даже весьма сочувственный. Не могу без благодарности упомянуть о двух чиновниках наркомата, с которыми мы непосредственно имели дело: о тов. Волынском и тов. Вайнштейне – том самом, обращение которого к лорду Керзону недавно так нашумело. Оба оказались не по-большевистски культурными людьми, весьма мягкими в обращении и доступными, без всякого следа обычного чиновничьего важничанья и тоже весьма обычной коммунистической подозрительности и нетерпимости к инакомыслящему. Для нас, приехавших из Одессы и имевших там дело с тогдашними представителями «местной власти», определенно бандитского типа и склада души, эта встреча в советском учреждении с людьми терпимыми и культурными была поистине чем-то неожиданным и приятным. Впоследствии нам довелось встретить на горизонте советского строя еще других людей этого же типа и образа мыслей, и справедливость требует, чтобы об этом было упомянуто. Я всё время думал о мудром талмудическом сказании о 36 праведниках, не переводящихся во всяком поколении, благоденствиями которых поколение держится, даже если оно, помимо них, всё разьедено грехами и подлостью.

Однако при всей казавшейся подготовленности нашего дела и при всем сочувствии ответственных чиновников Наркоминдела и искреннем желании наше ходатайство удовлетворить оказалось, что оно не так уж просто, как нам рисовалось. Помимо необходимости в двух «благонадежных» (с советской точки зрения) поручителях, которых тоже не так уж легко достать, потребовалось еще согласие каких-то таинственных и нам совершенно недоступных «сфер», не то политического отдела ВЧК, не то секретнейшего какого-то сверхчека, о сосуществовании которого мы и не подозревали и к которому у нас никакого доступа не было и быть не могло.

И началась мучительнейшая канитель, длившаяся без малого целых три месяца. Сначала нам говорили в Наркоминделе, что потребуется дней 6–8, пока бумаги пройдут – неведомо откуда. Потом попросили зайти еще через неделю. Потом намекнули, что «что-то» «где-то» запнулось или даже совсем испортилось, и советовали подать новую докладную записку. У нас были все основания опасаться всяческих козней со стороны Евсекции, и при всем старании всячески скрывать от нее все наши хождения по канцеляриям это нам не удавалось, и мы были уверены, что если не вся Евсекция как учреждение, то некоторые ее члены, имеющие «руку» в секретных и наисекретнейших канцеляриях, беспрестанно ставят нам палки в колеса. Были и кое-какие признаки, утвердившие нас в этом опасении. Вступить же с Евсекцией в открытую борьбу нам представлялось явно безнадежной затеей.

Γένηται ἡ ἀλήθεια φανερά

МОИСЕЙ ТЕЙФ

Леонид Кацис

Моисею Тейфу в последнее время повезло, быть может, значительно больше других поэтов, писавших на идише в советскую эпоху. Ему оказался посвящен целый номер журнала «Корни» (желающих ознакомиться с этим редким изданием отправляем на сайт: www.shorashim.narod.ru). Причем в этом журнале поэт предстал не только автором знаменитого стихотворения «Возле булочной на улице Горького» (эти стихи попали в спектакль Марка Розовского, их поют барды, они явно надолго останутся в русской и еврейской культуре). В «Корнях» Моисей Тейф предстал и в качестве Шаи Сибирского – автора цикла лагерных стихов, которые, к сожалению, не были известны составителям тома «Поэзия ГУЛАГа», недавно вышедшего в свет.

В «Корнях» опубликована также написанная первоначально по-русски, а затем переведенная на идиш автобиография Моисея Тейфа «Альпинезл» («Чудом выживший»). Русский текст оказался на сегодня недоступен, поэтому публикация представляет собой обратный перевод с идиша. Что, впрочем, очень символично. В «Альпинезл» читаем: «Маленькому Альпинезлу не повезло с первым учителем. Ребе быстро надоели его постоянные шутки, и всё кончилось банальной экзекуцией – поркой ремнем. Ребе при этом повторял: “тупой малыш, глупая голова”. Потом он прогнал его из хедера.

Когда Альпинезл уже был поэтом, однажды он перечитал несколько стихотворений Михаила Светлова под названием “Стихи о Ребе”. Как он завидовал русскому поэту, который с любовью вспоминал своего учителя. Что касается ребе Альпинезла, то его средневековый способ обучения, его длинный ремень, лежавший на плече, как змея, не мог породить любовь ни к нему, ни к его главному предмету – хумэшу. Помогла мама».

Она отправила его к другому учителю – больше литературному, чем религиозному. Однако именно этот учитель легко и интересно «разъяснял тексты пророков, незабываемых стихов “Шир а-Ширим”, объясняя по-своему, избегая традиционных комментариев. Через много лет, когда поэт (о себе, как вы заметили, Тейф пишет в третьем лице. – Л. К.) уже работал над строго ритмическим переводом древней поэзии, он помнил комментарии своего учителя».

На этом фоне стоит вспомнить стихи Светлова, которые упомянул Моисей Тейф. Они напечатаны в сборнике с тем же названием, что и нынешний журнал: «Корни», 1925 год. Открывается сборник четверостишием, которое сегодня и цитировать страшно:

יִזְכָּרוּ לְיָמֵינוּ אֵלֵינוּ

אֵלֵינוּ, אֵלֵינוּ עַל יְדֵינוּ,

בְּאֵלֵינוּ, אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Сами же стихи о бывшем учителе в хедере, который подторговывает теперь на рынке табаком, о его забытой страшной Горе и пустой синагоге, из которой ушел в комсомол автор «Корней», как-то плохо вяжутся с автобиографией еврейского поэта Моисея Тейфа. Трудно сказать, помнил ли он действительно стихи Светлова, а если помнил, не было ли всё это злой и ироничной шуткой еврейского поэта над теми, кто менял имена и фамилии, кто отрывался от своих корней, кому, в отличие от Тейфа, не пришлось в голову завершать свой путь переводом Песни песней, а в поздней автобиографии специально отмечать, в какой степени и кто из его соратников по еврейской литературе знал Библию и даже Талмуд... А такому вот поэту пришлось в голову начать свой лагерный цикл со стихов:

À èòí òíò àààé:èé íà ñèì éá?
Í í àèáá òí çýé:èé éíð:ì ù?
Òí Èáéçàðéà-ì àì çàð, í àèà: í àø!
Ðéááí óèè ñí èì ãððøéà ì ù!
Èç òáð øáí òóí í à í àá äýáá
:òí øøé Áíæáð í ðííáðéèéé:
«Í í ðà çàáí ýòü ì íé, àáááá í íààéüøá
á àáðàèé Ñèáéðé!»

По отношению к Лазарю Кагановичу здесь употреблено древнее еврейское слово, означающее «незаконнорожденный». То есть Каганович по Тейфу – не настоящий еврей.

Моисей Тейф был из тех, кто всегда помнил корни еврейских слов, и даже свой трагический лагерный путь он осмыслял как плату за отказ советских идишистов от ивритских корней:

Í áæé òí, Á-ñí íáé, ý ñàì,
В ñàì éí í àé ñááá ì í àééó?
В æéçíü ì ðíááé (í á èàðñü, í áò!)
Ñðááü ì ñá ñéáí ùó è á íñéáí éáí ùá
Í ó-ñ òàé í :áí áéøü òáíé çàáò,
Í ðíðíé òó í àø, àáééèéé Èáí éí?
Í í íàáé! í à ì í é í áðíá
Ñáí é ì á: í àöáéèé áðàò ò áíé, Èáéí.
Í á íò òíá èé Í ðÁÁÁÁ ì ðáò,
× òí á í áé í èñáéé áééáó «ÁÈÍ »?

Здесь переводчик лагерного цикла Тейфа Моисей Ратнер поясняет, что вместо ивритского «ЭМЕТ» – «Алеф-Мем-Тав», то есть начала, середины и конца еврейского алфавита, на советском идише писали «Аин-Мем-Аин-Самэх», и в этих «Аин» звучало для поэта слово «К-АИН». Впрочем, когда писались эти стихи, уже не существовало еврейского издательства «Дер Эмес», как не было и иллюзий относительно «ленинского завета».

Íí íá áááá, íá í óééé,
À, ñéàçàòüíí í òðááá, í óéé...
Áíí! Áíí! Áùá ðàç!
Áàèùóá ñéóóáéòá ðáññéàç

Ñéíáí çà ñéíáí... Áíí! Áíí!
Æéé á óççá ñòáðíé ííí.
Ó íííá ííííáè: áúé,
Í íéíáíé è í íéíúé ñéé.
Í í óýí óéíý áíéé áóóíé
È èéááðáí òéá í íéíáíé.
Í Á-ñíáúíáó Ýéíé-æí!
Íí çà íáé, ííá - çà íéí!
Èðáíò í áááéà è - éííáó:
Óéàò èéà í íá ááí áó.
Èéááðáí ò áíáíñ ñéóééò -
Áíðáí íí íí áðéí ñúò.
- Áó, ñéíòéíá, - ðýáéíóé ý,
Íáóé íéíóé ñúííáíý?
Áðæéíá - íáíéò í íéé,
×òí íé íáðáíú, òí æáíéá
Í í òíóáé òú áðáíá
Ááá æááí-éá? Ááá ííá?!
Áíí! Áíí! Áùá ðàç!
Áàèùóá ñéóóáéòá ðáññéàç

Èéááðáí ò áúé íá áéáíò:
Ñ áóý ííí áð èéááðáí ò.
Áúé í ðé æéçíé áíá-íí,
È Á-ñíí ðéáúé - íááéóíí.
- Í íáíéáé-éá, èéááðáí ò, -
Èðééíóé Á-ñí ááúíóáíò, -
Íó, òááý æá í òááðòó,
Í í çáááááóú éáé çíáó,
Óíòúéðé:é, óíòúé íá éðé:é,
Í ááí ñæá:ú òááý á íá:é
È çà çýòý è çà áí:ú
Á ááñéíé ñòóíá éñòíéí:ú
Çíáé, í ðéóíáéò òáíé :áááí:
Ñóá í áááíú úé í áíò ááó.
Áíí! Áíí! Áùá ðàç!
Áàèùóá ñéóóáéòá ðáññéàç

Ñéíáíí, ááç íáéíýéíá
Ñóá í áááíú úé áúé ò áéíá-
Ñáí ááééééé Ýéíé-æí
Í íýáééíý í ááá í éí.
- Í ó çáíðíáí, áéíúé òðáí ò!
×òí æ í íé:éóúòú, èéááðáí ò? -
Áéá áúí íéáéé í áðò ááó:
- Çýòú - ííííáè:, ý - ííáéáó...
- Óú áéóí áó, - ñí áíòíý Á-á -
È íá òáé-òí òú óæ í éíó.
Áááúí ò áéíé æá áááó í éé ý -
Òá æá ó ò óéà ó í áíý:
Ñáí ñááá ááðáí òíí
À í íáðíí - è ñòáé... Óðéíò íí

Áíí! Áíí! Áùá ðàç!
Áíò è ááíí í ááíéáé ñéàç!
Áíáéíé í ú áá çáíúúí,
Á çáéóíéí éóééóíí.
Èòí, éáé ý, í éýíáòúóí ááó,

*Í õñòúí íáí àò íé íá ææáàò.
Áíí! Áíí! Áúà ðàç!
Ëæáá í áðáí èÿòáò àáí!*

1926
Í áðáíá Á. Ááðáí íáí

Ì ÍÈ ÑÃÑÒÐÛ

*Í íñ íòðèòúí íáí í çàæÿááí úá;
Ëæááÿ - àí áæ çáí í íé,
Í í íá:éí ááò ñÿ çáí éáò ðÿñáí úá;
Ëíáá í íé ñááò ÿò ñÿ í áæáò ñ á í é.*

*Í áí ó çí áò Ááòá
Áðááþ - Ì áòá
Òðáò úþ - Ñò ÿðá
× áò ááò ðþ - Ì ÿðá
Í ÿò ðþ - Ðí óá
Òáíò ðþ - Áðí óá*

*Òáíò áðí - í é í áí úóá í é áí éúóá
Ë ÿòí, áúí ááòá, ó í áí áò é áíÿ íáí úÿ?
Òáé áí í æááò áíí áíò úí áúá Ì í éóá -
Ëò áðáò - í áç í é é, á ÿòí - ÿ.
Ëðè:éò ñò áðè é: - Áááéé, í á óúí é ò á!
Ëíáá ááò áí ó ááéò ó í áíò áí áò é í í áò?!
Í í ðá ááí, ÷ áðò í áéé, çáí óæ áí é ò é.
Í í ðá ááí, í éóò í áéé, í í á ááí áò!*

*Ñáíò ðú òí òí:óò, òí áÿò í áðáí é
Ë, éáé í í áé í ááí é, éááéóéáí é ñò ó:áò.
Áááéé ááþ ò ñÿ á áíí ááþ áéáí í úá í áðí é
Ë óáéúé áá:áð çá ñò í éáí é ò í ð:áò.
Ë í áðí áé ò í éé ááò í í á áí é í áí áòá:
- Í é éí ñò áé, í é í ÿñ, í é æéé!
Òí áé í í á í óæ:éí ú! Ááá í óí éóéú ááò é?
Òí ú é á í áò óðè... ÷ ò í á ÿ ò áé æéé!*

*Í ó áí í úá, ÷ ò í éé? Ëÿóáéí! Ëÿóáéí!
Æáéáþ éó:ó í áí é ááí é é í á ááí,
Í é í áÿ ñí, í ñí í áé áðáí é é ðí á
òí í í æááí -
Ëáí é é áé ñò áí ááÿí !²¹
Ëíáá ñí áþ ò ñÿ í í é ñáíò ðè óú,
Ëá:ááò ñÿ ááí í áí í;
Í èÿòóò - ò ðáí áò í í é í áé óú:
Í á áí í, à Ñí áí í!*

*Í áí ó çí áò Ááòá
Áðááþ - Ì áòá
Òðáò úþ - Ñò ÿðá
× áò ááò ðþ - Ì ÿðá
Í ÿò ðþ - Ðí óá
Òáíò ðþ - Áðí óá..*

*Daño aadi - í è ì áí uosá í è áí è uosá
 È yòí, àáí ààòá, ó í àí àosè àny' í àí úy?
 Òàè àú í osè ààòá àí àí uosá àí í è osá -
 Èò ààò - ì àpè í èé, à yòí - ý.*

1929
Í ààí àí à Áàòáí í àí

Í Í È Ñ Û Á

*Ñí òí ñ èé ý è í àá è ý Á à à í à
 Òàè ñ òí ñ èé ý:
 - Í á í ò è à osè ò á, ò àí ò ú è p á á í ú é,
 Daño í è é é ó á -
 È à è á à osé à è ó ó í à í è,
 Á í è ò ú à ò osè à à í ò ó í à è,
 Á á á í í í osè à à í í ç à í,
 Á á á í í ç à í ñ osè ó,
 Ñ è à í ç à í à osè à è à ý ò í à á í
 Á à ñ è ú osè à ò í è ú í è í è ò è é
 Á è é é ó ó ò í è, -
 È à è á yò è ó à á á ò ý ò
 È p à è í à ú y à è è è ñ ñ -
 Á í ò í à à - è,
 Á osá ú á á í è í ò í ú ó ñ à í í osè ú à à ò ..*

*Í ò è ñ à ý è ñ ý osé á í à í à osé à D í ò è - È ý è é,
 Í è ò í ò í ò à è osé á í í:
 Ç y ò à è, ì í è, í ç à à - è é!
 È, í í ò à ç à í ú ñ è á,
 Í í í ò à à ò è é,
 Òàè í ò à à ò è é:
 - Í ò í è ç à í osè í í í
 Á á í è ñ ò à í ò à í ú ý ì è ò á
 È í à à Á - ñ í à ú
 Ñ à í è à à è è è é á ç à ò à è
 Ñ í à ny è í è à ny - è í í è osè à à í í è ó - í í
 è í í - è é,
 Ó à è à à è í í à à è é
 Ñ à à ny ò í è à à í y è í á -
 Í ó í è u à ò à!
 Í ó, à è í à ò à í ò ú! -
 Á è à à í ú,
 È ç à ó - á í ú,*

Í í æyí ú ñò ðí ò í é ñò è ò í ò á í ð á í ú ý,
× ò í ñ á à ò ñ ò á à í í í í è ò ú í à è ñ ò ú -
È à ò á í á í à è ñ ò í á í ò á à ò á í ú á,
Ð í á í á í í á à è è à á ð ñ ò ú
Á í ò, è à è á ò í ý, ç à í í á í ð í ò í í
Ó à è è ò ú á à è ç è í ç á
È á í - ð è í é á í ñ ò á í á ò ú
Á í ò í í!
Ñ á à è è í á ý è ñ ð ý : ú ñ è á ç á

Á á ú è à è í á í ñ á í á ý ò á í, è ò í
Ñ á è : á ñ á á è ð í á á, á á è á á?

.....
... Á ñ ò í é ç á í è ý í é á à ð ð è ò á è ò í ð
Ñ ò í è ò, ñ è í í é à è è ñ í ó ñ ò í è à

Í à : á ð ò á è á - ñ í è à ò á í ú á è è ò.
Á í í à è ð á í è à í è ñ ò ð í é í ú.
Ñ á á ú ó á à ò ó ú í é á ç á ñ í ó è è,
È à è á ó á ò í í á á ú é í á í é í ú.

È í í á ð à è í ò á á á ð í í é á à ð ò á è ú
Í ð à è è ç è è ñ í í ç á á, è ð á è á

Á á ð á á ý í á ð è à ñ ò ð í á í á ñ ò á è è
Í à á á á á, í á á á è á è á

Í í á ñ á í í ò á í ò ð á - ý ò í : ò í á è á ?!
È è ú í í á á è è á á á è á ç á ?
È í á á è è í é ç á ñ í í ð í é í á è á í,
È í á ð è ñ á á í á é í ç á ..

Í à : à è ú ñ ò á í ñ ð í ñ è ò : : ò í ç á : ó á í ?!
Í í í é á í ó í á ð á è è á í á ò.
È í ç á í á : á ð ò á è á ? Í ò è ú á ?!
× ò í ý ò í - à è ó í í ñ ò ú è è è á ð á á ?

Í í á í, è à è á í è á ç è á ñ ò á í è è í ñ í
È í ç á è í á á è è í é ò ó ò.

Í ó è à è ñ ò á á ò ú ñ è à è è í á í è è í ñ ò ú
Ñ á í é ó á í é ç á í ý ò ú í é í ó ò ?

Á ú, í á í é í í ñ ò è, á è à è ò á
È ò ú, è à ò á í, ó á à è í í ý ò ú !
Ó á í á á á ó á á ò í á á á í è ò á
Á à è ý í é á - é í ç : é à ñ ò í ý ò ú

Í á ò á, é í ò í ð á ý í ð í á è à,
Á ð á á ý - á í é é í á ñ ò ð á è á í á è, -
Ò à ñ á í á ý, : ò í í í á í è á ç è á :
È è à è è í á ó á è é í ð í á è.

1947
Í á á á á á Ð í í á í á Ñ á ò á

Á Ñ Ò Á × Á Á È Á È Ì È Ð Á Ì Á È Í Á Ñ È Í Á Í Ñ Ì È Í Ñ È Ì Ì Á È Û × Ó Á Á Í Í Ì

Í ð í ñ ó è ñ ý í ð è á ð í á á á á ú í - á á á í.
Ð á ñ í á ò.
Í í í í ñ ò í á í é á á í ý ò í í á í ç è è ...
Í í á í ò ñ á ò è è è á ð í ñ è í ñ í á í é í í :
« Á è á á è í è ð Í á ý è í á í è é ».

Í í ã õíáó èääò.
Í ò èúà ò óò
Òà èí é ãáí ò?
Ááÿ ù áá ì í è-áí ùí..
Ó áúáó áé ñé í ááí ãé æ áúò è æ áúò
Áúá ááÿ ù áá ì è í-áí á

Èääò!
Áí ááí í í ñò áí ù áé í í ò ðÿ ñ
È - ò è ø é í á
È, ò è ø é í ó ð á ç ð ø ø é á
È ç æ ú á ú á ú ñ ñ é á á ò ÿ ò í ò á á ñ
Ò á è ñ è ð ú, ÷ ò í æ á ò à ð ò í ðÿ í í á á ø ø è.

Á ò í é í á - è ú ðÿ á é í á ð á í ù
Ñ á é á ó á ð á
Á ñ í ò á é, á ñ ò í ð á ñ á á ò è è á á ç á á ð é í.
Í í á é í æ á í é á
È í é á ó í ð è é í ø è é ÷ ó á
Á ó á á á ñ í-áí á
Á ú ó á í ù á ñ á ð é í.

Í í è ó ò è ð ú ò á á à è ø í á á é ð í ò.
Á á ð á ò í í ñ ò è ð
È á è á ú è ð à ð ø ø è é á á
Á á é í á ð í ð é á ñ ò í è ø ø -
È í í ñ ð á á ò
Á éÿ Í áÿ é í á ñ é í á á ñ ç á ç á ú ñ í í á á

... Ó í á é á í í é í í-ù
Ñ á á ø á í ù ó ÷ á ñ á
È ó í á í è ú é á, é á é é í á í-é á á ç á á ñ é.
Á í á ð á í ù á í ò ò ð á á ð í á è ò ú á í ò í á
È í í ñ é á á è ò:
Í íÿ ò í è ó ð í é á ð í ñ è,
Í í ò í ç á á í ó é, í ñ ò á í á è é ñÿ á á ð á
Ò ó ò í á ð á í ù á ñ ðÿ ò á é ñÿ
Ç á á é è æ í è í á í í ñ ù...
È á á ð á í í ñ é ú ø è ò:
- Í í á í é á è-é á, á ð á í
Á ó á á ç á è í í ù...

Í á ñ è ò ñÿ, á á?
Á á ð ø ó í á ð è, á é-á é,
Ò ú í á ú á é á í é á í - í è ø á ø ú..
× ò í æ, í ð è ÿ ò í
Ç í á é, á ú ò ú ò í ð í ø è í ñ é á í á ð á í á á ð í á é,
Í á æ á è í í ñ ð á á ñ ò á á í í ù í íÿ ò í ñ.

Í ó, á á é í í á ð è ó! -
Á ç í á ò í ñ é í á í
Ñ é í á í á í á á è:
- × è ò á é! × á á í í è-è ø ú, é á é á á á..
- Í è ø ó ÿ í í-á á ð á í ñ è... Í á é á é á í
Ñ é á á í á í ð á í, á ñ ð á á í á è á á í.

Á í ñ è è é í ó è Í áÿ é í á ñ è é:
- Í í í è ø ú? Í á ò?
«È ð á á á ð á é á»²³ -
Á í é í ñ ñ á è è á é í é
× á é á í è ò ñ ò ð í ò ú Áÿ è è á í íÿ ò,
È ñ è ø á á ò á á í ð è ò è ø ø è é í á á é í é

...È íí:úí ðíøèà
È í ííñ èàò ì ðíøéí.
Áááí í ó í àðí ÿ èóàðè ì ðáááèè,
Í í àèáè ñ àðò ù í á ðàç -
Áí ó àáçéí,
Í í óááðÿè, ÷ òí áí è èááéí èáò áèè.

Èí ááá, áúááàò, í á ðú óò ù áí ó -
Áúðíáèò á á ðíá,
Í è èí ó í á áááí,
È áúí ì è í áàò ò ó í í: í ð ò ù á
× òí èàèàò ðÿ áí ó
Ñèáÿ ù èí ñáò ì í.

È àèàèò:
Ì áÿéí ááèè! Í í, æèáíé!
× ò í á í è éíñ í á ðàçáúè ò ù ì ð è ó á
Áááò è þáíáí í í á ðéè áá
È í í áí èí ááò áúá, áúá, áúá..

1957, í ááááá Èúáá Í çáðíáá

ÈÁÁÁÐÍ ÛÁ ÑÒÈÒÈ

1.

- Ñèáæè-èá, ì ðèÿ ò áèú, á ááá ì ù ñ ò í á í é
ì ðááú áááí ?

- Á ñ ò í è ó á ááè è í è ááðæááí,
çí áúááè ÿ ÑÒÁÈÈÍ ÑÈÈÍ ÐÁÁÍ .

- Èóáá æá è ç ðáÿ è ñ: áçèè ñáÿ ò ù á
ñ è ò ÷ è ñ ò ù ì è ááò áí è ?

- Í í áí è á Áí æáÿ í í è áúèè áá
á ðè è ááò ò ù Ñááú ì í í ááááò áí ù.

- Í ááè ò í ñáÿ ò ù á í ñ ñ áèè í ááá: è ò ù
Áí æáÿ í í ááááí ù ÿ ?

- Í ó ÷ ò í ò ù! Í í è æ áí ó ñ áí è ááò: è è è
ááçáú òí ðááèáí ù ÿ!

- È ÷ áí çáí èí ááò ðÿ Áí æáú í á ø
á ñ áá è í í ò ááí í í è ñáò è è ó á?

- Í í ò á ø è ò ñáÿ áí ó ò ðá è ðá ñ ò í þ
í áá è ò áí ò í áí è ò ù.

- Á è ò í ò í ò áááè: è è í á ñ èí è á?
Í í áèáá òí çÿ è: è è è í ð: í ù?

- Òí Èáèçáðèá-í áí çáð, í áèá: í á ø!
Òèááí ø è ñ í èí á ð þ ø è á í ù!

È ç ò á ð ø áí ò ò í í á í áááÿ áá
÷ ò í ø è Áí æá þ í ð ñ áá è è è:

«Í í ðá çáá í ÿ ò ù ì í è, ááááá í í ááè ù ó á
á ááðáèè Ñèáèðè!»

- Çá: áí ÿ ò í «÷ ááí ù á áí ð í ù»
áí þ ò í í: áí è ááá ñ í í ù í è?

- Á óááó Áí æá þ í í è ø ááò á þ ò,
è í áÿ ò ááááá ñ ø í è í í áí è!

- È è áè ø è: á þ ò áè í í áí ù ó

Áóóóó áóóý. Èþàè! Áñá ñþàà
 Á í àø Í àðáí ðí áí úé Õáíñ «Á Õ Õ È È!»!
 È àè ò á è í àì ! Çááñí ì èýø áò
 Ñì áò ù ñàì á,
 Ñáí è í á: à ò è ñ ò à ñý í á çááí ðáá
 Ñí áø è ò á á ñ ðí á í àø!
 Á í àì á ñ ò ù Õ þ ò ù á!
 Í í à Í àð áí ù ì Õ ð àì ñ ì
 ñ ò á í à ò ñ è í ðí!
 Í ò á ø ø þ ñ à è è ò á ì , á è àì á ð á ò ñ ù ð ò ù,
 Í á á ì è æ á ð ò ì è æ æ ù ù è è à ì á ì ù
 ì ù ø á ò.
 Í á ñ ò ù : ù ý - ò ì á ñ á ð á ý ð è à í á í è ð
 Á ñ á í à ø è è ì á ì á í à à ñ : í ñ á ì è ø á ò !..
 Áóóóó áóóý. Á ñ ò á è à á ù á ò ì í ò í è
 Í á á á æ ù è ò ó : è í á á í á è ç ð ò ù ç è ..
 Õ á è ð á ç á ó á è ì á ý ò ù , á è ó á í è ,
 Á : ù ù è þ ñ à è á ç á æ à ò á á ñ ò è á
 æ è ç í è !

6

Í á ý ç á ñ ù á ñ : í ù è æ á ò ì í í è í è ..
 Í ð í è ý ò ù ì á á ì , í à ì ù á ñ ò á ì !
 È ò ì ñ è á æ á ò ì í á , ç á á ñ á è à è í è
 Ñ ç à ì è á ò è è ò á è ç þ ò á í ó ?
 Á à , ý á è í í á ì ! Ñ á á ð á è ,
 È ñ á è í à ð í á è þ ñ à è á ñ á ñ ð á ò á ì .
 Ç á ý ò ì á è à ì á ð à ì í á è
 Á ù á à è ý á è ò á ì í í è ð ñ á á ð ò è .
 Á à , á ñ á ø á ì ! Ç á Ñ ò ð á ì ó ì ò ò í á
 Ñ ñ á è í í á ì ý ò ù á í è à è á ç á ñ ò í è ù á
 Ñ ç ù è ì í è ç à ì á ò ì á ç á ñ á
 × ò ì á ð ò á ì ò è ð ò ù ò ù í á ì í á ý á í è á
 Í í è í ð á ò ñ æ á ð , è ì á ñ á ñ : á ð ò ý ì ...
 È ò ì , á ñ á ì ò ù ù á ò ñ è á ì ó ì ù è ù è ?
 Í á ø è ò ì , Á - ñ í á è , ý ñ á ì ,
 Ñ ñ á ì è ñ í á è ñ á á ì í á è ó ?
 Ñ æ è ç ù ì ð í á è (í á è á þ ñ ù , í á ò !)
 Ñ ò á ù ì ñ á ñ è á ì ù ò è á ì ñ è á ì ù á
 Í ó - ñ ò á è í : á ì á è ø ù ò á í è ç á ñ á ò ,
 Í ð í ð è ò ù í à ø , á à è è è è È á ì è í ?
 Í ì ì ù á à è ! Í à ì í è í à ð í á
 Ñ á í è ì á : í à ò á è è á ð á ò ò á í è , È à è í .
 Í á ì ò ò ì á è è Í Ð Á Á Á Á ì ð è ò ,
 × ò ì á í á è í è ñ è è á ó é á « Á È Í » ?
 Ñ æ è è ð á ñ ñ ù è ì ì (: ç á ñ ò á ñ ì - í á ò !) .
 Í ì è à è æ á ñ á á ò ñ ò á ñ ð á ñ á á ñ á è í í -
 Õ ò ò ð á á ø æ í ù è , á á ð á è ñ è è , ò á ò
 Ñ á ñ ñ á ò á - á è ó á í è è á æ ù è !..
 Õ ò ð á á ç è ì á í è , á ò þ ò ù á ..
 Í í , á ð á ò ! Í á ñ ò á : è ì ç á ñ ò í è á è ò ù
 Õ á ì , á è è á ò á á ð í á í è ñ ò ð á í á
 È á è ý ì í á è á ø è ð á ç á è ò í è !

Ужель умру я этой ночью?
 И всё? Конец? Последний стих?
 Палач, как ворон, злобно хочет
 Мне горло сжать в когтях кривых.

Просить пощады перед смертью?
Стать на колени? Что за вздор!
Пусть я погиб! Но вспыхнет сердце,
Как солнце на вершинах гор!
Не избалован я мечтами...
Но если б хоть однажды, вдруг,
Над гробом дети прочитали
Стихи мои на идиш вслух!
И пусть раздастся у надгробья
Живым прощальный мой привет.
Я пел, как мог, тебе, народ мой!
Я был еврейский,
искренний поэт!

(1938-1953)

Í áðááíá Ì íeñáý Ðàò í áðà

^[1] *Ëeáááí ò - á ááí í íí ñéó: áá çàéóí ùeé ñéí òá, çáðí à*

^[2] *Ëáé í áñé í à ááðááó í íðý (áðááí áááðáéíé).*

^[3] *«Ëð áááðáéá» («Áíðíá ðáçí é») - í íýí à X.-Í. Áýeèéá*

РЕЙЗЕЛЭ

İ öæë çæøêr İ ĩãã ò ĩãë Ä ĩãð Ý ĩ ĩãëü

İ ĩãë ä ĩ : äðø Ø è ò ðä ĩ

è ää æ ä ĩ è ðø Ø ä ĩ æ ø Ø ò ä ĩ ä ä ðä ðø

Allegretto

Штэйт зих дорт ин гэ-се-лэ штил фар-трахт а хэй-зе-лэ,

дрин-эн ой-фн бой-дэм-шти-бл войнт майн та-ер Рэй-зе-лэ.

Е-дн о-внт фа-рн хай-зл дрэй их зих а-рум,

х'гиб а файф ун руп ойс: «Рэй-зл, кум, кум, кум!»

DYÉÇÄËY

*Øøjèð çøð ä ĩ ðø è ĩ ä ĩãëü
ø ò è è ò ä ðø ðä ðø ä ĩ yé çæ y,*
ä ð è ĩ y ĩ è ò ĩ ä ĩ é ä y ĩ - ø ð è ä è
ä ĩ é ĩ ò ĩ ä é ĩ ò ä ä ð Dyé çæ y.
Ä ä ĩ ĩ ä ĩ ò ø ä ä ĩ ĩ ä è ç è
ä ð y è ø ç è ø ä ä ĩ ,
ø' ä ä ä ä ø æ ø ø ĩ ðø ĩ é ĩ «Dyé çæ,
è ä ĩ , è ä ĩ , è ä ĩ !»*

*Y ò ĩ ò ç è ø ä ø y ĩ ðø y ð è,
ä ä ðø ĩ è ø ĩ ä è ø y ĩ y é çæ y
ø ĩ ä ä ä è è è ĩ ä ø è ĩ ø è è ĩ ä ä ĩ
ä ç è ĩ é ĩ è , ĩ ð y ä ð Dyé çæ y:
- İ ĩ ø ä ä ä è y ä ä ðø , ĩ ä é ĩ è ä y ä
ä ä ä ä y è ø ç æ ĩ ø ð ä è ,
ä y è ç è ĩ ĩ ø ä ĩ ĩ ð ĩ ĩ è è ä y ð -
y é ĩ ĩ ø ä y è , ä ð ä è !*

*Ä y è ø ĩ è ð ä ø ð y è ä ä y ä
ç è ĩ ä ø ĩ è ä è ĩ è ð ĩ ø ĩ y è y ä
ĩ y ð è ø ĩ è ø ä è ø ð y ĩ è y ø ø ĩ ø è ĩ ä ĩ
è ð y ä ð ĩ ä y ø è ĩ y è y ä*

οίεί ἀδί ὀοί εἶοὸὸὸὸδδῖε,
ὀίῖι ρε εἶά ἀδῖ,
ὀ'ἄά εἶδ σὸεἶ ἂ εἶο εἶ εἶεἶ -
εἶο, εἶο, εἶο !

- Ὀ'ἄε ἀεδ ἄγῶι, Ἀίἄεἶ,
ϕεῖῖο ἀδῖεὸ ἰεσὸ δἄεὸί ἰ ῖδ
«ἠῖῖῖ, ῖδ δἄεὸὸ οἶεἶ!» -
ϕἰῖο ἄε ἰ αἶ ῖ,
ρε εἶ ρὸδῖ, ἠ'ὸαδῖδῖῖο ρε ϕεἶἄῖ
δἄεὸί, ϕἰῖο ρε, εἶ ῖῖο εἶεἶο,
ἠ'ἰἄῖ ἰῖδ ἄεἶεϕ ὀἄδ «ϕε».
Ἄεἶ ἂ ὀῖεῖἰ ἰδῖῖο ἰεὸ εἶεἶο -
ῖεἶῖ ὀἄῖε, ἄδἄε!

- Ὀ'ἄε ὀοί ἄεἶ ὀ ἰῖο δἄεὸί ἰ ῖδ
ἀδῖεὸ ἄά εἶ ἂ σἰἰἰῖ -
ἄεδ ὀεἶἄ ἄῖε εἶ δἄεἶῖ
ἄῖἰ ὀδῖ, ἰ ἄεἶ ὀἰ ὀἰῖ,
ὀ'ἄῖ ϕἄεἶ ἄῖ ἄῖ ἄεἶῖ ἰῖδ, Ἰῖεϕε,
ἄε ἄἄεἶ ἰ αἶ ῖ ὀδῖ,
ἄῖῖ σἰἰῖῖ ἄῖεἶ εἶ εἶεῖε -
εἶο, εἶο, εἶο !

- Ὀ'ἄῖεἶ ῖῖἄεδ ἰ ἄεἶ εἶεἶεἶ εἶδ
οἶ ἄῖδἄδ ἄεδ, Ἀίἄεἶ,
σὸδἄε εἶ ἂ σῖεἶ ὀδἄεἶ-ϕεἶ
ἰ εἶ ἂ ἰ ἰἄ-Ἀίἄεἶ.
Ἀῖ ἄῖῖῖ ἠἄῖο εἶ εἶεῖε,
ϕἰῖ ϕεἶῖο ϕε:
- ἠ'ἠῖ ὀ ἄῖδἄεὸ ἰ ἄεἶ εἶεἶῖ Ἰῖεϕε -
ῖεἶῖ ὀἄῖε, ἄῖε!

- Ὀ'ἄἰ εἶ ὀἄδ ἄἄεἶ ἰ ἄῖῖῖῖ,
ὀ'εἶἄ ἄῖε ἄεδ, Ἰῖεϕεῖῖ!
ὀ'εἶἄ ἄἄεἶ ἰ αἶ ῖἰ, ὀ'εἶἄ ἄἠῖῖῖ,
ὀ'εἶἄ ἄἠῖῖ ἄεὸ ῖῖεϕεῖῖ.
Ὀ' εἶἄ ἄε σὸῖεἶἄεῖῖ ἄῖἰ ῖῖε -
ὀδῖῖῖ ἰεὸ ϕε ἄδῖ,
ἠῖδ ἄἄεἶ ἰ αἶ ῖδῖδ οἶεἶ: «Ἰῖεϕε,
εἶο, εἶο, εἶο !»

Ἀῖε εἶ ἰ εἶ ἂ ὀδῖεἶῖῖῖ
ϕεἶἰἰ εἶἰ ἰ εἶ ἰ εἶῖῖῖ,
ἠῖδ εἶ ἰεὸ ἄε ὀδῖῖῖ ἰεἶοἰ
εἶῖ ἄῖἰἰ ῖῖεῖῖῖ -
ἄεῖῖδ σὸῖεὸ ὀἄδῖδἄδῖ ἄἠῖῖῖ,
ἠῖῖῖ ἄεῖῖδ σὸοἰ,
εἶο ὀοἰ εἶ εἶ ὀἰῖῖ, Ἰῖεϕε,
εἶο, εἶο, εἶο !

ΔἈΕϘἈΕῖ

Стоит себе на той улочке
тихо и задумчиво домик,
в нем на первом этаже
живет дорогая моя Рейзелэ.
Всякий вечер мимо домика
я слоняюсь взад-вперед,
посвищу, позову: «Рейзл,
выходи, выходи, выходи!»

Отворяется окошечко,

оживает старый домик,
и сразу на тихой улочке
слышится сладкий голос Рейзелэ:
– Погоди минуточку, любимый,
я сейчас освобожусь,
пройдись еще пару разиков –
раз, два, три!

Хожу я себе и радуюсь,
напеваю и шелкаю орешки,
слышу, как торопятся
по ступенькам
маленькие ее ноженки,
вот она ступила с последней,
я нежно ее обнимаю,
целую украдкой головку –
приходи, приходи, приходи!
– Я очень прошу тебя, Довидл,
ты больше не свисти.
«Вот он уже засвистел!» –
говорит мама,
она благочестивая –
это ей не нравится,
свистеть, говорит она,
дело не еврейское,
такое подобает разве что «этим».
Дай просто знак на идише –
раз, два, три!

– С сегодняшнего дня, клянусь тебе,
я больше свистеть не буду,
ради тебя, моя скромница,
сделаюсь даже благочестивым,
стану, если хочешь, Рейзл,
благочестивый, как твоя мама,
каждую субботу буду ходить
в синагогу –
приди, приди, приди!
– Я верю тебе, мой миленький,
и свяжу поэтому, Довидл,
красивый мешочек для тфилн,
а на нем могоен-довидл,
если в синагоге понравится,
ты скажи:

*- Yòì nÿçàà ì tÿ èpàèì àÿ Dàéçé -
dàç ààà, òdè!*

*- Nì ànèáí òááà çà ì íààðí:àé,
ÿ òàé èpàèèp òááÿ, Dàéçàéÿ!
B èpàèèp òááèp ì àì ú
ÿ èpàèèp òááèp àéí:éú
ÿ èpàèèp ýòì ò nòàðíé àìì èé.
B èpàèèp èàì óàéé àíçá àìì èéà,
ì í èí ò íðùì ò ù nòóí àáóù
nèùòéóù ì àì à óàé çíáàò: «Dàéçé,
èàé æá èàé, èàé!»*

*Óíæóÿ nàáà è ðàáòp nÿ
íàì àáàp è ùàééàp íðàóéé,
nèùòé èàé ì í nòóí àí ùéàì nì áóàò
ì àéáí ùééà áá ì íæáí ùéé.
Nì íàà çàáóí àéíÿ àìì èé,
óéí:éà nì íàà çàò èóéà,*

*i ðeäe âi mî á êi î íá Ðæçé,
i ðeäe, i ðeäe, i ðeäe!*

** h i ðèçí î ñè òñý èäé á áí æè éñéîî have.*

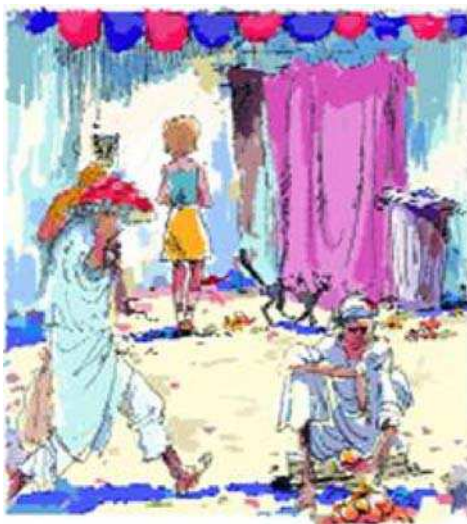
ПОРАЖЕНИЕ

Ī āāēī Āīōāēī āō

Мама запрещала мне даже подходить к концессионным магазинам, потому что там грязь и вонь, а туземцы отхаркивают туберкулезную палочку. Она говорила, что маленьким девочкам там не место.

Но я иногда всё-таки туда отправлялась – часа в четыре, когда все дома у нас в Рудниках замирали, и их заливали потоки солнечных лучей – как волны прибой заливают песочные замки. Я твердо знала: там, в концессионных магазинах, жизнь бьет ключом: там шум, суета, и – да, даже вонь, вот я и брела по пыльной дороге, и от жаркого солнца противно сохло в носу, а узкие белые магазинчики, стоявшие неровными рядами, издали напоминали скопление коробок из-под обуви.

Вскоре давали себя знать признаки той самой жизни, к которой я стремилась, и эта буйная жизнь, беззаботно расточавшая свою энергию, выплескивалась за пределы улочек с магазинами: в вельде поблизости повсюду валялись апельсиновая кожура, клочки бумаги, да и сам он был вытопан начисто многими сотнями ног. Жирный одноногий туземец с сосредоточенным и отрешенным видом делового человека, уверенного в своей незаменимости, сидел на голой земле у тропы, ведшей к Баракам, рядом с ним были выставлены собранные веером посохи, высились оранжевые пирамиды тонкокожих апельсинов. Порой он торговал и маисом – початки были крупные, твердые, не с нежными, перламутровыми зубками молодых зерен, а с желтыми окаменелостями старых, и тут же – жаровня, сделанная из старой канистры. Вдоль дороги, подпирая шербатые столбы, стояли и другие торговцы, зарабатывали свои гроши, торгуя амулетами, травами, браслетами из медной проволоки, вязаными шапочками невысказанной расцветки – они расцветали то шерстяными петуниями, то огненными кометами из-под спиц старух-туземок – и, естественно, апельсинами. Апельсины были повсюду, густая, ленивая толпа, заполонившая мостовые, ела их, глаза на витрины, в них впивались зубами местные сплетницы, сидевшие, укутавшись в одеяла, вдоль сточных канав, кошки из концессионных магазинов обнюхивали сдутые шарики шкур, валявшихся у каждого порога.

То и дело очередной любитель апельсинов, сосредоточенно рассматривающий в запотевшей витрине рубашку, сплевывал белые прожилки куда ни попадя, и мне вечно приходилось сковыривать их то с платья, то с туфель. Из рудников выходили страшные, чумазные люди, ложились в вельде прямо на землю – погреться на солнышке – и впивались зубами в солнечные апельсиновые шары; для них это было насущной потребностью.

А я шла вместе с толпой вдоль череды витрин, и для меня это место было особенно притягательным: здесь воздух был пропитан мускусным ароматом тел, и вдруг резко бил в нос едкий запах пота – когда над моей головой оказывалась голая подмышка. Гомон их голосов – вечный крик, но такой задорный и яростный! – и раскаты хохота, и детское изумление, с каким они разглядывали всё новое: я смутно ощущала в этом волшебство тех книг, что я читала, возвращаясь домой; персидские базары, рынки

Каира... Но всё же я следила, чтобы они не проходили слишком близко от меня – боялась, как бы нечто безмянное не переползло с их пыльных одеял или рваных штанов на чистую меня, и еще мне не нравилось, как они отхаркиваются с надсадным горловым звуком и сплевывают в канаву или, хуже того, оглушительно сморкаются, зажав нос пальцами, а потом стряхивают с пальцев липкую струю.

Не нравился мне и до тошноты густой дух прогорклого жира, рвавшийся из пасти «Хотела ла Банту», где туземцы сидели, напряженно ссутулившись, за оцинкованными столами и поедали дымящиеся бесцветные куски какой-то дряни, и отдаленно не похожей на мясо. При взгляде на развешанные в витрине багровые потроха, на пропитанные кровью опилки у порога меня бросало в дрожь.

Я поражалась тому, как жены лавочников, что сидят на ящиках из-под мыла у дверей своих магазинов по обе стороны столовой, терпят прогорклый дух, который оттуда идет. У меня в голове не укладывалось, как они тут нежатся, словно ящерицы на солнышке; и всякий раз, когда они вдыхали полной грудью эту вонь, меня от отвращения чуть не выворачивало.

Именно там одним нестерпимо жарким днем я встретила миссис Сайетович. Она была женой одного из лавочников, и я много раз видела ее прежде, когда она сидела у занавешенного одеялом входа в магазинчик мужа, из недр которого посверкивали то розовым, то зеленым обитые фольгой деревянные сундуки; на ней был жеваный фартук из альпаги, и ее жирные ступни наплывали на стоптанные туфли. Бывало, она вязала, а бывало, сидела просто так. В тот день рядом с ней вилась маленькая девочка, рисовавшая что-то липким пальцем по стеклу витрины. Когда девочка обернулась, я узнала ее: это была девочка «из нашей школы», собственно говоря, из моего класса, ее звали Мириам Сайетович. Да, именно так ее и звали: имя я запомнила, потому что оно было уродливое, а я всегда жалела девочек с уродливыми именами.

Мириам была маленькая, в ее взъерошенных черных волосах торчал красный бант. Она тоже меня узнала, и мы стояли, уставившись друг на друга; вдруг тонкая вязь имени «Мириам Сайетович», смотревшаяся витым узором чугунных ворот, за которыми видно лишь небо, представилась мне в другом ракурсе, и за холодным изгибом «М» и резко очерченным «А» на воротах я увидела усадьбу: постройки, клумбы, людей, прогуливающихся там, где прежде было лишь небо, а еще за ее именем и ее школьным образом открылся жаркий и напряженно гудящий мир лавочек и магазинов. И я очень по-дружески улыбнулась ей.

Она сообразила, что мы решили признать друг друга, и направилась ко мне – поболтать. Мы стояли с ней у входа в магазин ее отца, и я тоже кончиком горячего липкого пальца написала на стекле свое имя, пририсовала кошек – две большие «О» и хвост сосиской. Маме своей, она, конечно же, меня не представила: дети никогда не знакомят приятелей с матерями; они просто дают понять, кто это, упоминая о присутствующей вскользь, в игре, или обращаются к ней так, что родство становится очевидным. Мириам подошла к матери и скромно сказала:

– Ма, это девочка из нашей школы, мы с ней в одном классе учимся, можно нам газировки?

Женщина, сидевшая широко расставив ноги, так что видны были розовые полосатые панталоны с эластичными манжетами, придерживавшими хлопчатые чулки, подняла голову и сказала, оглядев нас:

– Да берите, берите! Идите, возьмите.

Поскольку я тогда ее не знала, мне показалось, что она сердится – так отрывисто она это выпалила; но вскоре я поняла, что она так рывкала в ответ на всё, о чем бы Мириам ни попросила, потому что торопилась ублажить. Миссис Сайетович бросила на меня взгляд, но толком не разглядела, на самом деле и не могла разглядеть, поскольку была подслеповата: ее блеклые глазки-щелочки, еле заметные на крупном, тяжелом, простом лице, хоть и всегда всё внимательно рассматривали, но мало что видели.

Я же заметила, что она очень уродлива.

Откровенно уродлива – как жаба, как существо, которое не освоилось до конца ни в одной из стихий: словно земля притягивает слишком сильно для такого тяжеловесного создания, да и вода не лучше – слишком уж обволакивает создание такое неуклюжее. Но в ее уродстве не было ничего отталкивающего. Став старше, я часто задумывалась почему: она должна была отвращать от себя, люди должны были ее сторониться, но этого не происходило. Она была уродлива, и только. Короткие руки и ноги, широкая,

тяжелая кость – как у многих потомков тех, кто веками терпел унижения в европейских гетто; груди, живот, бедра – всё было уныло обвисшее; низкорослая, с широкими плечами и округлой спиной. Голова ее сидела прямо на туловище – даже без намека на шею, жидкие мышиного цвета волосы были подстрижены по ушам. В чертах лица не было ничего явно семитского, в ней вообще не было ничего определенного: она была человеком неотличимым.

Мириам вернулась из недр магазина с двумя бутылками газировки. Одновременно с ней появился какой-то шангаанец* с бумажным свертком; он сосредоточенно изучал горсть мелочи у себя в ладони и не смотрел, куда идет. Мириам проскользнула мимо насквозь пропыленного африканца с вздетой на дыбы при помощи красной глины прической, с опасливой неуклюжестью дикаря входящего в лавку. Она ловко свернула об угол витрины крышки с бутылок, одну протянула мне.

– Как это ты ее так быстро раздобыла? – удивилась я.

Она мотнула головой в сторону магазина.

– На кухне взяла, – объяснила она и начала пить.

Так я узнала, что Сайетовичи живут за концессионной лавкой.

В субботу после полудня начиналось самое напряженное время. Миссис Сайетович покидала свой пост на ящике у входа и помогала мужу в магазине. Я ходила к ним как раз по субботам, когда мать с отцом отправлялись играть в гольф, и тишину в доме нарушали только тиканье часов, бесконечное мурлыканье кошки да гульканье голубей из опустевшего сада.

По субботам у каждой двери толпился народ; бесконечные потоки струились по улице; над головой роились мухи, в воздухе еще сильнее чувствовалась жара, из дверей всех лавочек доносился высокий заунывный вой – граммофоны беспрестанно играли народные песни, звук плыл по воздуху и сталкивался с мелодией, раздававшейся по соседству.

Брат матери Мириам был владельцем гостиницы «Хотела ла Банту», у другого дяди был магазин велосипедов через два дома от их лавки. Иногда ее посылали в магазин велосипедов что-нибудь передать, и я шла с ней вместе. Под потолком были развешаны колеса, на видавшем виды деревянном прилавке были разложены инструменты, здесь же были выставлены на продажу парочка швейных машинок, а в витрине красовались велосипедные звонки, насосы и раскрашенные красным и желтым жестяные фигурки для украшения руля. Дядя неизменно предлагал нам выпить газировки, и мы неизменно соглашались. Дома меня в газировке ограничивали, чтобы я «не перебила аппетит», а Мириам пила ее сколько захочется.

Протискиваясь между пыльно-серых тел туземцев – в подземной духоте их кожа мгновенно теряет коричневатый блеск и через несколько месяцев работы на рудниках сникает и тускнеет – Мириам быстро, со всегдашней спокойной уверенностью оглядывалась вокруг. Как будто сидела у муравейника, где муравьи копошатся, ползают, а она не мешает им копошиться и позволяет по себе ползать. И даже рукой не поведет, чтобы их смахнуть. Не визжит с отвращением, не оправдывается – мол, люблю муравьев, и всё тут. Просто сидит, они мельтешатся, а она смотрит на них и словно спрашивает: «Какие муравьи? О каких муравьях вы говорите?» Я, увидев в витрине аптеки сушеных летучих мышей и опутанные паутиной змеиные шкурки, возбужденно захихикала, а Мириам, дернув меня за рукав, сказала:

– Да будет тебе...

Я заахала, рассматривая лиловые и красные рубахи, лежавшие среди дохлых мух в живописной неразберихе витрины Сайетовичей, а Мириам – она рассказывала про то, что у нее в сентябре экзамен по музыке, – только насупилась, недовольная тем, что ее перебивают. Я была на пороге того возраста, когда зарождается духовное смятение, и порой беспокойное, завораживающее, тревожащее любопытство, что стыдливо таилось безголовым червем в глубинах моей души, вползало при виде животной откровенности едва одетых тел мужчин-туземцев в мое сознание; но вспышки вины, мучавшей меня в такие моменты, Мириам были непонятны, хоть мы с ней и были ровесницы.

Заметив мальчишку, который прерывал разговор и отходил на пару ярдов в вельд, чтобы оправиться, я испытывала такое смущение и отвращение, что мне тут же хотелось отойти полюбоваться цветами, а Мириам на это и внимания не обращала.

Прошло довольно много времени, прежде чем она допустила меня в отцовский магазин.

Многие месяцы это был для меня неведомый, темный, припорошенный пылью мир за занавешенным одеялом дверным проемом – она исчезала в нем и появлялась снова, а я ожидала снаружи, вместе с мальчишками, которые всё глазели и глазели в витрины. И вот однажды, собираясь войти, она остановилась и вдруг спросила самым обычным тоном:

– А ты что, не войдешь?

И я, не проронив ни слова, последовала за ней.

В магазине было прохладно; и эта прохлада оказалась для меня полной неожиданностью. С раскаленной солнцем улицы попасть в помещение, где свежо, как в погребе! Свет лишь украдкой пробивался сквозь складки одеял, свисавших с потолка: он украдкой бесшумно разжигал костерки в курчавой шерсти. Одеяла были темные, гордых расцветок – смелых и древних. Они висели мрачными сталактитами, тяжелые и неподвижные, посредством цвета переговариваясь друг с другом. Они укутывали всю лавочку, в том числе мистера Сайетовича, который шаркал по шербатому цементному полу – с недовольным и отрешенным видом человека, делающего все, что в его силах, но... я его видела и раньше. Он маячил в глубинах магазина, как зверь в берлоге, и время от времени я мельком видела его бледное, одутловатое лицо с мясистой верхней губой, под которой мрачно топырилась поджатая нижняя.

Джон Сайетович (на самом деле его имя было вовсе не Джон, а Янка, но когда он много лет назад прибыл в Кейптаун, чиновники иммиграционной службы, которым надоело разбирать на слух и записывать незнакомые имена иммигрантов, валом валивших с корабля, намаявшись с написанием фамилии «Сайетович», не стали утруждать себя еще и странным именем «Янка» и написали в его бумагах «Джон», Джоном он и остался), так вот, Джон Сайетович был человеком кротким, если не сказать кротким до безответности, но когда он продавал товары туземцам, в душе его вскипала странная сила. Африканцы – покупатели донельзя медлительные: для них покупка – это ритуал, мероприятие торжественное и неспешное. Они ведут себя крайне осторожно, во всем чувствуют подвох. А если то, что им нужно, имеется в нескольких вариантах, они теряются, как ребенок перед блюдом со сладостями: то одно повертят в руках, то другое и никак не решаются выбрать. Именно в самый напряженный день, в субботу, им требовалось бесконечно торчать в лавочке, глазеть по сторонам, застывать на месте, качая головами и прочувствованно охая; они выходили, снова прижимались носами к витрине, возвращались. А мистер Сайетович, всегда небритый и без воротничка, вытаскивал одеяло с полки, швырял его на прилавок, затем проделывал то же самое еще с одним одеялом, и еще одним, и вставал, опустив руки, угрюмый и сердитый, перед растерянным смущенным покупателем. Мальчишка смущенно мялся, закатывал глаза, страдая от необходимости принимать решение, по лавке полз липкий запах пота – запах его волнений, он судорожно сжимал в руке свою бесценную гитару.

И всё тянул, тянул.

Тогда мистер Сайетович, потеряв терпение, яростным жестом сметал всё: мол, плевать я хотел, опостылела мне эта тягомотина. А мальчишка наклонился вперед – опять пощупать товар, и всё начиналось заново: новые одеяла, разных расцветок, сдернутые с полок или с потолка – сталактиты, съезжившиеся до куч шерсти на потребу покупателю. Мистер Сайетович швырял их, его уже колотило от ярости, он наседал на мальчишку, чтобы тот принял наконец хоть какое-нибудь решение. Орал на беднягу, совал сверток с одеялом ему в руки, рывком выхватывал деньги и выгалкивал из лавочки взашей.

Мистер Сайетович вел себя с туземцами честно, но грубо. Он заставлял их чувствовать свое невежество, никчемность, подчиненность миру белого человека, миру денег. Он унижал их духовно и с озлоблением изничтожал их уверенность в себе.

Со мной он был застенчив, широко улыбался, и рука его тянулась к запонке, болтавшейся у горловины его полурасстегнутой рубахи, а затем, как бы извиняясь, скользила по щетинистому подбородку. Он всегда называл меня «девчушкой», ему нравилось беседовать со мной так, как по его мнению, положено говорить с детьми, но отвечать ему мне было трудно, потому что по-английски он говорил еле-еле. Поэтому я просто стояла и повторяла «Да, мистер Сайетович», а на всё, что звучало как вопрос, улыбалась и говорила «спасибо», потому что спрашивал он обычно, хочу ли я газировки, а я, разумеется, хотела.

К нам домой Мириам впервые пришла на мой день рождения.

В школе наши отношения оставались такими, какими были раньше; у нее были свои подружки, у меня свои, но за пределами школы возникла странная зона близости, в которой мы, к удивлению обеих, оказались и которая принадлежала лишь нам двоим.

Я внесла имя Мириам в список гостей, она была приглашена, и она пришла. В платье голубой тафты, сшитом миссис Сайетович (на стареньком «Зингере», что стоял на прилавке, догадалась я), довольно милым, если не считать обилия оборочек. Дом у нас был уютный – хорошая мебель, много цветов и всяких симпатичных мелочей, расставленных мамой там и сям, у нас было просторно, и всё сияло чистотой. Мириам этому ничуть не удивилась; я заметила, как она, проходя мимо, потрогала нежно-розовые розы в вазе, но держалась она невозмутимо – как и у себя дома.

В следующую субботу мы обсуждали в магазине Сайетовичей мой день рождения. Мириам рассказывала миссис Сайетович, что мне подарили, а я стояла рядом, смущенно млея от сознания собственной важности.

– Даст Б-г, Мири, – сказала миссис Сайетович, выслушав ее, – мы и твой день рождения в апреле справим... В доме справим, всё будет как положено, как ты любишь. – Они жили в комнатах за лавочкой: траурно-зеленая плюшевая штора на арке между гостиной и спальней, потускневший самовар, черные жучки в кухне, пианино Мириам – черное, скрипучее, с подсвечниками – в проходе, где гуляли сквозняки; дальше – двор в вечных лужах, заваленный пустыми ящиками, с яичной скорлупой и банановыми шкурками под ногами, и отовсюду – запах жареной рыбы. Они собирались переехать в домик в соседнем городке.

Но когда настал апрель, Мириам отпраздновала день рождения, пригласив десять подружек в кино.

– А потом в «Кафе Костас», мороженого поесть, – заявила она матери, глядя поверх ее головы.

Думаю, миссис Сайетович этот план огорчил, но она, как всегда, объяснила себе, что, раз ее дочка ходит в школу, получает образование, хорошо говорит по-английски, а сама она мало что понимает, да и образования никакого не получила, дочка лучше понимает, что правильно и что положено.

Теперь я понимаю то, чего, разумеется, не понимала тогда: мы с Мириам Сайетович были умненькими девочками, из тех, в чьем мозгу никогда не сверкнет причудливый проблеск гениальности. Мозги наши были словно из алебаstra – четкие, точные, легковесные; не было в них таинственных гранитовых прожилок, под изломами которых таятся залежи одаренности – как пласты золота, проходящие меж двух слоев породы. Из нас получились бы хорошие учительницы, секретарши, распорядительницы: мы всё делали правильно – без провалов, но и без взлетов. Сайетовичам же ум Мириам виделся ослепительно ярким солнечным лучом, согревающим их собственное убожество.

Шли годы учебы, и ряды наших одноклассниц постепенно редели; так дружно всходит молодая поросль, а затем, следуя неведомым законам естественного отбора, один-два ростка растут и тянутся вверх, а остальные так и остаются мелкой сорной травой. Некоторые девочки ушли из школы – учиться стенографии и машинописи: нужно было зарабатывать на хлеб, вот их и выпололи. Другие переехали или сменили школу: их пересадили на новые грядки. Мы с Мириам остались на месте, росли и крепились...

В тот год, когда мы кончали школу, мы обе почувствовали, что надвигается удивительное время перемен; в нас поселилось волнение – ведь завершение одного этапа было началом нового. Это общее переживание сблизило нас еще больше. Мириам приходила ко мне, и мы занимались в саду, а я чаще обычного заглядывала в концессионный магазин – взять книжку или обсудить работу. Хотя у Сайетовичей и появился собственный дом, жили они, вообще-то, по-прежнему в магазине. Когда мы с Мириам обсуждали школьные задания, Сайетовичи ходили на цыпочках и переговаривались исключительно хриплым, уважительным шепотом.

Именно в тот год, когда поразившая нас самих наша тяга к учению рвалась наружу и пожирала нас, как огонь пожирает вельд, мы впервые заговорили об университете. И ни о чем другом уже говорить не могли. Я обсудила это с отцом, он согласился с моими планами, хотя мама и считала, что девушка может распорядиться временем с большей пользой. Но раз отец согласился послать меня в университет, я решила поступать. «Вот так да!» – сказала Мириам. Ей очень нравился мой отец, и я об этом знала. Собственно, она и сама как-то раз призналась – такого обычно не говорят, а она сказала, причем с чувством и в самый неожиданный момент, когда мы ехали на автобусе в город покупать ей новое зимнее пальто, о котором она давно мечтала и на которое наконец отец дал ей деньги, – так вот, она сказала: «Знаешь, у тебя отец что надо. Ну, понимаешь, если бы можно было выбирать себе отца, лучше твоего и не придумать».

Когда она заговорила об университете со своими родителями, они тоже согласились. Не просто согласились – они хотели этого едва ли не больше, чем она сама. Но их очень беспокоила денежная сторона дела; каждый раз, придя в магазин, я заставляла их за обсуждением разных вариантов; Сайетович медленно жевал бутерброд с чесночной колбасой и всё волновался. Мириам нисколько не волновалась; деньги они найдут, говорила она. Она выросла в высокую девушку с красивой грудью, крупным темноглазым и темнوبرовым лицом, по-своему привлекательным, хотя рот у нее был такой же скорбный, как у отца, а темный пушок над верхней губой предвещал, что с возрастом она располнеет. Ее родители были по сути своей крестьяне; а она смотрелась молодой энергичной еврейкой. Рядом с ней я со своей тусклой шотландской рыжиной казалась почти бесцветной: я была карандашным наброском, а она – картиной, писаной маслом.

Мы обе окончили школу; на наш взгляд – не так хорошо, как хотелось бы, но всё-таки окончили и поступали в университет. Там у нас дела шли совсем неплохо. Мы обе выбрали одну специальность – педагогику. Решили, что это самое подходящее. Никаких определенных наклонностей у нас не было.

Сайетовичам наверняка было трудно содержать Мириам в университете, одевать ее, оплачивать ее жилье и питание в Йоханнесбурге. Когда покупаешь у государства концессию на торговлю местными товарами, на этом можно сделать хорошие деньги, для этого не требуется ни образования, ни коммерческой хватки – собственно говоря, торговля такого рода процветает, если наличествует нечто совсем иное, а именно природная крестьянская хитрость, которой обладают люди малообразованные, накопившие денег по грошу. Другие хозяева таких магазинчиков, этой хитростью наделенные, покупали дома и автомобили и украшали натруженные руки своих жен бриллиантовыми кольцами, чем обозначали заслуженное право на праздность. А вот мистер Сайетович был крестьянином бесхитростным, в его простоте не было того изъяна, благодаря которому на него бы сыпались в изобилии чеки и передаточные акты, а он бы их только подписывал, пусть и не разбирая толком, что в них написано... Крестьянину без хитрости остается одно – тяжелая, грязная работа да преследующая целыми днями сладковатая вонь пота чернокожих. Сайетович денег не сделал, только трудился днями напролет, стоял в вечно влажной рубашке, слушал галдеж из соседних лавок да вдыхал зловонные запахи из столовой.

А Мириам тем временем превратилась в настоящую даму. Детская угловатость, усугубленная грубостью жизни с ее резкими контрастами, ушла, на смену ей появилась манера чуть устало и чуть нетерпеливо пожимать плечами. Прежде громогласная и оживленная, теперь Мириам разговаривала вполголоса. Она наблюдала, приспособливалась и вскоре переняла стиль людей либерально настроенных, у которых в мозгу всегда приоткрыта дверца, и любая идея может гулять туда-сюда, не оставляя глубокого впечатления: Мириам научилась восхищаться Бахом и Стравинским или же просиживать вечера в чьей-нибудь темной квартирке, слушая свинг.

Такие понятия, как национальность или вероисповедание, для нас с Мириам мало что значили, но в университете она инстинктивно тянулась к молодым евреям, которые, обладая свойственной их народу уникальной способностью к творческой и научной работе, с легкостью и энтузиазмом учились на медицинском факультете. Она им нравилась, они приглашали ее к себе – сыграть в теннис, поплавать в воскресенье в бассейне или потанцевать, а ее, казалось, нисколько не впечатляли их дома стоимостью в десять тысяч фунтов, как когда-то давно, когда ее семья жила в комнатах позади концессионного магазина, не впечатлил наш чистый уютный домик.

Обычно часть каникул она проводила с друзьями в Йоханнесбурге; я скучала по ней и бродила по Рудникам в одиночестве; с девочками, которых засосала трясина маленького городка, я теперь не общалась. Как-то во второй половине июля – первые две недели она оставалась в Йоханнесбурге – Мириам спросила, можно ли ей провести воскресенье у нас дома, и днем к нашему дому подъехал на малолитражке один из студентов-медиков; очевидно, Мириам предупредила его, что будет у нас. Я догадалась, что ее родители не знали о визите молодого человека, и при них об этом не упоминала.

Прошли четыре года учебы. Мириам Сайетович и я упали, как два листка, в один и тот же поток, и нас вместе понесло течением: на пути потока встречались поваленные деревья, заросли камышей, подводные ключи, и он разделился на два рукава. Оба листа, нигде не застряв, поплыли каждый в свою сторону. Мириам получила место учительницы в Йоханнесбурге, а меня отправили в маленькую школу в Северном Трансваале. В первые полгода нашей взрослой жизни мы встречались редко: на каникулы Мириам поехала в Кейптаун, а я на первые доходы, которые принесла моя независимость, полетела в Родезию. Затем началась война, и я, радуясь тому, что можно бросить профессию, некогда вызывавшую у меня такой энтузиазм, пошла в медсестры, и началась долгая и странная интерлюдия длиной в четыре года. В полевом госпитале в Италии я узнала, что Мириам вышла замуж за доктора то ли такого, то ли сякого – имени мой информант точно не запомнил. Я догадалась, что это был один из юношей, с которыми она познакомилась в университете. Я послала на адрес Сайетовичей телеграмму с поздравлениями.

В один прекрасный день я вернулась в маленький шахтерский городок и обнаружила, что там ничего не изменилось – он был всё таким же, как годы назад. Мои мама и папа, огромный ворот подъемника на руднике, деревья, раскинувшие крылья над домиками Рудников, наш дом с квадратной зеленой лужайкой, кошка, следящая за голубями. Поначалу я всё время спотыкалась о прежнюю жизнь, словно бродила во сне, до боли напоминающем явь.

В атмосфере дней было нечто, от чего по телу пробегали мурашки узнавания... Но что?.. И однажды, лежа на лужайке под раскаленным небом, я поняла: именно таким летним полднем меня влекло к концессионным магазинам, куда я брела, укутанная жарой. Я тут же вспомнила Сайетовичей, и мне захотелось навестить их, узнать, там ли они, как поживает Мириам, где она теперь.

Там, в магазинчиках, всё было как всегда, только они стали меньше, грязнее – обветшали, облупились; как часто бывает, реальность не соответствовала образу, сохранившемуся в памяти. Едва я ступила на старую шербающую мостовую с тощими кошками, апельсиновой кожурой и следами плевков, как сердце мое сжалось при мысли о Сайетовичах. Я с трепетом ждала, когда покажется их магазин. А когда увидела его, трепет улетучился – это было свидетельство того, насколько однообразен и скучен мир. В дверном проеме покачивались одеяла. По рубашкам и ботинкам, выставленным в витрине, ползали мухи, из столовой доносился горячий, душный, тошнотворный запах горелого жира. Он по-прежнему вызывал у меня отвращение – словно я нюхнула содержимое чужого желудка. А в магазине, где злобно поблескивали жестяные контейнеры, под таинственное шуршание одеял мрачно сидели старики Сайетовичи и терпеливо ждали... Так ждут звери в клетки – незнамо чего.

Они обрадовались мне, но я заметила, что они состарились, погрустнели; их словно отяготило собственное смирение, пропала вершина, к которой влекло их взгляд. На что бы они теперь ни смотрели, всё было плоским.

У мистера Сайетовича складки вокруг рта сбежали к изрытому морщинами подбородку. Когда он заговорил со мной, я заметила, что он не расцепил рук, они как лежали, так и остались лежать на прилавке. Миссис Сайетович тут же прошаркала в заднюю комнату – принесла мне чай, расплескав его по дороге на блюдце. Она стала еще уродливее, так сторбилась, что загривок едва не касался затылка, старые отекавшие ноги в кольце бинтов – варикоз вен. Что она и видеть стала хуже, я заметила по ищущему взгляду и неуверенной улыбке, свойственным слепым или глухим.

Разговор почти сразу пошел о Мириам, и, отвечая на мои вопросы, старики всё больше сникали. Да, она замужем, вышла за врача – в глазах старика мелькнул проблеск гордости. Живет в Йоханнесбурге. Дела у мужа идут хорошо. Мне показали фотографию дома в одном из дорогих пригородов: дом был большой, белый, современный, с клумбами и прудом с рыбками. Был и снимок сыночка Мири на качелях, и фотография из ателье – он вместе с матерью.

Вид у Мириам Сайетович был уверенный: безукоризненный макияж, черные волосы уложены дорогим парикмахером; величаво улыбаясь, она склонилась над сыном. Одна холеная рука, с массивными бриллиантовыми кольцами в строгой оправе, покоилась на плече ребенка. Округлая грудь гордо выпячена: чуточку тяжеловатая, чуточку перезрелая – от такой-то жизни.

По ее лицу я поняла, что она много чего успела забыть.

Когда его жена снова ушла налить мне еще чаю, старый Сайетович молча уставился на собственную руку, лежавшую на прилавке, и под его взглядом пальцы судорожно вздрогнули.

– Никогда не выходит так, как задумаешь, – сказал он. – Не выходит, и всё тут.

Он взглянул на меня и умиротворенно улыбнулся.

А потом рассказал мне, что сына Мириам они видели всего три раза. Мириам почти не видели, а ее мужа не видели никогда. Раза два в год она приезжает из Йоханнесбурга их навестить, посидит часок в воскресенье и уезжает обратно. К себе она родителей не приглашает, они там побывали только раз – когда родился внук.

Миссис Сайетович вернулась: она, похоже, догадалась, о чем мы говорили. Села на огненно-красный жестяной сундук, сложила руки на груди.

– Да-да... – выдохнула она. – Да-да...

Я стояла перед Сайетовичами, вина Мириам словно ложилась на меня, а они молчали – таков укор смиренных.

Меж тем в магазинчик забрел свази в накинутом на плечи одеяле табачного цвета, и мистер Сайетович встал – поражение гнуло его к земле.

Сквозь столб пыли, взвившийся в затхлом магазинчике, сквозь струи страха, исходившие от африканца, сквозь жаркий танец пестрых одеял, сквозь шепот миссис Сайетович – она с пугающей покорностью что-то бормотала мне в ухо, пробился его голос и ужалил меня змеей в самое сердце: голос злой, бьющий наотмашь, мрачный и решительный, хлещущий слабостью слабого.

Мистер Сайетович и туземец.

Пораженный, и своего поражения не осознающий.

Ἰδοὺ αἱ ἀεὲς αἱ Ἀσὶ Ἰδιόειαι

* *Ἰδιὸν ἴδου αἱ αἱ ἰαεὶ αἰὶ ἰὰ αἰὶ ἰαὶ εἰ πᾶν Ἀόδεε.*

ЧЕСЛАВАС

Ádeã deé Éaí íæ:

Как только в окрестностях Юодгирай утихла бомбежка и небеса над хутором Ломсаргиса, изнасилованные немецкими «мессершмитами», от края до края затянуло теплым войлоком летних, грозовых облаков, воспрявший духом Чеслаvas, не уповая на милость Г-спода, управляющего всеми засухами и всеми ливнями, запряг в новую, незадолго до войны купленную телегу свою любимую вороную лошадь и с чувством победителя, вновь обретшего право на землю, отнятую Советами Б-г весть за какие грехи, отправился на свой луг, чтобы загодя свезти под надежную крышу сеновала драгоценное, уже подсохшее на щедром июньском солнцепеке добро. С той далекой поры, когда отец-батрак впервые взял его, мальчика, на косовицу, Чеслаvasу навсегда врезалось в память это удивительное, пьянящее благовоние, исходившее от сохнувшего сена и чем-то напоминавшее густой и устойчивый запах крепкой домашней наливки, настоянной на смеси из семи луговых трав и семи цветов. Ему уже тогда доставляло удовольствие следить за хитроумными передвижениями жучков, изгнанных с обжитых мест и лишившихся из-за косьбы своих сокровенных стежек, тайных ущельиц и укрытий; нравилось часами наблюдать за бесконечными цирковыми прыжками отважных кузнечиков и слушать усыпляющее жужжанье пчел, собиравших до позднего вечера с каждого лютика и с каждой ромашки свою сладостную дань.

То же самое наслаждение испытывал он и после, когда каждое лето батрачил на крепких хозяев и когда решился взять в жены перезрелую Пране, которая была старше его на пять лет, и получил от ее богатых родителей в приданое десять с лишним гектаров заболоченного счастья.

Еще до того, как немцы напали на русских, Чеслаvas, выпрягал, бывало, свою любимицу, отпускал ее на волю, а сам, расстегнув на штанах толстый сыромятный ремень с медной пряжкой и распластав, как крылья, тяжелые батрацкие руки, укладывался на поверженное сено и под ржание лошадей, под пересвисты птиц и под колыбельные рулады пчел засыпал со счастливой, детской улыбочкой на запекшихся губах. Тут ему, сделавшему плодородной свою землю и холившему ее, словно подкидыша, снились лучшие сны в жизни. В его полевых, как он их ласково называл, безмятежных и скоротечных снах кроме него самого людей никогда не было – не было ни стареющей быстрее, чем он, Пране, ни ее племянника Тадаса Тарайлы, время от времени гостившего в их усадьбе исключительно из-за славившегося на всю Литву меда Ломсаргиса, ни тихони Элишевы, посланной ему Самим еврейским Б-гом в безвозмездную помощь; он и сам в них частенько отсутствовал, зато в этих странных и завораживающих сновидениях он никогда не чувствовал себя, как с людьми – отверженным и одиноким: гордые и печальные лошади, ничего не требуя взамен, понимали его и утешали; вспугнутые красавицы куропатки, взлетая из гнезд, дружески махали ему крыльями с вышины; нездешние дивные цветы нашептывали то, чего он за всю свою жизнь не удостоился услышать ни от ксендза-настоятеля, ни от женщины; шнырявшие нищенки-мыши, то и дело торкавшиеся в его бока, жаловались на свою горькую долю и напоминали ему о его невеселом батрацком прошлом. Ломсаргису было с ними хорошо и покойно, он как бы и сам был из их породы, такая же Г-сподня тварь, только, может, не лучше их и не хуже. Он мог с ними обо всем договориться без слов – жестом или взглядом, вздохом или стоном. Может, поэтому Чеслаvas всегда гневался на тех, кто его будил и разлучал с ними. Чаще всего за побудки доставалось его жене – Пране, которая всегда пополудни, посередине какого-нибудь захватывающего и неповторимого сна, приносила на луг крынку топленого молока и сваренные вкрутую яйца или завернутый в холстину нарезанный

аккуратными ломтиками пахучий ржаной хлеб с такими же аккуратно нарезанными кружками домашней колбасы и громко окликала его.

Ломсаргис просыпался, тарашил на нее свои лошадиные, коричневые глаза и спросонья принимался честить свою благоверную почем зря.

– Что же это тебе такое завлекательное снится, что тебя будить нельзя? – упрекала его обиженная Пране. – Небось, греховодничаешь во сне.

– Греховодничаю, греховодничаю, Прануте. Любовниц-то у меня не счесть. Пчелы и куропатки, кузнечики и кобылицы, – отшучивался Чеславас. – Они меня любят, и я им плачу той же монетой.

Пране не верила ни одному его слову, считала, что за всеми своими шутками-прибаутками он пытается скрыть от нее правду: мужчина в самом соку, а ему, видите ли, какая-то чепуха снится. Брехня, и только! Она ревновала его ко всему – к пчелам и к птицам, к лошадям и к разведенным в пруду лупоглазым карпам – их-то всех он и взаправду любит, ради них, а не ради нее живет на белом свете, и, может, только одному Всевышнему известно, кто для него дороже: человек или скотина, лошадь или законная жена, на которую он как оглашенный орет, вместо того чтобы поклониться ей в ноги за всё, что он, голодранец, имеет. В душе она без всякого снисхождения распекала и кляла Чеславаса, но на деле прощала ему и необузданную грубость и всплески жгучего гнева, объясняя их тем, что так и не родила ему ни дочери, ни сына. Будь у них дети, он не убежал бы от нее на луг к лошадям и куропаткам, и снов про пчелок и цветочки не видел бы, лежал бы себе в избе под байковым одеялом на дубовой, сработанной деревенским столяром кровати и храпел бы, как паровоз. Всему виной эта проклятая бездетность. Чего только Пране ни делала, чтобы забеременеть, – и кучу денег на докторов тратила; и к знаменитой знахарке в Шяуляй ездила; и, упав в костеле перед алтарем на колени, неистово, до изнеможения молилась перед образом святой Богородицы Марии; и какие-то чудодейственные, помогающие зачатию отвары тайком от мужа пила. Но ее лоно по-прежнему не плодоносило, как выжженный солнцем и заросший репейником пустырь за хутором, а годы шли и шли, и надежда на то, что она подарит Чеславасу наследника, которому можно и должно передать всё нажитое – усадьбу, землю, конюшню, коровники, ригу, – чахла вместе с ней.

Когда Пране хворала, снесь на луг приносила Элишева, которая его не будила, садилась в сторонке и спокойно, созерцая окрестные красоты, ждала, пока Чеславас проснется.

Ломсаргис мог и сегодня, после недавней бомбежки, без опаски прикорнуть на лугу, но делать этого не стал не потому, что медленно и неотвратимо надвигалась гроза, а потому что голова была вся исколота этими колочками-мыслями, которые не выдерешь и не растопчешь. Он думал не о переменчивости погоды, даже не о благословенном сене, а о тех, кто тревожил его больше всего – о хворой Пране, оставленной на попечение престарелых родственников в Занеманье, и об Элишеве, для которой наступившие перемены могли обернуться неминуемой гибелью. Еще до войны скрывавшийся от Советов Тадас Тарайла дал ему прочесть напечатанную в соседней Германии листовку со страстным обращением к братьям – честным и любящим родину литовцам, которые, когда Литву освободят немцы, должны «каленным железом выжечь всё большевистское и жидовское отродье и раз и навсегда избавить страну от этой нечисти». С первого дня, когда в равнодушном к земным переменам литовском небе появились немецкие бомбовозы, Чеславас каждый Б-жий день с пристрастием и боязнь спрашивал себя, куда девать поселившуюся на хуторе еврейку? Нарвется на кого-нибудь из этих ретивых «чистильщиков Литвы», и они в два счета прикончат ее. Пране же литовка, ее не за что преследовать, понежится у дяди на старой, еще царских времен, софе, отряхнет с себя все страхи, поправит пошатнувшееся здоровье, а через недельку он за ней приедет и заберет к себе в Юодгирай, а вот что делать с трэфной Элишевой? Он, Ломсаргис, рядовой литовец, любящий свою родину, никак не может взять в толк, кому и ради чего понадобилось в Литве выжечь каленым железом всех евреев – ведь все поголовно никогда не бывают виноваты или правы. Разве оттого, что кого-то выжгут, испепелят, Литва станет сильнее и богаче? Что к ее чести и славе прибавится, если какой-нибудь мерзавец ни за что ни про что зарежет Элишеву или разрядит в нее обойму? Разве смерть ни в чем не повинной еврейки осчастливит хоть одного литовца? И как связать то, что написано в этой кочующей из рук в руки Тарайловой листовке, с тем, что написано в требнике, или с тем, что он, богобоязненный Чеславас Ломсаргис, каждое воскресенье слышит в костеле от ксендза-настоятеля Повилайтиса. Господь, кажется, никому не заповедал изводить целые племена. Недаром Он заповедал рабам Своим: «Не убий». Но мало ли чего Он им наговорил сгоряча. Рабы на то и рабы, чтобы Его, Недосягаемого, не слушать и делать так, как велит какой-нибудь объявившийся под боком головорез.

Мысль Чеславаса петляла, как застигнутый гончими зверек, пока он не ухватился за единственную возможность хоть как-то оградить свою батрачку и, может быть, самого себя от

подстерегающего их несчастья – попытаться переманить ее из племени преследуемых в племя, преследованию уже не подлежащих. Он и раньше, на тот случай, если Гитлер одержит верх над Сталиным, об этом всерьез подумывал, но не верил, что удастся привести Элишеву в свой стан. Ведь раньше перед ней, как маяк перед терпящим бедствие кораблем маячили оливковые рощи Палестины и холмы Иерусалима, и склонять ее на свою сторону не имело никакого смысла. Но то было до войны, до беспорядочного отступления Красной Армии и до этих духоподъемных, попахивающих скорым кровопролитием листовок, заблаговременно отпечатанных в берлинских или тильзитских типографиях.

Можно было, конечно, всё решить без всяких головоломок – не мешкая, спровадить Элишеву в Мишкине, к отцу Гедалье Банквечеру и сестре Рейзл: пусть-де заботятся о ней родичи и ее ухажер – могильщик Яков. Но что-то удерживало Ломсаргиса от этого шага, сковывало его действия, подтачивало его решимость. Он и сам не мог объяснить, что двигало его чувствами, которые наслаивались одно на другое, враждовали друг с другом в его смятенной душе. Они нет-нет да нашептывали ему: пока не выгоняй Элишеву, не отправляй ее к родителю и сестре, таким же беззащитным, как и она, оставь на хуторе, спрячь от злых глаз. Что это было – корысть, привязанность, а может, тайное и греховное влечение? Ломсаргис и в самом деле уже не представлял себе свою жизнь на хуторе без нее – выйдет поутру на подворье, оглянется вокруг, а Элишевы-Эленуте и след простыл, не слышно ее голоса, рыжие волосы не пламенеют на ветру, в загорелых, поросших нежным пушком руках не позванивают пустые ведра.

О том, как уберечь Элишеву от «выжигателей» и «чистильщиков», Чеславас думал беспрестанно.

Думал он о ней и на скошенном пахнущем дурманящими пряностями лугу, бережно поддевая вилами сено и укладывая его, как живое существо, в телегу. Облака опускались всё ниже и ниже, где-то за лугом, на горизонте они уже сливались с купами деревьев, с их величавыми кронами. Лошадь то и дело поднимала вверх голову и тревожно оглядывала потучневшее от влаги небо, которое вот-вот должно было разрешиться от бремени и пролиться первым ливнем на израненную бомбами землю. Не дожидаясь Элишевы с полдником, Ломсаргис забрался на облучок и ласково, почти по-родственному попросил свою ворону, у которой даже имя было христианское, женское – Стасе, Стасите, Станислава, – чтобы та тронулась в путь. По его тону Стасите понимала, как и куда ей двигаться, трусцой или рысью, на хутор или в Мишкине; она быстро улавливала его настроение, без труда определяла, когда он трезвый, а когда под хмельком; порой, незваная, подходила к нему, приунывшему или издерганному, и, как баба, тыкалась мордой в хозяйскую грудь. Он жалел ее и запрягал только по престольным праздникам, когда отправлялся на молебен в местечко или когда наступала сенокосная пора и жатва.

– Что ты к ней так привязался? – как-то поинтересовалась Пране, никогда не одобрявшая его любви к кому-нибудь кроме себя и страдавшая не только от почечной болезни, но и от избытка никчемных вопросов в крови.

– Я учусь у нее.

– Чему же, если не секрет, учишься? По-моему, это она у тебя должна учиться.

– Учусь у нее быть человеком. От кого, по-твоему, вся скверна на земле пошла? От лошадей и от коров, от овец и от пернатых? От нас, от разумных двуногих тварей. Лошадь против лошади никогда войной не пойдет, если ее к тому возница не принудит; заяц от зависти не ославит овцу за то, что у него нет такой пышной шубы и что в отличие от нее его, беднягу, греет не каракуль, а ноги; воробей во всех смертных грехах не обвинит соловья только за то, что тот поет, а он – чирикает... А люди? Люди, Прануте,

друг другу за клочок пахотной земли глотку перегрызут, ни за что ни про что на ближнего хулу возведут и донесут куда следует, чтобы только себя выгородить.

Пране не возражала, слушала и гадала, где и у кого он набрался таких премудростей, от которых у нее всякий раз начиналась неприличная зевота.

Когда до усадьбы было рукой подать и за придорожными деревьями уже можно было разглядеть как будто тушью нарисованный конек на крыше, с ближнего облака на гриву Стасите упали первые ядреные капли.

– Скорей, Стасите! Скорей! – взмолился Ломсаргис.

Лошадь понятливо заржала и перешла с ленивой трусцы на рысь, и вскоре взгляд Ломсаргиса выхватил в заштрихованном каплями просторе свою избу-пятистенку и босую Элишеву, которая сломя голову бросилась с крылечка к сеновалу, чтобы настезь распахнуть перед Стасите и Чеславасом двери.

Гроза словно дожидалась, когда телега вкатит на сеновал, и, дождавшись, ударила по хутору наотмашь.

– Успели, слава Б-гу, успели, – ликовав Чеславас. – Спасибо, Стасите, спасибо, Эленуте!

Лошадь замахала головой, а непривычно молчаливая и печальная Элишева принялась помогать ему выгружать телегу, доверху набитую сеном.

– Что, это ты, милая, вдруг нос повесила? – уже в избе за накрытым столом спросил Ломсаргис, озадаченный ее видом. – Тебя словно подменили, – продолжал он, не притрагиваясь к еде. – Что-то стряслось, пока меня не было?

– Ничего.

– Так-таки ничего?

Она не ответила, сидела напротив Ломсаргиса, понутив голову и стыдясь своего вранья.

– И всё-таки? – Чеславас глядел на нее в упор и ждал прямого и честного ответа.

– Я решила отсюда уйти.

– Куда?

– К отцу, к сестре. Б-г меня не простит, если я тут останусь. Не простит, если я в эти дни не буду с ними, – повторила она, обращаясь одновременно и к Ломсаргису, и к Всевышнему.

За окном куролесила июньская гроза. Молнии огненными плетью хлестали крышу избы, раскаты грома сотрясали ее стены, ливень поработил весь яблоневый сад и безнаказанно бесчинствовал в ветвях старых вязов, украшавших усадьбу.

– А ты, Эленуте, уверена, что у них там всё в порядке? – процедил Ломсаргис. – Может, сначала стоит мне туда подъехать и как следует всё разузнать, осмотреться. Из нашей глухомани, если что-то и видно, так это только пуща да соседнее болото с куликами. Сама знаешь, какие для вашего брата наступили времена. Не очень-то разгуляешься. А мне как раз нужно к ксендзу-настоятелю заскочить – есть одно важное дельце, которое я не хотел бы откладывать... Ты можешь на меня сердиться, не сердиться, но я тебя одну в Мишкине ни за что не пущу. И не пытайся обвести меня вокруг пальца. Не послушаешься – привяжу, как строптивую телицу, веревкой к частоколу.

Он улыбнулся, но улыбка у него получилась вымученной и кривой, хмурое лицо исказила уродливая гримаса, а голубые, настороженные глаза недобро сверкнули из-под рыжих, мохнатых бровей, сходящихся на переносице.

– Когда приеду, всё расскажу тебе без утайки – и про отца, и про сестренку, и даже про твоего ухажера Яакова, – сказал Чеславас и принялся шумно хлебать остывший свекольник.

– Может, подогреть?

– Не надо. И так сойдет.

Он опорожнил миску, с аппетитом навернул свое любимое блюдо – свиные ножки и, грузно встав из-за стола, неожиданно промолвил:

– Ты, Эленуте, креститься умеешь?

– Нет, – испуганно выдохнула она.

– Сейчас я тебе покажу, как это делается, – прогудел Чеславас и несколько раз неторопливо перекрестился. – Теперь ты попробуй. Смелей, смелей!

Элишева заморгала, зашмыгала носом, на глаза у нее вдруг навернулись слезы.

– Не робей! Попробуй! От этого еще никто не помер, – подбадривал ее Ломсаргис. – Показываю еще раз. Всё очень просто: складываешь на правой руке в щепотку три пальца – большой, указательный и средний и начинаешь со лба, потом переходишь на пупок, потом на левое плечо, потом – на правое...

– Нет, нет... Не хочу, не могу...

И Элишева расплакалась.

– Ну чего ты? Чего? Тебя же не четвертовать собираются. Если хочешь в эти сумасшедшие времена выжить, выкинь из головы все эти «не могу». Я понимаю, это не твоя вера, может, ты вообще ни в какого бога не веришь, но у тебя на сегодняшний день другого выхода нет. Ведь человек верит, пока он жив, а не наоборот – жив, пока верит. Как ни крути, жизнь, как бы это сказать, важнее веры, нашей ли, вашей ли. Хорошо еще, что ты на еврейку не похожа – нос не с горбиночкой, а картошечкой, волосы не дегтем крашены, а в рыжину да говоришь ты по-нашему бойчее, чем мы сами. Если завтра не будет лить, я отправлюсь в Мишкине и зайду к твоим на Рыбацкую...

Элишева с ужасом слушала Ломсаргиса, не перечила, хотя ее и раздражали и его благонамеренность, и поучения. Что за жизнь без веры? Веру, как и кожу, не меняют.

Назавтра, к радости Ломсаргиса, небеса успокоились; солнце обрело свою прежнюю мощь, и свет его понемногу возвращал всё на круги своя – в саду распрянулись униженные грозой яблони, очухались от глубокого обморока старые вязы, почистили перья взъерошенные птицы, попрятавшиеся было от громов и молний в свои уютные гнезда.

Взбодрился и Чеславас, который стал собираться в дорогу. Он надел выглаженную пиджачную пару, сшитую искусным Гедалье Банквечером, обулся в начищенные до блеска хромовые сапоги, покрутился перед зеркалом, причесал непокорную чуприну и, довольный собой, кликнул хлопотавшую в сенях Элишеву, которая на все его приготовления смотрела с каким-то трудно объяснимым предубеждением, ибо никак не могла уразуметь, почему он с такой поспешностью отправляется в Мишкине, а не в Занеманье, к больной Пране, о которой он за эти дни ни разу не вспомнил, словно ее и на свете не существовало.

– Вечером буду обратно, – заверил он Элишеву. – А ты не зевай, смотри в оба. По округе всякие типы и типчики шатаются.

– Хорошо, – кивнула Элишева.

– Чтобы с тобой ничего не случилось, я решил перед поездкой приставить к тебе охранника.

– Охранника?

Чеславас полез во внутренний карман почти неношеного выходного пиджака и своей тяжелой, как железное било, рукой извлек оттуда серебряный нательный крестик с цепочкой.

– Носи его, пожалуйста, и ни в коем случае не снимай. Даже спи с ним. Я его когда-то, лет двадцать тому назад, в священном месте – в Калварии – моей Прануте купил. Он из чистого серебра. Ей он, к сожалению, счастья не принес. Может, тебе принесет.

Ломсаргис подошел к ошеломленной Элишеве и медленно обвил ее шею скользкой, как змейка, цепочкой.

– А теперь подойди к зеркалу и посмотри на себя. По-моему, этот крестик тебе к лицу. Ей-богу, к лицу! Теперь ты уж точно вылитая литовочка!

Но Элишева не шелохнулась. Казалось, она вросла в половицы – если попытается сделать хоть маленький шагок к старому, с облупившейся амальгамой зеркалу в массивной дубовой раме, оторвать от досок ноги, то лишится их и навсегда останется калекой.

Ломсаргис мягко, ненавязчиво старался убедить ее в том, что он преследует одну благую цель – оградить ее и себя от большой беды, но его доводы, видно, не столько утешили, сколько еще больше растравили ее душу...

– Когда всё изменится, и мы, бог даст, заживем без немцев и без русских, – не унимался он, – ты сможешь снова стать такой, какой была прежде, и, может, даже исполнишь свою мечту – распрощаешься с Литвой. А пока... Пока хочешь не хочешь придется забыть не только про Палестину, но и про свое имя и фамилию. Заруби себе на носу: с сегодняшнего дня ты больше не Элишева Банквечер, а потерявшая в поезде все свои документы Эленуте Рамашаускайте из Дарбенай, моя племянница, дочь моего сводного брата Доминикаса Рамашаускаса, сосланного в июне прошлого года в Сибирь. Кто бы на хутор ни пришел, с кем бы ты в поле или в перелеске ни встретилась, заруби себе на носу: ты – не еврейка, ты – католичка Эленуте Рамашаускайте.

Он вышел во двор, по-медвежьи зашагал к конюшне, вывел оттуда отдохнувшую Стасите, запряг ее в бричку, черневшую без дела под деревянным навесом (в ней, а не в телеге он по престольным праздникам и по особо важным дням всегда отправлялся в Мишкине или в уездный город Шяуляй) и, проезжая мимо родных окон, громко, помолодевшим голосом выкрикнул:

– Жди меня, Рамашаускайте!

Он надеялся, что Элишева помашет бричке рукой, как это издавна водилось в Юодгирай, но на сей раз ситцевая занавеска на окне даже не колыхнулась.

Как только скрип колес замолк, Элишева сняла крестик и положила на ладонь, как бы взвешивая свой талисман и прикидывая, куда бы его спрятать так, чтобы при первой же надобности быстро надеть. Не найдя ничего лучшего, она решила намотать его на связку ключей, с которой никогда не расставалась. Весь день она носила ее с собой, ходила с ней в коровник, в конюшню, в погреб и изошряла свой слух долетавшими до нее звуками, предвещавшими нежданную опасность. Услышав лай Рекса, громыханье проезжающей по проселку машины или истошное карканье вспугнутых кем-то ворон, Эленуте съезживалась и тут же надевала на шею Пранин крестик.

Стараясь скоротать время до вечера, когда обещал вернуться Чеславас, Элишева хваталась за любую работу – подметала двор, чистила курятник, дольше, чем обычно, выдаивала коров, кормила прожорливых подсвинков, рассыпала юрким карпам в пруду прошлогоднее, отсыревшее ржаное зерно, стирала, развешивала на частоколе белье, собирала сорванные грозой ветви старого бывалого вяза, не переставая думать об отце и о Рейзл. Она корила себя за то, что проявила малодушие, уступила уговорам Чеславаса и осталась на хуторе вместо того, чтобы быть сейчас с родными на Рыбацкой. Они, видно, считают ее дезертиркой, предательницей и, пожалуй, правы – решила, мол, что лучше отсидеться в глухомани подальше от немцев у чужих людей, чем разделить с ними их судьбу, и заменила Палестину на крест.

Элишева ни на минуту не сомневалась, что Ломсаргис привезет с Рыбацкой дурную весть или по-крестьянски, по-мужицки схитрит, отделается туманными намеками и походя бросит: несладко твоим, несладко, что и говорить, сама знаешь, какие для вашего брата сейчас наступили времена, врагу не пожелаешь. Главное – не считай, Рамашаускайте, ворон и смотри в оба. И точка, и больше он не проронит ни одного лишнего слова. Тот, кто много и красно говорит, тот, по его требнику, пашет и сеет впустую.

Ближе к вечеру бдительную Элишеву-Эленуте всполошил яростный лай Рекса, который грозно вставал на задние лапы, скалил свои острые безжалостные зубы и, надрываясь, требовал, чтобы его немедленно спустили с цепи.

Эленуте Рамашаускайте мгновенно надела Пранин крестик и выскользнула из горницы во двор.

Ее появление и вовсе раззадорило пса. Он метался, как угорелый, и надрывным лаем обстреливал всю окрестность.

Было еще светло, и Эленуте вдруг увидела, как к усадьбе, прихрамывая и опираясь на выломанную где-то палку, приближается какой-то мужчина в красноармейской форме.

Русский, осенило ее. Слава Б-гу, не немец. Слава Б-гу! Немцы в одиночку пока по литовским весям не бродят.

Когда он миновал яблоневый сад, обогнул ригу и направился к колодцу, его уже можно было отчетливо разглядеть – высокого роста, наголо стриженный, с черными густыми усами, рваная красноармейская гимнастерка растегнута нараспашку, грудь в черных овечьих кудряшках, на левой ноге – кирзовый сапог, правая от ступни до щиколотки обмотана кровавой портянкой.

Эленуте показалось знакомой не только его форма, но и внешность. И вдруг встревоженная память подсказала ей, кто забрел на хутор...

Да это же тот танкист – грузин с черной, сталинской щеточкой усов, с кривыми, как серп с красного флага, ногами, тот самый грузин, который с пустой алюминиевой флягой забрел в сороковом на хутор и попросил воды.

– Вассер! Вассер!..

Она еще тогда приняла этого танкиста за военнотружущего-еврея.

Г-споди, только его тут не хватало! Ломсаргис не обрадуется такому гостю и вряд ли позволит ему остаться. Ведь это он и его дружки на своих красных черепахах во время учений все озимые Чеславаса гусеницами изрыли.

Когда раненый подошел к крыльцу избы, ошалелый Рекс залаял с новой силой, но вдруг по-старчески закашлялся, захрипел и наконец, потеряв голос, перешел на визг.

– Цыц! – прикрикнула на него Эленуте. – Это не вор и не разбойник. Цыц!

– Лабас, – неожиданно произнес раненый танкист, видно выучивший за полтора года безмятежной службы только это единственное литовское приветствие – «лабас». Измотанный, заросший серой, кабаньей щетиной, он едва держался на ногах и затравленно озирался по сторонам.

Эленуте вдруг представила себе, как после сокрушительной бомбежки танкового полигона он выбрался из горящей машины и, спасаясь от пружих из всех щелей немцев, отбилась от своих и заплутал в Черной чаще; как, голодный, бродил по ней, питаясь незрелыми ягодами и кореньями, как, утоляя смертельную жажду, пил из редких лужиц и болотцев и, обессиленный, с кровоточащей раной, валился на мшанник или на валежник и засыпал чутким недужным сном.

– Лабас, – дружелюбно ответила Эленуте и поправила крестик на шее. – Вассер?

Танкист благодарно кивнул.

Она подвела его к колодцу, и он принялся жадно, по-звериному пить прямо из бадьи, обливаясь холодными струйками и охая от усталости и удовольствия.

– Если бы не рана, я бы тебе и баньку затопила. Баньку бы затопила. Понимаешь?

Танкист замотал головой и пролопотал:

– Чхеидзе я... Вахтанг, – сказал он и, обласканный звучанием собственного имени, побарабанил костяшками длинных пальцев по черным вьющимся кудряшкам на груди. – Вахтанг...

– Как же нам с тобой, Вахтанг, договориться: ты по-литовски не понимаешь, а я по-грузински ни слова?..

Раненый улыбнулся залитыми тоской глазами и снова окунул в бадью небритое, с впалыми щеками лицо и долго не поднимал из воды стынущую голову.

Элишева переминалась с ноги на ногу, пытаясь решить, куда его девать. В клеть, заваленную конской упряжью, боровами, веревками и мешками с удобрениями? На сеновал, где днем и ночью кишмя кишат жуки и мыши? В батрацкую? Туда, пожалуй, лучше всего – там три застекленных оконца, лежаки, набитые соломой, обеденный стол с дубовыми лавками. В избу его не приведешь – Ломсаргис не потерпит. Дай только Б-г, чтобы Чеславас не взбеленился – увидит красноармейскую форму и тут же его выгонит взащей. Хорошо бы до возвращения переодеть этого Вахтанга в какую-нибудь гражданскую одежду.

– Тебе обязательно надо переодеться и поесть. Постараюсь что-нибудь добыть. А ты лежи.

На свой страх и риск она принялась рыться в платяном шкафу Ломсаргиса, достала поношенную фланелевую рубашу и протертые на заднице штаны, разыскала в прихожей пару старых, тупоносых ботинок с оборванными шнурками – в них Ломсаргис обычно месил деревенскую грязь и утрамбовывал силос, сложила в корзинку хлеб, сало, кружок сыра и поспешила в батрацкую.

Пока раненый переодевался и лениво уплетал хлеб с салом, она стояла под крохотными оконцами батрацкой, на которых играли робкие солнечные зайчики, и думала о превратностях человеческой судьбы. Всего месяц тому назад этот молодой и пышущий здоровьем Вахтанг был бездумным и счастливым завоевателем. Месяц тому назад он, как и Арон Дудак, не задумываясь, с радостной готовностью подчинялся любому приказу своего земляка, вождя и учителя – Сталина. Месяц назад он свято верил, что на своем танке привез сюда, в это захолустье, в этот нищенский, сумеречный, неприветливый край не беду, не страдания, а долгожданное счастье и благоденствие.

Γένηται ἡ βασιλεία

ТОРКВЕМАДА ИЗ РЕХОВОТА

Beit Olivot

Холодный ветер раздувал полы сюртука и студил спину, но Ханох не обращал на него внимания. Он стоял, упершись в каменный парапет, отделяющий площадку перед зданием ешивы от склона холма, и смотрел на крыши Бней-Брака. Вдали, неровно подрагивая красными огоньками антенн, громоздились башни и параллелепипеды тель-авивских небоскребов, а внизу, сразу за двадцатиметровым скатом, начинался пестрый клубок черепичных крыш, бойлеров и мачт электрической компании.

До женитьбы Ханох прожил в Бней-Браке пять лет и память о тех годах, поначалу горьких, а затем постепенно наполнявшихся медовой сладостью удачи, до сих пор дрожала где-то глубоко внутри, словно заключительный аккорд фортепианной сонаты. Он часто приходил сюда, сначала когда учился в ешиве, а потом в перерыве между заседаниями суда. Глаза, расплюснутые непрерывным разглядыванием букв, буквочек и буковок в толстенных томах Талмуда и раввинских респонсах, требовали отдыха, а простор, открывавшийся сразу за парапетом, успокаивал и лечил. Событие, перевернувшее всю его жизнь, тоже случилось здесь, на площадке перед зданием ешивы.

Ханох хорошо помнил тогдашние отчаяние и злость, но, если бы можно было вернуться в ту неустроенность, он бы немедленно бросил нынешнее благополучие.

«Благополучие! – Ханох горько усмехнулся. – Покой! Впрочем, до недавнего времени так и было».

Перед его мысленным взором предстало лицо жены. Он вспомнил ее улыбку, ее мягкое, желанное, единственное в мире разрешенное ему тело и застонал, вцепившись пальцами в твердый камень парапета. Десять лет прошло со дня их свадьбы, четырех детей родила Мирьям, а Ханох по-прежнему желает ее и с волнением ждет того момента, когда в ночной тишине, заливаемой квартирой до самого потолка, можно тихонько опустить ноги на пол и пойти к ней, ненаглядной и ласковой. Но теперь это стало немислимым, невозможным: то, что разделило их, – больше, чем смерть, ведь за порогом небытия души любящих супругов снова встречаются, а с ними этого не произойдет.

В Израиль Ханох попал двадцати трех лет отроду. После службы в Советской армии он вернулся в свой маленький городок на Полесье, поработал столяром, автомехаником, помощником библиотекаря и, взлетев вместе со многими на гребень отъездной волны, оказался в Тель-Авиве. Родители от него многого не ждали: всей предыдущей жизнью Ханох доказал, что способен в любой момент выкинуть самый замысловатый фортель, поэтому можно было устраиваться хоть и с нуля, но зато по собственному представлению и вкусу.

Немного поработав механиком в маленьком гараже Южного Тель-Авива, он как-то от нечего делать забрел в синагогу, оказался на лекции бней-бракского раввина и пропал. Лекцию раввин читал «аф идиш», а этот язык Ханох любил больше всего на свете. В его городке на идише говорили не стесняясь, во весь голос, и до шести лет Ханох вообще не знал, что существуют другие языки. В школе ему пришлось довольно туго, однако русский он выучил быстро, уже к третьей четверти обогнав в скорости чтения своих

одноклассников. Так же быстро он, спустя несколько лет, выучился читать на идише и стал завсегдаем еврейского отдела городской библиотеки.

Вообще, к языкам Ханох питал особое пристрастие и даже мечтал пойти учиться куда-нибудь, где занимаются языками, но как-то не сложилось. Родители отнеслись к его мечтам с недовольством, предпочитая видеть сына рабочим с хорошей специальностью в руках, чем интеллигентом с непонятной профессией. Наверное, назло им Ханох и менял работы одну за другой.

Подойдя к раввину после лекции, Ханох обратился к нему на идише. Через пять минут разговора раввин воскликнул:

– Как давно я не слышал такого красивого и богатого языка! Чем вы занимаетесь в жизни, молодой человек?

Услышав слово «гараж», раввин поморщился.

– У меня в ешиве открывается группа, которая будет учиться на идише. Жилье и стол мы обеспечиваем. Хотите?

– Хочу! – воскликнул Ханох, еще не понимая, что с этой секунды в его жизни наступают огромные и необратимые перемены.

Учиться оказалось интересно и легко. Поначалу Ханох купался в идише, словно в бассейне с драгоценным вином, то погружаясь в него по самую макушку, то смакуя каждый глоток, а то просто отдыхая, блаженно покачиваясь на мелкой волне речи. Быстро выяснилось, что помимо идиша нужен еще иврит. Он раскрылся перед ним, точно дамская сумочка под пальцами карманника. Иврит Ханох не учил, а вспоминал, словосочетания и деепричастные обороты сами собой всплывали из глубин подсознания. Когда дело дошло до Талмуда и пришлось осваивать арамейский, Ханох напялил его, как напяливают перчатку на растопыренные пальцы, потом сташил, крепко уцепившись за сказуемые, и вывернул наизнанку. Внимательно рассмотрев швы, там, где арамейский пересекался с ивритом или напоминал идиш, он надел его обратно с тем, чтобы уже никогда не снимать и пользоваться им точно родным, выученным в детстве языком.

Самые замысловатые рассуждения в Талмуде Ханох разгрызал играючи. Его истосковавшийся по делу мозг работал, будто хорошо смазанная машина, не давая ни одного сбоя. Раввин и преподаватели дивились на необычного студента.

– Наверное, у тебя в роду был какой-то скрытый праведник, – сказал как-то Ханоху раввин. – Благодаря его заслугам ты так стремительно продвигаешься в учении.

Ханох промолчал. Он-то был уверен, что продвигается благодаря собственному старанию. Заслуги предков, конечно, полезная вещь, но если не сидеть над книжками по шестнадцать часов в день, никакие заслуги не помогут.

Через два года он вышел на уровень нормального студента, занимавшегося Учением с трех лет: сначала в хедере, потом в подготовительной ешиве, а затем в нормальной, для юношей. Еще через два года пришла пора определяться, и вот тут для Ханоха наступило время страшного разочарования.

Перед ним открывались два пути: продолжить учиться, получая нищенское пособие, или искать преподавательскую работу в системе ешив. На жизнь профессионально изучающих Тору он насмотрелся за годы в Бней-Браке, и такая участь ему казалась не наградой, а наказанием. В домах этих «ученых» были только книги и дети; единственная мебель – длинный обеденный стол, вокруг которого по субботам и праздникам собиралась вся семья, и книжные шкафы – находилась в салоне. Во всех остальных комнатах, кроме простых кроватей и дешевых платяных шкафов, царила абсолютная пустота. Дети делали уроки в салоне, гостей принимали в салоне, читали по вечерам тоже в салоне.

Питались семьи «ученых» сосисками из сои и дешевыми овощами, а по субботам – чолнтом из индюшачьих горлышек. Одежду покупали один раз в год, к Пейсаху, и чинили, тянули до следующего года. Сапожные мастерские, ремонтирующие обувь, остались только в религиозных районах, весь остальной Израиль изношенную обувь попросту выкидывал, покупая новую.

Нет, такая скучная жизнь Ханоха не привлекала, и он попытался найти работу преподавателя. В своей ешиве, одной из самых сильных в Бней-Браке, он состоял на хорошем счету, поэтому шансы отыскать хоть какое-нибудь место, по мнению Ханоха, были довольно высоки. Он начал ездить на собеседования с будущими работодателями и быстро обнаружил, что, несмотря на самый радушный прием и весьма лестные оценки, принимать на работу его не собираются.

Загадку он решил, стоя в один из вечеров возле любимого парапета и любуясь игрой солнечных бликов в стеклах домов Рамат-Гана, – он вдруг сопоставил, кто получил в итоге те места, куда он стремился попасть, и задохнулся от гнева. Всё выглядело элементарно: на мало-мальски хлебные должности принимали представителей известных в Бней-Браке семей. Многочисленные дети и внуки раввинов, отпрыски хасидских Ребе, племянники председателей раввинских судов. Как и в оставшемся далеко за бортом Советском Союзе, хорошая работа доставалась исключительно по знакомству. Он, одинокий новичок, мог рассчитывать только на похвалы и одобрения, но делиться куском пирога с ним не собирались.

Переведя дыхание, Ханох стал соображать, как же всё-таки обойти препятствие. В конце концов, ему нужно лишь одно место, неужели система круговой поруки не может хотя бы раз дать сбой.

– Это можно устроить, – раздался голос за спиной, и Ханох, вздрогнув, обернулся.

Секретарь главы ешивы смотрел на него, улыбаясь и склонив голову набок. Из-за врожденного дефекта позвоночника он ходил, наклоняясь в одну сторону, и, разговаривая, искоса поглядывал на собеседника, словно подозревая его в тайных грехах. Про себя Ханох называл секретаря «Набоков».

Кличка родилась после того, как Ханох, прячась в туалете, прочитал «Лолиту». Об этой книжке он слышал восторженные «ахи» и «охи» сверстников еще в Союзе, но в руки к нему она так и не попала. А тут, в Израиле, проходя по каким-то делам по улице Рамат-Гана, он увидел «Лолиту» в витрине книжного магазина и не удержался. Мало подходящее чтение для ешиботника, но что поделать, у каждого есть свои слабости. Главное, Ханох не потратил на нее ни минуты, подходящей для учения Торы, ведь в туалете нельзя даже думать о святом. А «Лолита»... такой литературе самое место неподалеку от унитаза.

Муки и тревоги Гумберта вызывали у Ханоха глубочайшее презрение. Вместо того чтобы бороться с дурным влечением, бороться и победить, Гумберт с радостью вывесил белый флаг и поплыл по течению. А мелкий бес, сидящий в каждом человеке, как написано в книгах, не знает ни жалости, ни пощады. Противостоять ему может только гладкая, словно стекло, стена сопротивления. Даже микроскопической трещинки хватит мелкому бесу, чтобы зацепиться, пустить корни, а затем развалить неприступную стену на махонькие камешки.

Мысли о происходившем между Гумбертом и Лолитой не пробудили в Ханохе спящее желание. Влечение к женщине никогда не занимало его мысли, а если и поднималась от паха щемящая волна дрожи, он без труда загонял ее обратно. Перевалив двадцатипятилетний рубеж, Ханох оставался девственником, и это, невероятное для кого-нибудь другого состояние, далось ему легко, словно подарок.

В Советской армии он как-то попал вместе с приятелями по взводу на пьянку с веселыми и, по словам приятелей, доступными бабенками. Одна из них, краснощекая крановщица, принялась обхаживать Ханоха. Подкладывала ему на тарелку кусочки повкуснее, смеялась, откидывая голову и мелко тряся грудями под обтягивающей кофточкой. Фильтр ее сигареты был испачкан огненно-красной помадой, и курила она без остановки.

Ханох ненавидел запах сигарет и постоянно ссорился с соседями по казарме из-за их тайного курения в постели. Но ругаться с женщиной, тем более в такой ситуации, он не хотел и поэтому лишь морщился, отворачиваясь в сторону. Крановщица расценила его гримасы по-своему.

– Что молчишь, солдатик? – спросила она, быстрым движением проведя ладонью по стриженной макушке Ханоха. – Так бабу хочешь, что скулы свело? Ну, пойдем, пойдем потанцуем.

Во время танца она прижалась грудью к Ханоху и принялась тереться низом живота о его бедро. Организм моментально воспрянул, и Ханох почувствовал, как крепнет и наполняется мужское естество.

Если до этого момента Ханох с трудом выносил грубые ухаживания крановщицы, то столь откровенные жесты вызвали в нем возмущение. Он оттолкнул женщину, выскочил из полутемной комнаты в ярко освещенную прихожую, кое-как набросил шинель и выбежал из дома.

Дочитав «Лолиту», Ханох запаковал книжку в несколько супермаркетовских пакетов так, чтобы не видно было названия, и выбросил в ближайший мусорный ящик. Однако с тех пор секретаря ешивы, припадающего во время ходьбы на один бок, он стал мысленно называть «Набоковым».

– Устроить? – повторил «Набоков».

– А как вы подслушали мои мысли? – спросил Ханох.

– Пойдем ко мне в офис, – предложил «Набоков». – Там всё расскажу.

Он повернулся и, даже не взглянув, отозвался ли собеседник на его предложение, захромал к зданию ешивы. Ханох пошел следом. Терять ему было нечего.

Кабинет секретаря располагался на третьем этаже, вдали от главного зала и вспомогательных классов. В нем царили идеальные чистота и порядок. Каждая вещь в кабинете лежала строго на своем месте, и казалось, будто ее специально изготовили для того, чтобы она пребывала именно там. «Набоков» вскипятит чайник, ловко заварил два стакана кофе, поставил один перед наблюдавшим за его действиями Ханохом, пробормотал благословение и с удовольствием отхлебнул.

– Видишь ли, – сказал он, откидываясь на высокую спинку кресла, – дело в том, что я – черт.

– Кто-кто? – переспросил Ханох, не веря своим ушам.

– Черт, – повторил «Набоков». – Самый настоящий черт.

Он с улыбкой смотрел на вытянувшееся лицо Ханоха.

– Я не шучу, – продолжил «Набоков». – Ты хочешь доказательств? Пожалуйста.

Он щелкнул пальцами, и дымок, вьющийся над стаканом Ханоха, вдруг перестал подниматься вверх, а начал завиваться в причудливые спирали. Перед глазами Ханоха повисла трепещущая, зыбко плывущая надпись: «Лолита». «Набоков» еще раз щелкнул пальцами, и дымчатое слово растворилось, пропало, словно и не было его никогда.

– А ты думал, – продолжил меж тем «Набоков», – что я появлюсь перед тобой с хвостом навыпуск и рогами наперевес? Мы идем в ногу со временем и говорим с каждым на понятном ему языке.

Он отхлебнул еще раз из стакана и лукаво усмехнулся.

– Кто не знает идиш, тот не еврей?

Это было любимое присловье самого Ханоха. Кто-то сказал ему, будто эти слова принадлежат Голде Меир, и он повторял их при каждом удобном случае. И хоть его товарищи, родившиеся и выросшие в Израиле, объясняли, что здравомыслящий политик не позволит себе такого высказывания в стране, где половина населения приехала из арабских стран, Ханох не отказывался от любимой поговорки. Сам «Набоков» изъяснялся на красивом венгерском диалекте идиша – так говорили евреи Трансильвании.

– Итак, я могу составить протекцию на хорошую должность. Скажи, что тебе по душе, а остальное предоставь мне.

Слово «душа» в устах «Набокова» звучало подозрительно. Черт понял, и тонкая улыбка зазмеилась по его губам.

– Не волнуйся. Душа твоя мне не нужна. Мне от тебя вообще ничего не нужно.

– Тогда зачем вы это делаете? – спросил Ханох.

– Из чистого альтруизма. Не думай, будто бескорыстность – качество, присущее только человечьим особям. Нам тоже присущи сердечность и милосердие. Помнишь, у классика: «Я сила, что творит добро, всегда желая зла». Но с той поры много воды утекло. Сегодня мы и творим добро, и желаем добра.

Ханох усмехнулся.

– Дьявольская сила добра. Верится с трудом.

– А это уж как угодно. Вера, она свойство души. Снаружи не привносится. Но могу открыть секрет, – «Набоков» осушил стакан и облизнулся. По-детски розовый язык выглядел странно под черными с проседью усами. – Мне скучно здесь. А скука – величайший двигатель, и не только у людей.

– Скучно? – удивился Ханох.

– Да, скучно. Что такого может учудить нечистая сила в Бней-Браке? Ну, разве оторвать раввина от учения мыслями о субботнем чолнте или подсунуть ешиботнику соблазнительную книжицу! – «Набоков» выразительно посмотрел на Ханоха.

– Так это ваша работа!

– Моя! – с гордостью ответил черт. – Ты мой успех, первая ступенька. Если и дальше так пойдет, глядишь, перекинут в Тель-Авив или даже в Испанию, уличать маранов и соблазнять честных католиков.

– Разве там еще остались мараны?

– Уже нет, но для нас время не имеет значения. Всё происходит сейчас: и костры инквизиции, и крестовые походы, и плавание Колумба. Мы можем попасть в любую точку места и времени. Наша роль в истории неопенима, безмерна. Больше того, без нас никакой бы истории вообще не было. Сидели бы люди

по своим домишкам, довольствуясь черствым куском хлеба, одной переменной одежды и одной женщиной. Но приходим мы, и вдруг всё начинает крутиться с бешеной скоростью. Скажу без ложной скромности, истинный двигатель прогресса – это мы. Зачем далеко ходить за примером, – «Набоков» снова высунул длинный розовый язык и облизнул губы, – вот ты. Что тебя ждет, кроме бесконечных дней над книгами и холодных вечеров рядом с недовольной женщиной? Что ты можешь дать другому человеку? Что у тебя есть за душой? Знание раввинских респонсов? Им не накормишь детей. А, ты хорошо разбираешься в талмудических спорах! Замечательно! Иди, купи на них новое платье для жены. Я предлагаю тебе помощь, практически бескорыстную. Ты будешь учить Тору и жить безбедно. И всё благодаря моей скуке.

– И всё же, какова цена этой «бескорыстной» помощи?

«Набоков» обиженно взмахнул рукой.

– Чисто символическая. Можно сказать, вообще без цены. Я просто обязан заполнить соответствующую графу в ведомости. У нас, – он тяжело вздохнул и посмотрел вниз, – такие развелись крючкотворы, такие формалисты, такие чиновники – настоящие дьяволы, провалились они в преисподнюю. Впрочем, проваливаться им уже некуда, вот они и выматывают жилы у простых трудовых чертей бесконечными отчетами и квитанциями.

– Так о чем идет речь? – настаивал Ханох. – Назовите цену?

– Пустяки. Пару-тройку гойских душ.

– Тройку гойских душ? Но откуда у меня души, к тому же гойские? Вы меня с кем-то пугаете.

– Конечно, ниоткуда. Я же тебе сказал, что это пустая формальность. Нужно лишь твое согласие, а души я достану совсем в другом месте. Смотаюсь, – он подмигнул Ханоху, – на центральную автобусную станцию и там, в массажных кабинетах, разживусь хоть десятком.

– Чушь какая-то! – воскликнул Ханох. – Ерунда на постном масле. Наверно, я просто сплю и этот разговор мне снится.

– «Жизнь моя, – мечтательно продекламировал «Набоков», – иль ты приснилась мне?» Вот он, между прочим, был куда покладистей тебя.

– Кто это «он»?

– Сергей Александрович. Но не это важно. И не важно, как ты обозначишь свою реальность: сон ли, явь ли, главное – преуспеть в ней. И в этом я могу тебе помочь за символическую плату.

– Хорошо, – неожиданно для самого себя произнес Ханох. – Расплата гойскими душами. Прямо по Гоголю. Бери хоть пяток, не жалко. Но только ими и больше ничем.

– Конечно, – воскликнул «Набоков». – Пяток так пяток, и уговор дороже денег. Слово черта – золотое слово.

– Договор будем подписывать кровью? – спросил Ханох.

– Ну зачем же. – «Набоков» рассмеялся. – Кровь, факелы, пещеры, осиновые колышки... Вся эта романтическая атрибутика себя изжила. Сегодня не нужно забивать голову подобной архаикой. Достаточно, что ты скажешь «да».

– Да, – сказал Ханох.

– Вот и прекрасно. Возвращайся домой и ни о чем не думай. Всё пойдет само собой, без вмешательства потусторонних сил и чудес. Живи, как жил. А через полгода остановись и оцени, что произошло.

Вернувшись домой, Ханох долго не мог заснуть. Происшедшее казалось ему сказочной историей из еврейского фольклора. Ешиботник, заключивший сделку с чертом... Нет, это просто бред. Наверное, он заснул, прислонившись к парапету. Или того хуже, возможно, в нем поселилась болезнь и случившееся – галлюцинация, отключение мозга. Рассказать о случившемся товарищам по ешиве Ханох не решился. Засмеют. После долгих размышлений он решил оставить всё как есть, а если галлюцинация вернется – немедленно обратиться к врачу. Успокоившись, он начал погружаться в дрему и уже на самой границе сна с обидой и раздражением задал себе вопрос: и за каким хреном ты ввязался в эту историю? Черт тебя дернул, что ли?

«А ведь точно, черт», – подумал Ханох, и заснул.

Назавтра жизнь покатила дальше, по привычной, крепко накатанной колее. Навалился Пейсах, с его безумной уборкой, выпечкой мацы, подготовкой к сейдеру. Потом сам праздник, потом отдых после праздника. Два месяца пронеслись, точно ракеты «Кассам» над Сдеротом, и Ханох забыл, выбросил из головы ночной разговор. Встречаясь иногда в залах ешивы с «Набоковым», он пылливо выискивал в его поведении хоть какой-нибудь намек, признак особой близости, его, Ханоха, посвященности в тайну, но секретарь вел себя так, словно ничего не произошло. Он невозмутимо здоровался с Ханохом, иногда задавал ему вопросы по расписанию занятий или другим мелочам, и ни взглядом, ни жестом, ни словом не выказывал особого отношения. Гладкая, как полированное железо, стена равнодушия.

«Значит, всё-таки, болезнь», – решил Ханох и успокоился. Болезни, они от Всевышнего, способ испытания, проверка человека на прочность веры. С помощью молитв и врачей с болезнями, особенно в его возрасте, еще можно совладать. А вот с нечистой силой... Нет, лучше болезнь.

В один из дней весеннего месяца ияр, когда начинают опадать нежно-фиолетовые цветы с «иудиных» деревьев, а легкую теплоту, разлитую в воздухе, потихоньку вытесняют горячие потоки подступающего лета, Ханоха вызвал к себе глава ешивы.

– Мне потребуется твоя помощь, – сказал он, указывая рукой на кресло рядом с собой. – Сейчас войдет женщина, она утверждает, будто прошла гиюр в еврейской общине Дербента. В министерстве внутренних дел проверили документы. Всё в полном порядке. Но что-то показалось им подозрительным, и ее отправили к нам. Иврит она знает плохо, поэтому ты будешь переводить.

Глава ешивы заседал в раввинском суде, но рассматривал только имущественные тяжбы. Дела о гиюре, насколько Ханох знал, не входили в его компетенцию. Этими щекотливыми проблемами занимались другие раввины, ведь люди, доказывающие свое еврейство, претендовали на многотысячную корзину абсорбции и пускались на любые ухищрения, чтобы убедить суд, а для некоторых отрицательное заключение значило также высылку из страны. Дабы не терять ровного расположения духа, необходимого для преподавания Талмуда, глава ешивы выслушивал только финансовые споры. Но, видимо, кто-то из раввинов заболел и не смог рассмотреть дело.

Женщина, вошедшая в комнату, на первый взгляд была одета в полном соответствии с религиозными правилами. Юбка ниже колен, строгие туфли, темного цвета чулки, черная шляпка, белая, в кремовых разводах, кофточка, с рукавами до запястий. Но именно в кофточке было что-то не то. Присмотревшись, Ханох понял: она сделана из прозрачной ткани и сквозь нее просвечивает кремовое белье. Появиться в таком виде на улице Бней-Брака невозможно, немислимо. А уж явиться на раввинский суд...

Скромно потупясь, женщина положила на стол папку с документами. Ее рассказ звучал просто и убедительно. Гиюр сделал главного раввина Дербента, после двух лет испытательного срока, и теперь она снимает квартиру в Ашдоде, по соседству с религиозным кварталом и соблюдает то, что умеет. Но обещает, что будет соблюдать еще больше заповедей и предписаний.

– Ты что-нибудь слышал о главном раввине Дербента? – спросил Хануха на идише глава ешивы.

– Ничего.

– Я тоже. Но документы выглядят настоящими.

– Сегодня в России, – сказал Ханух, – можно купить любые, самые настоящие документы.

Глава ешивы задал женщине несколько простых вопросов о правилах соблюдения субботы. Она не знала ничего. Просто ничего, абсолютно, ее ответы, произнесенные тихо, с так же скромно опущенными глазами, не содержали никакой информации, а являли собой набор слов на тему иудаизма и субботы, почерпнутый из предисловий к популяризаторским брошюрам. Однако говорила женщина очень уверенно, так, что могло сложиться впечатление, будто она рассказывает нечто, ей хорошо знакомое.

– Наверное, она больна, – предположил глава ешивы. – Не может человек настолько ошибаться.

«Нет, она не больна», – подумал Ханух, заметив, как женщина искоса бросает на них острый взгляд и тут же опускает ресницы. И речь, лексика. Она говорила на приклатненном, грубом наречии рыночных торговцев.

Год назад, снимая квартиру для родителей, Ханух неожиданно для самого себя обнаружил огромный провал в знании иврита, пропасть, которую он вряд ли когда-нибудь сможет преодолеть. Он сидел в очереди, дожидаясь, пока квартирный маклер закончит разговор с клиентами. Разговор велся на иврите, и Ханух отчетливо слышал русский акцент маклера, автоматически отмечал ошибки в построении фраз и произношении. Для самого Хануха этих проблем никогда не существовало, в языке он плавал точно рыба в океане, ощущая кожей падежи и склонения. Его словарный запас был огромен, иногда, потехи ради, он перелистывал многотомный толковый словарь Эвен-Шошана в поисках новых слов. Иногда ему удавалось обнаружить что-то действительно новое: Ханух знал почти всё, а то, чего не знал, легко понимал из контекста.

Слушая краем уха разговор, он отметил про себя настойчивость маклера, присущую, впрочем, всем представителям этой профессии, и осторожное нежелание клиентов соглашаться на предлагаемый вариант. Обычная, нормальная ситуация при купле-продаже, сдаче-найме.

Но вот на место ивритоговорящей пары уселась женщина средних лет, и маклер сразу перешел на русский. Через три минуты Ханух понял – этот человек жулик и врун и с ним нельзя иметь никакого дела. Получалось, что, несмотря на весь огромный словарный запас, знание грамматики и правильности произношения, он не мог, не умел воссоздать по интонации и лексике психологический портрет говорящего. Для этого надо было прожить на иврите целую жизнь, вырасти с ним, обжечься и набить шишки и лишь

потом научиться делать то, что на русском у него получалось автоматически, на уровне чувства, а не анализа. Молча встав, он вышел из конторы и пошел к другому маклеру.

Женщина врала, это было очевидным, но в чем состоял подвох, где пряталась ложь, он не мог уловить. И тут Ханоху пришла в голову блестящая идея.

– Послушайте, – сказал он женщине по-русски. – Документы у вас в порядке, и рассказ производит впечатление правдивого. Осталось уточнить кое-какие подробности. Но предупреждаю, – Ханох указал подбородком в сторону главы ешивы, – вам нельзя будет ошибиться, иначе... В общем, постарайтесь припомнить самые мелкие детали.

Женщина согласно закивала. Ханох перешел на иврит.

– Итак, во время процедуры гиюра перед вами стоял раввин с двумя свидетелями. В руках у раввина была большая серебряная ложка. Скажите нам точно и постарайтесь не ошибиться, потому что ошибка может испортить всё дело: кто обрызгал вас водой из ложки, раввин или свидетели?

Женщина на секунду задумалась, а затем быстро и решительно произнесла по-русски:

– Та я ж помню, как сейчас. По-первой раббин плескнул, а за ним другие евоные, а потом снова раббин.

Ханох перевел.

Глава ешивы поднес руку ко рту и принялся, пряча улыбку, приглаживать усы.

– Спасибо, – сказал он, не опуская ладонь, – я позвоню тому, кто вас направил и сообщу ему свое решение.

– А когда? – нетерпеливым тоном спросила женщина.

– В ближайшее время.

Выходя из кабинета, женщина обернулась и прошипела в лицо Ханоху:

– Ссученная тварь. Гнида.

– Что она сказала? – спросил глава ешивы.

– Поблагодарила за особое отношение.

Через неделю Ханоха снова пригласили участвовать в подобном разбирательстве, но уже к даяну – постоянному члену раввинского суда, который действительно заболел и на несколько дней передал свои дела главе ешивы. Этот случай был проще: опрашиваемый – мужчина лет сорока – моментально запутался в родственниках со стороны отца и матери, а в конце разговора, в качестве доказательства своей принадлежности к евреям, рассказал, как его бабушка зажигала перед началом субботы лампадку в красном углу избы.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ВОСПИТАННЫЙ МАЛЬЧИК

Yōanō Eātō

Воспитанный мальчик постучал в дверь. Его родители были слишком заняты ссорой, чтобы ответить, но он всё же вошел, постучав еще несколько раз.

– Ошибка, – говорил папа маме, – вот что мы такое, ошибка! Как на тех рисунках, которые показывают, чего нельзя делать. Так и мы. С большим «нет!» внизу и физиономией, перечеркнутой красным крест накрест!

– Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? – спросила у него мама. – Ведь обо всем, что я скажу сейчас, я потом пожалею.

– Скажи, скажи! – выпалил папа. – Зачем ждать потом, если можно пожалеть уже сейчас.

У воспитанного мальчика в руке была модель планера. Он собрал его один, пользуясь только приложенным листком инструкции. Текст был на языке, которого мальчик не понимал, но с четкими рисунками и стрелками. И воспитанный мальчик – его папа всегда говорил, что у ребенка хорошие руки, – сумел построить модель по схеме без какой-либо посторонней помощи.

– Когда-то я смеялась, много смеялась, каждый день. А теперь... – говорила мама. Она машинально погладила воспитанного мальчика по волосам. – Теперь уже нет. Вот так.

– Вот так? – взорвался папа. – Вот так? «Я пожалею об этом потом»? «Когда-то я смеялась»? Big fucking deal!²

– Я прошу тебя, Идо, прекрати! – сказала мама.

– Прекратить что? – спросил папа.

– Сквернословить в присутствии ребенка, – прошептала мама.

– Это не ругательство, – отмахнулся отец. – К тому же по-английски. Он не знает английского.

– Какой замечательный самолет, – сказала мама и демонстративно отвернулась от папы. – Может, пойдешь на улицу, поиграешь с ним?

– Вы разрешаете? – спросил воспитанный мальчик.

– Конечно, разрешаем, – улыбнулась мама и погладила его по волосам, как гладят по голове собаку.

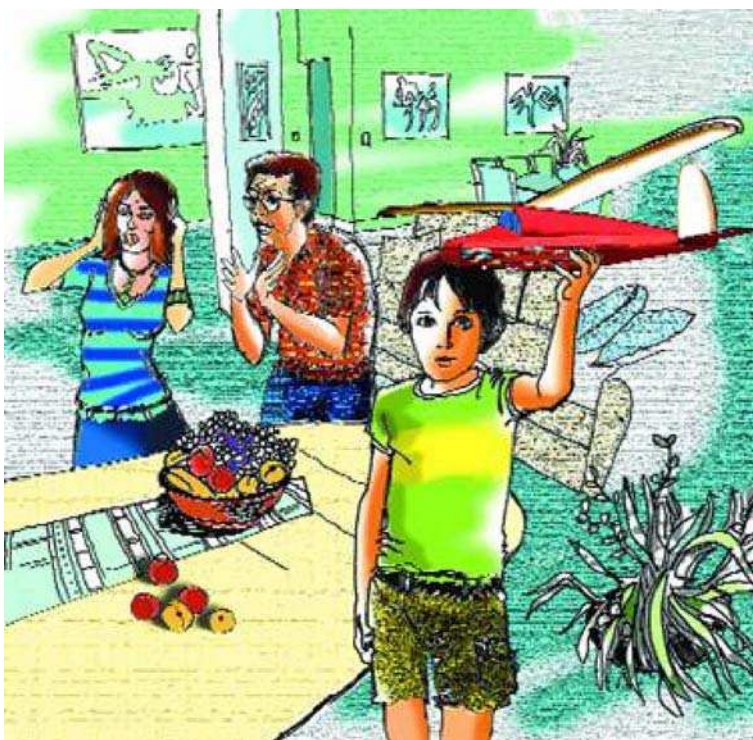
– А когда вернуться? – спросил воспитанный мальчик.

– Когда хочешь, – вспыхнул отец, – и если тебе там нравится, на улице, можешь и вообще не возвращаться, только позвони раз-другой, чтобы мама не волновалась.

Мама вскочила и изо всей силы дала папе пощечину. Это было странно, потому что выглядело так, будто пощечина только обрадовала отца, а вот мама как раз расплакалась.

– Ну, иди, – сказала она воспитанному мальчику, – иди уже поиграй, пока еще светло, но возвращайся, прежде чем стемнеет.

«Наверное, лицо у него твердое, как камень, – думал воспитанный мальчик, спускаясь по лестнице, – поэтому больно было руке».

Воспитанный мальчик со всей силы запустил планер. Тот сделал в воздухе круг, немного пролетел параллельно земле и врезался в умывальник. Крыло планера чуть погнулось, и воспитанный мальчик попытался его выпрямить.

– Ух ты, – сказала рыжая девочка, которую он до этого не заметил, и протянула к планеру руку в веснушках, – какой классный самолет. Я тоже хочу запустить его.

– Это не самолет, – поправил ее воспитанный мальчик, – это планер. Самолет только тот, что с двигателем.

– Ну дай же, – потребовала девочка, не опуская руки, – не будь жадиной.

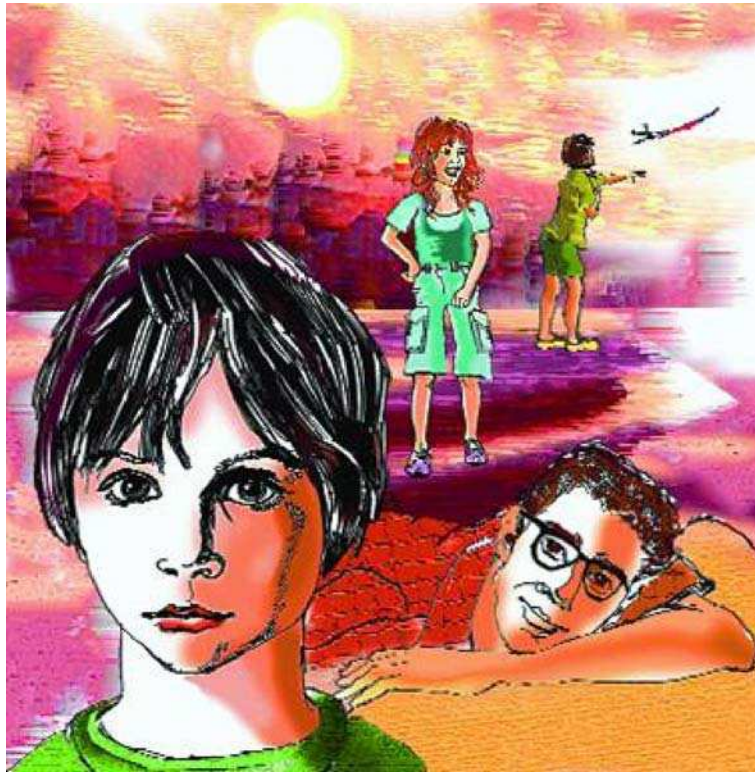
– Сперва я должен починить крыло, – уклонился воспитанный мальчик. – Не видишь, что оно погнулось?

– Жадина, – сказала рыжая девочка. – Чтобы у тебя случилось много плохих вещей! – Она наморщила лоб, пытаясь придумать что-нибудь более конкретное, и когда это, наконец, ей удалось, улыбнулась: – Чтобы твоя мама умерла! Вот чтобы она взаправду умерла!

Воспитанный мальчик не обратил на нее внимания, в точности как его учили. Он был выше рыжей на голову и, если бы только захотел, мог бы дать ей пощечину – рыжей девочке наверняка это было бы очень больно, гораздо больней, чем ему, потому что ее-то лицо уж точно было не из камня. Однако он этого не сделал, даже не пнул ее, не бросил в нее камень и не обругал в ответ, так как был воспитанным.

– И чтобы твой папа умер, и чтобы ты сам тоже! Аминь на веки веков, – добавила рыжая, будто вспомнив, и пошла прочь.

Воспитанный мальчик запустил планер еще несколько раз. После самого удачного броска планер сделал в воздухе три полных круга, прежде чем опустился. Солнце над ним тоже начало опускаться, а небо становилось всё более алым. Папа как-то сказал мальчику, что если долго, непрерывно, не моргая смотреть на солнце, можно ослепнуть, поэтому воспитанный мальчик каждые несколько секунд старался зажмуривать глаза. Однако даже сквозь закрытые веки он продолжал видеть багрянец неба. Это было странно, и воспитанный мальчик очень хотел понаблюдать еще немного, чтобы понять, но он знал, что если не придет домой вовремя, мама будет волноваться. «Солнце светит каждый день, – подумал воспитанный мальчик и наклонился, чтобы поднять планер из травы, – а я не опаздываю никогда».

Когда воспитанный мальчик вошел в дом, мама всё еще была в гостиной, плакала, сжимая руку. Папы там не было. Мама сказала, что он в их комнате, спит, так как должен выйти в ночную смену, и пошла приготовить для воспитанного мальчика яичницу на ужин. Воспитанный мальчик легонько толкнул неплотно закрытую дверь в комнату родителей. Папа лежал на кровати в уличной одежде и ботинках. Он лежал на животе с открытыми глазами и, когда воспитанный мальчик заглянул в комнату, отец спросил, не поднимая головы:

– Как планер?

– В порядке, – ответил воспитанный мальчик, а когда почувствовал, что сказанного недостаточно, добавил: – В полном порядке.

– Мы с мамой иногда ссоримся и говорим обидные слова, – сказал папа и посмотрел в пол, а потом на мальчика, – но ты знаешь: независимо от того, что мы говорим, я всегда-всегда люблю тебя, верно?

– Да, – кивнул воспитанный мальчик и стал закрывать за собой дверь. – Я знаю. Спасибо.

Ī āāāā ā āēāē āā

Āēāēāā āāā Ēōpēī āā

** ċāāāā ĩīāāī āāōī āāāā ā-ōī ēō-ā! (āī āē.)*

КНИГОНОША

Состоявшийся в Москве Конгресс Европейской ассоциации иудаики и презентация книг по иудаике – события слишком очевидно значимые. Об этом вы что-то слышали. Чего вы не знаете почти наверняка, так это двух экзотических судеб двоих поэтов. Глеб Боклевский прямо из рядов Добровольческой армии прибыл в Палестину, где немало потрудился на пользу сионистскому движению. Друг его А. Пэнн родился в Нижнеколымске, был беспризорником, скитался. При этом редкостный знаток русской поэзии, эстет, ивритский переводчик. Об этом в материале В. Хазана: вместе с Р. Тименчиком он представляет сегодня рубрику «Русское слово на Земле Израиля». «Треугольник Гаспарова» мы бы назвали блестящей философской притчей, изложенной в непринужденной литературной манере, бесконечно далекой от сухого академизма. Сегодня редко встретишь почерк настоящего большого филолога... А Л. Кацис в сентябре дважды ведущий: в том числе рубрики «Читатель читателю». Не только о книгах, но и о самом библиофильстве библиофилы говорят, как нередко теперь выражаются, «вкусно». В рассказе В. Френкеля имена Якова Тверского и Изи Малера звучат как музыка, а о сборнике «Иерусалимский библиофил» (с публикацией В. Френкеля) в свою очередь музыкально повествует Л. Кацис, не отказывая себе в удовольствии уточнять, ставить запятые и восклицательные знаки, как если бы он делал неожиданные модуляции, предназначенные для тонкого слуха знатоков.

יְאֹשֶׁר יְאֹדֹרְאָד:

אָסֶאֱדֵי / עֵאֲדֹרְאָדֵי

סֶ. אָדֵי אֵי אֵי 10

דֵאֵאֲדֹרְאָדֵי: 972 (2) 624-25-27

דֵאֵי 972 (2) 624-25-05

E-mail: house@gesharim.org

יִינֹדֵי עֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵ / יִינֵעֵעֵ

דֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵ יֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵ אֵ 1, יֵעֵעֵ 3

דֵאֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵעֵ: (495) 792-38-56

דֵאֵעֵעֵ (495) 792-38-56

E-mail: gesharim@e-slovo.ru

**ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)
ТРЕУГОЛЬНИК ГАСПАРОВА**

Роман Тименчик

Каждая старая книга с кириллицей, оказавшаяся под израильским небом, ставит перед взявшим ее в руки вопрос: почему? Почему здесь? Ответа мы можем не дожидаться никогда, строя разве что догадки о чьей-то персональной истории. Расскажу об одной книжке из моей небольшой коллекции.

Началось это четверть века назад. Занимаясь русской поэзией начала XX века, я, как и некоторые другие представители моего филологического поколения, любил бродить по закоулкам бывшего литературного процесса, без видимой цели листая журналы, газеты, альманахи с причудливыми названиями, ускользнувшие от внимания библиографов. Иногда я натякался в них на стихотворческие курьезы и раритеты и сообщал Гаспарову. И как-то Михаил Леонович отдалился не виданным и не слыханным мной до того сборником «Тетрадь первая кружка “Адская мостовая”», Москва, издательство «Мост», 1922 год, 56 страниц. В указателе Н. П. Рогожина «Литературно-художественные альманахи и сборники. 1918–1927 годы» он не числился, а указателя дополнений (Богомолов Н. А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. М., 1994) тогда еще не существовало.

Подарок был с подтекстом: что может историк литературы сказать о сборнике стихотворений, подписанных ничего не говорящими даже завзятым книгоочем именами (возможно, псевдонимами) – Наталия Ли, К. Никольский, Ц. Крон, Т. Шовен? И что знает историк акмеизма о сонете некоего Н. Бржевского, обращенном к Н. Гумилеву:

Æèèäö èàèèð-òí í äíííÿòí úð ñòðàí

Ñ ääèäèè è ÷óæèì è èì áí àì è.

Ääá äðíÿò çáðè ñ ääòñèè è äèçàì è

È íí-úð ííáí èì äàòñÿ òóí àí.

Òàì æèè èíäà-òí ñòðàóí úé äèèèáí -

Äñ èíèáóí çáí ðíæèè ñòèðàì è.

Í í ñòæ ðó-í úì è íñèèèÿñ ñí àì è,

Í í äèèá á í ääñèçàí í úé íáí àí.

В ñèóó äðí àò òáñèð Óäàòíá

Äçðàíáí í úð á èäèäá ñèçáí-í íñ í ääí,

Ääá ñäòÿòñÿ äèçà àí òðíííòäñí,

È äèèçè è íá òáñé íáí ñòèæé úé çáá

Èñèàò äèú íáí ííÿòí úð æáí ÷óñá

Í ääáíí íñ íáí äðèè äèäñí

Сборник открывался анонимными декларациями с нержавеющей стилистикой домашнего литературничанья, вроде сегодняшнего живого журнала:

Í à i'èi'ùääè òóóèèè ææòúé ääç

È á ññ ðæá äñòääèèè ÷üè-òí èèòá

B í ðíááñé çíæéí ùá ñò ðáí èöù.

Áää äí òèáí ñò ðáí í úé ðíéíáíé ðäññéäç

È æèääè í ðí ðáçí í äí í äæææ í úó æèäç

È äí ä óò úá í ñò ðúá ðäññ èöù.

К этой же теме – эпиграфы из Альфреда де Мюссе и Оскара Уайльда у Наталии Ли и неистовая любовь к Рабиндранату Тагору у последнего из представленных в сборнике, Т. Шовена:

...Çà Óðúáí í é á í äðúééá

Áíí òàì, ää äúäòññ äúì èç èäèèè ì ÿñ èèä,

B á èí ì í à ò á æ è ä ä Äñò ú ÷ æ è, äñò ú ññ ð,

äñò ú áóèèè.

O, je vous prie Í í é ä ä ì ! Áí ò ä ä ì ì ÿ ð é ä

...B áóúó ääí ú è í í ÷ ú - äí ðáí í ä ä ð ä ññ ä ò ä,

Í í è ä ì í á í í ä í é ä ä í ú í á ä ð ñ è ò ñ ä é ó é í ð,

Ó ä í ò à ò ú ñ ç ä ò ÷ è ÿ è ð ä ñ è ä í ä ñ ñ í á ò ä

È äñ ò ä ä ÿ ÷ è ò à ò ú ä í æ ä ñ ò ä ä í í ú é ð ä ä ð

...Í í è ð ñ ñ ñ - è í ì ó ó í ÷ á ç í ä ò - è í ä ì í í á í ä ä í.

Áí ð ð, è ä è ç ä ð ä ä í, ññ ð ä ð, è ä è ñ ñ ä ÷ ä

È ñò ðí ÷ è è ÷ ä ò è è ä - í í ÷ ò è ð ä ä è í ä ð ä í à ò ä -

Ñè ä ä ð ð á ÷ ä ñ ò ú è ð ä ä è è Ä - ä ä ññ ä ð ÷ ÷ ä

Стихи безнадежно любительские, и глаз в таких случаях цепляется хоть за имена собственные, за прописные буквы. В этой книжке читателя советской поры останавливала подпись: «1921 г., Бутырки» под стихами о тюрьме Ц. Крона:

Ñäíò ÿéäéò ðè ÷ äññéé çéíáí úé

Á è ä ì ä ð ä í ä ç ä é ä ñ ð è ò.

È í æ ä ð ÿ ä - ñ ä ð ú é è ñ é í ð ä í ú é -

Á ä ð ä ä ä ç í é ä í ñ ñ ä ñ ñ è ò.

Á ä ä ä ð ñ ñ ñ ñ ñ ò ÷ è ò è í ð è ä í ð í ú é:

«Ñò ä ð ñ ñ ò ä! Ç ä è è í ÿ ò è í ñ !»

Ἰαεεαῶ εἶβ- ἀαδῶαῖαῖ ὀίτ,

Αἰτῶαῖ μῖ τῆεαῖ ἔδῶαῖ.

Книга при этом не только была «Р. В. Ц. Москва, № 1410», т. е. разрешена военной цензурой, но и отпечатана в типографии ГПУ, Большая Лубянка, д. 18.

Перед тем как расстаться с книжкой, Гаспаров кое-что из нее выписал. В его «Записи и выписки» попала лихая фраза «Новейшая поэзия разделяется на два вида: стихи, которые читать невозможно, и стихи, которые можно и не читать» и четверостишие Н. Бржевского, образцовое для уже умильного кича мурлыкающих двадцатых: «Вечерами в маленькой кофейне / Матовые светятся огни. / Перелистывая томик Гейне, / Тонкую страницу поверни».

Я попытался узнать что-нибудь об именах авторов. В библиотечных каталогах нашелся из них только Цезарь Маркович Крон, автор книжки 1926 года «Частная торговля в СССР. По материалам Сов. Съездов биржевой торговли». (Это уже потом из материалов «Мемориала» мне стало известно, что Крон Ц. М., 1896 года рождения, беспартийный, арестовывался по делу социал-демократов, а в 1937 году расстрелян в Дальстрое.) Значит, по крайней мере не все имена в сборнике – псевдонимы.

Прошло немало лет, и в Пушкинский Дом поступил архив Павла Лукницкого, в 1920-х годах собиравшего всё о Гумилеве. Среди этой коллекции была и машинопись недопечатанной (недописанной?) статьи «Станный паладин», некролога Гумилеву, назначение которого не очевидно – то ли он предназначался для домашнего распространения, то ли автор наивно готовил его для официальной печати:

1921 αἰ ἰτῆνδῆα ὀδῶε-αῖεεῖ αῖγ δῶνῆε ἰτῆε. - ὀτῆετ +ὀί μῶαῖ ἰ ἰτῆε ἰτῆ ἔτῆεβ-ἔδῶαῖτῶ ἀαδῶαῖεγ Ἀε. Ἀῖε, ἔαε αἰδῶ ἰ ὀδῶε-αῖεεῖ αῖαεῖ Ἀοῖ ἔεαῖ αῖεῖτῶ ὀαδῶεῖ ἰ ἰαδῶαῖ αἰδῶ ἔνδῆ ἰ ὀεβῶαῖε ἰτῆε.

Ἀοῖ ἔεαῖ ἰτ-ὀε δῶαῖεε Ἀῖεα ἰτ αἰδῶῖ εἶεβ ἰ ἰ ἔδῶαῖ ὀδῶ ἰ ἰτῆε ἰ Ἀαβ ὀεδῶαῖ ἰ ἰ ἰ 1905 αἰα, αἰ ἰδῶεα ἰαῖδῶεε ἰδῶῖα «ἰ ὀδῶ ἔτῆεαῖαῖδῶα». Ἀἰαῖ ἰαῖαῖδῶαῖτῶ ἰτῶαῖ ἰ 1905-6 ὀαδῶεὀαδῶεβῶῖτῶ ἰεῖτῶ ἰ ἰ ὀεαεαῖεαῖ ἔ ἰτῶαδῶεῖ ὀ ἔ αἰ-ὀδῶῖε ἰδῶ Ἀοῖ ἔεαῖ, ἰαῖεαῖεῖ- ἰμῶαῖ ἰ ἰ ἰαδῶῖ ἰτῶαῖ - ἰδῶῖεῖ ὀδῶε ἰετῶεεῖ, ἰ ἰ ἰτῶεδῶεῖ ἰτῶα ὀεδῶεῖ ἰ αἰτῶαῖ -ἔδῶβῶε ἰ ὀεεεε, ἰ δῶῖεῖεὀεαῖαῖεῖτῶ ὀῖτῶα ἰεῖδῶα ἔ αἰαεαῖτῶε «ἰ ὀε» ἰ αῖεεὀ εῖτῶαῖ αἰ ἰδῶ ἰδῶεδῶεῖ Ἀῖεαῖ ὀεδῶεαῖ εῖαῖδῶῖτῶ Ἀοῖ ἔεαῖ, ὀαε, αἰδῶ-αἰ, ἔ ἰδῶαὀαῖτῶ ἰτῶῖ ἰ αῖγ ἰαῖ ἰτῶε, ἰ ἰ-εἰαὀῖτῶ αἰαε ἰ ἰ «δῶ ἰ ὀε-αῖεεὀ ὀαῖδῶα» αἰ, αἰαὀαὀεὀ ἰ 1908 αἰα ἰ ἰαδῶεα, ἰ ἰ «εἶτῶ-ὀαῖα» - ἰαῖδῶεα, εἰδῶῖε αἰ ἰδῶεε ἰ 1910 αἰα ἰ ἰτῶαῖ ἰτῶεῖαῖεε «ἰεῖδῶεῖτῶ» - ἰαὀαῖδῶαῖτῶε ἰτῶαῖεε δῶῖεε ἔ ἰτῶαῖ ἰ ἰδῶαῖε ἰετῶεεῖα.

На машинописи П. Лукницкий пометил: «1921? 1922? Кто писал?» Но на обороте последней страницы есть помета «Н. Д. Бржевский. 1921». Лукницкому это имя ничего не сказало, а обладателю книжки «Тетрадь первая кружка “Адская мостовая”» оно уже было сообщительно.

В конце девяностых Гаспаров приехал в Иерусалим на конференцию. Выдающийся филолог XX века вел себя на Святой земле, как и на любой другой. Смотреть достопримечательности не стремился. «План Старого города, как и план древних Афин, у меня в голове», – объяснял он пристававшим. Оживлялся, когда доходило до профессиональных разговоров. Я рассказал ему уж не помню о какой не весьма значительной историко-литературной проблеме, сказал, что есть у меня два свидетельства, но, может быть, этого мало для выступления в печати.

– Да, – жестко сказал он, – должны быть три точки.

Третья точка в истории московской книжки пришла спустя еще несколько лет с лотка на блошином рынке в Яффе. На лотке лежали книжки на разных языках. Русская была среди них одна. И это были стихи. Титул: Т. Шовен. Повесть. Петроград, 1921. 32 страницы. Тоже «Р. В. Ц.». Типография с не менее эффектным названием, чем Главное политическое управление: типография «Кадима», Птгр., Вас. остр., 5 лин., 28. Книжки, печатавшиеся в этой типографии, не обязательно были сионистскими, выпущенными издательством «Кадима» в 1917–1923 годах (С. Дубнов, Т. Герцль, Б. Борохов и многие другие), – любители русской поэзии помнят, что в этой типографии напечатаны «Соты» Анны Радловой.

В книжке Т. Шовена содержались опоздавшие на пятнадцать лет дерзания, отчисленные из литературы вскоре после того, как двадцатилетний Гумилев подражал Валерию Брюсову.

ПРИХОТЬ

Òàðü Èáñ íé, ñáñáðñáñé ì ðñéàçí èé,

Í íáñéòáñü è áññü è çáðñé,

Í àì áñòðñéè ò ñðéáñòáñí íúé ì ðàçáñ èé

Â ÷áñü ñáñéò ì íéñáñü áñ÷áñé.

È ðáññéè, è ÷áðñé, è èðáé

Ááññéèèññü èáé èáñéáñé áñðàçá

Í íáááñéèññí í à èðáñáñí ñéðáá

Í í íá òñí èéò, èçññéáñí ñüò ÿñòá

×áñí úé ñññéç èáñ èðñéñéèá,

Â áññéñí èééá áñéññé í áòñí ñññü

È èñðéáòü èç áñññáñ èéá,

È í íáñéáðñí íúé ñññéèé òí ñññü

Áññéñ í íáññí áñ áñéáñü,

Í íáññí áéè á ÷áñü ì ðàçáñ èéá ì ñ

Ááññü òáñòñá - ñáñáðñéñü è áññé -

Í ñññí úé ñññáñí çáñññéñé èè ñ.

Í ñ èðñí ñéó èç ðñçáñé ááçñü

В ñññáñéè è çáñññéòáé á èáðñí áñ

Èñðáñ ñññéáéñáñ çáñññü ì ðñéàçñü,

Í ðéáñññéòí úé ñññí ÿññéè áñññí áñ.

Áññí à áññáñé ðñéñáñí íé ì ðéñí òáñññí

Í íáññí áññé ÿ òðé èáññéè á áññéè.

...Áññéè ñññáññü ñññáçáññéñí íé ì áñññí

- Ýòñ ñññíññí ñññáññü ÿ çáññé.

Á ñññáññü áññáññéóññé è òéðñí.

Çáçáçñü ñññí ñññéò, çáçáçñü, í à í áñññí

Ἦ: ἀπόδια ὀϊεῖεῖτ ἰ εἰ σὸ ἰ αῦ ἰ δεῖ ὀ οῦ

Ἰ ἀδὴ εἰ δὲ ὀ ἰ ἀπὶ ἀσέε ἀπὸ ἄεας

Судя по переплету и по семизначной цифре на титуле, книга хранилась в одной из общественных библиотек, откуда была списана, или украдена, или зачитана.

Книга не числится в указателе «Русских поэтов» А. К. Тарасенкова. Ее нет в Российской национальной библиотеке (в прошлом – Публичке).

На яфском экземпляре (существуют ли другие – пока не очевидно) под эпитаф из Рабиндраната Тагора («Рука в руке и очи в очи: так наша повесть началась») вклеена фотография – видимо автора, в студенческой форме. То ли сам «Т. Шовен», поклонник Рабиндраната, достиг Земли Израиля, то ли кто-то из близких ему читателей (читательниц)?

Бывает, что вопрос интересней ответа. Не знаю, согласился ли бы с этим Михаил Леонович. В книжечку свою записать мог бы.

ДВА ПОЭТА

Владимир Хазан

В 1920 году в Палестине оказался русский моряк Глеб Алексеевич Боклевский, выходец из старинного дворянского рода, внук академика живописи П. М. Боклевского (1816–1897), известного иллюстратора произведений Гоголя и многих других русских писателей. О том, каким образом отпрыск аристократической православной фамилии попал в Святую землю и какие планы он с ней первоначально связывал, история умалчивает. Известно только, что в составе Добровольческой армии он воевал на Юге России и эвакуировался вместе с ней, разделив трагическую судьбу сотен тысяч россиян, ставших вольными или невольными изгнанниками. Правда, в отличие от основной массы, устремившейся на Запад – в Германию, Францию или Америку, осевших в Болгарии или Сербии, Италии или Англии, Боклевский избрал Палестину. Евреем он становиться не собирался, но имя и фамилию, согласно бытующему здесь обычаю, сменил и стал Арье Боевским.

А. Агеевичев (1888) поэт и журналист. Его и ад-агеев о-еетва

Агеевичев ад-а

1912 г.г.

Проработав в глуд а-авойда (трудовая коммуна) в иерусалимской каменоломне, на строительстве дорог в Галилее, рыбаком на Кинерете, в середине 20-х годов он перебрался в Тель-Авив и до конца своих дней принимал активное участие в возрождении еврейского морского флота: был инструктором на курсах Бейтара, преподавал в Морской школе «Звулун», строил тель-авивский порт, учил корабельному искусству кадетов Еврейской морской школы в Чивитавеккии (Италия) и пр., и пр. Жизнь его неожиданно оборвалась в 1942 году в больнице «Хадасса» в Иерусалиме, куда он попал в результате сильной простуды. Заслуги этого «гоя-сиониста» были по достоинству оценены – его похоронили на древнем еврейском кладбище на Масличной горе.

Боклевский/Боевский обладал несомненным литературным даром – писал стихи, прозу. Несколько его повестей, переведенные на иврит Александром Пэнном, ставшим со временем известным израильским поэтом, были напечатаны в еврейской палестинской печати.

Александр Пэнн (1906–1972) родился в Якутии, в Нижнеколымске, воспитывался без родителей, у деда, после смерти которого в десятилетнем возрасте начал скитаться по России. С 1920 года он осел в Москве, окончил здесь среднюю школу, учился в Институте слова, занимался в кинематографическом техникуме. Особое место в его жизни занимала русская поэзия – он писал стихи сам (стихотворение «Беспризорный» было опубликовано в журнале «Крестьянская нива»), боготворил современных ему русских поэтов: С. Есенина, Б. Пастернака, в особенности В. Маяковского, что впоследствии нашло яркое отражение в его поэтике и переводческой деятельности. В 1927 году Пэнн покинул Россию и переселился в Эрец Исраэль. Иврит изучил уже здесь, и изучил в совершенстве, так что стал писать на нем стихи. Жизнь в России еврея Пэнна – почти полное незнание еврейских языков и традиций – на первых порах палестинской жизни практически уравнивали его с русским Боевским: отсюда, возможно, общность настроений в их стихотворных опытах. Они подружились.

Записная книжка Боевского, сохранившаяся в его архиве, знакомит с одним эпизодом из их, возможно, более частых и многообразных поэтических бесед, которые можно было бы назвать поэтическими дуэлями. Записи относятся к 1932 году. А. Пэнн пишет Боевскому стихотворение «На память»:

Ōî òü á ðàçèèáá áááüèèð èáò òîî èñüü
È ñî áñàòüññ ñò àðàèññ îð-àýííí -
Í áíîî íæáò: íá-æüü äý èáòîî èñüü
Í àí á íáñèáüñò áí áññò àèáñüü
î ò Èàèíà
È í íáñáò áááò íáñíí òðáíñáí è,
Èí íááà òñèáæááý òáí òàçèáé,
Í èèáèè è óæá áññüí áíñáí è
Ðàçáýçàòüí ááñçì íæíí
«ááí ò» Áçèè.
çà áíñàòñò áí íá èóíèèèüí íéíé í è á èíí .
Ýòí áñüü è í áááé óò ðá-áíí .
Ðàçáá òíèüèí ññ íéíéíüí ííéíéíèèí
Òèèèíó íáðññòè íáí íáçíà-áíí
Í èèáèè è èóüðýí è ðáññáòíüí è
Í á ðàçáúèèèü áíæíð ííýçèè.

À. Ìyíí.

Нельзя не отметить, что экспромт Пэнна, ценителя и знатока русской поэзии, содержит несколько хорошо узнаваемых реминисценций из нее: несомненную есенинскую – в строчке «Это всеми навек утрачено», сравните у Есенина в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут»: «Что-то всеми навек утрачено»; а «наследие Каина», возможно, отголосок гумилевского образа «потомков Каина». Что касается составной рифмы, когда к рифмуемому созвучию стягивается не одно, а несколько слов («лет топись – летопись», «нас он трансами – ассонансами», «фантазией» – «“бант” Азии», «покой ни в ком – покойником»), то здесь, без сомнения, чувствуется влияние манеры Маяковского. Если учесть, что целый ряд текстов самого Боевского написан с использованием этой самой составной рифмы, похоже, что и в его случае мощным источником стал поэтический опыт «агитатора, горлана, главаря». Не исключено, что данное влияние проникало через Пэнна, который в Палестине, а затем в Израиле был вообще одним из главных пропагандистов и популяризаторов советской поэзии, Маяковского в первую очередь. В политическом плане, после образования государства Израиль, это логически завершилось его вступлением в Коммунистическую партию и редактированием литературного приложения газеты коммунистов «Кол а-ам» («Голос народа»). Возможно, поэтому свой ответ Пэнну (стихи так и названы «Мой ответ») Боевский начинает с обращения к нему как к «учителю», несмотря на то, что был, между прочим, на 15 лет его старше. Боевский пишет:

I

Àðàé è è:èòæüí èèúé!

Ðàòáí ò Òàíé ý çí àþ àááí í:

Íí æàñèò: «Í á òðàòü éóí á ñèú,

À ñí òñèàéñý í à áí í».

Í à áí á ò àí - àþí ú è æááú

È :áðè á í íááí áí í é òðááí

Òàíé ðàòáí ò áñè òñý æý ñèááúó,

À ý áúé ñááòñò áá - í éí ááó

È, òèèááúò üáð í áðàñèáýí í ú é

(Èàçí ú áéý í áí ý - áðóí áá!),

В Оа́та «І а́ннәәәә Еәәі́а»

І

deiei ap ioi oi a aad

...Aaeu i te adao iaeei ue!

Neeu ae ia iateo Die:

Eaei iao aaeio

I aeuy i ddaou eae iadi...

Проблема версификационных тонкостей и деталей, однако, оказывается побочной в том споре, который вели между собой собеседники – при всей безусловной ироничности того и другого нельзя, однако же, не слышать тревожных интонаций в стихах обоих. Рецепт – расслабиться и не помышлять о попытках превозмочь трагические архетипы истории даже с помощью такого сверхмощного оружия, как поэзия, хотя и встречал волевое противодействие: «Твой рецепт годится для слабых, / А я был с детства – пловец», по существу оказывался не только не опровергнутым, но даже как будто еще более усиленным строчкой «Сильней нас обоих Рок». В контексте душевных терзаний Боевского, пришедшихся на то время, к которому относится данный диалог (его жена-еврейка, на волне разочарований в сионизме, уехала вместе с ребенком в Советский Союз), стихотворный ответ и вовсе звучит как выражение раздвоенного сознания автора.

Мы не располагаем обильным материалом относительно дружбы и творческих контактов двух поэтов. Как было сказано, Пэнн переводил на иврит прозу Боевского для палестинской печати. Так, судя по всему, ему принадлежит перевод приключенческой повести «Ягломей Офир» (Богатства [дословно: драгоценности, алмазы] Офира^[1]), напечатанной с продолжением в семи номерах тель-авивской газеты «Итон а-меюхад» в 1938 году. Кроме того, следует полагать, что опубликована и повесть Боевского «Нереида» в переводе Пэнна, которую нам, к сожалению, разыскать в ивритской прессе пока не удалось. Ее рукопись сохранилась в архиве Боевского вместе с приложенной запиской, адресованной некому переводчику Шурке, который, судя по тону письма, был одним из близких друзей автора. По всей видимости, этим «Шуркой» являлся не кто иной, как Александр Пэнн. Боевский писал ему:

Oréni [sic], Oóda! I i nteap Oaia yoi, aidaaeayni yatei Niéiáa, i a n e u i a a a d e u a i i i a a n e u i a a i i a d a e a i e y. O d o o i o u i a o n o d a e u a u, i i a n o u a a d i e : a n e e i i e e o a e i e e e e e e e d r o e e a e a e i a a : e e, e i i o d a a i a e n o u. A o i a p, = o i f a a a a d o e y o i a a a i a e u i i... A i i o r n o a o i e : a n e e : i q, O a i a y o o d u e i i e n i a e a o a « Y a a » a i n o a a e o. A e a e i i i i a a i n o a a e o O a t e i a d a a t a a « A d a d a o »? B a u i a p, = o i f i a d a a o a i, e a e i o i d a a e o u « Y a a i » d u e i i e n i, = a d e i e o u i i a i i a e o : o a i, i o e d u o e o a « A d a d a o ». O r a a y i d e a o a « Y a a » i a a d a e a a i u e e a a a d o o i e a. E a i y o a e e a i i n e a i e y i o i d a a e y o u i i i i : o a o a e i e e a e i a a i i d a d a i a o a a o e o. E i n o a e, a n e e f a a a a d a a a o d u e i i e n i o a e e e i i, o i y o a d a i, = o i f i i a : i a o o u a i e o u e a i i a a a o, i a a d i a : a o u d a i o d u a e a, a n a a d e e e n i i a o d e.

I a i i e i a p o i i n o a e i i a A d a d a o a i i n e a O a i a a i o u i a a. E i a e o a i a i d a a e o u e i a : a i i a t e. N e a y o i n e d i o a e u a a a d e, - a n y e t e o a a d e i i i a d a, - i i e e a i a i u p o e o d a a i i a u e i e p o... A o i a a i a A d a d a o, a a d a A o i i n e a y. I i i d a a e y e n y n e i d a a A i n o d a o e o u A i o r a o - i e e e e i i e e e i i a i a

A i i a a. A e i a

A e a a

^[1] I o e d - o i i e i a a i a y a A e a e e e n o d a i a, e a a i o i a y n a t e i e i a n a a o i u i e a i a a o n o a a i e (c i e i o i i, a d a a o a i i i n o y i e) : « E i o i d a a e e e n i i i e a I o e d, e a y e e i o d o a a c i e i o a : a o u d a n o a a a a a o u o a e a i o i a, e i d e a a e o a a p N i e i i i i o » (I I I O a d 9 : 2 9) ; « E e i d a a e u O e d a i i a e i o i d u e i d e a a e e c i e i o i e c I o e d a, i d e a a e c I o e d a a a e e e i a i i i a e a n o a i e d a n i i a a d a a a e a d a a o a i i u o e a i i a e » (I I I O a d 1 0 : 1 1) . I o i : i i i a i i a d a o e : a n e i i i a n o i i a o i a e a a t e e I o e d a a i a o e a e a o n i i d u, d a c i u a o : a i u a a u i e a c i a a p o i a n o i a i u a i i a e y : N i i a e e e n e i a i i a a d a e u a A i n o i : i i e A o d e e e, P a e i a y A d a a e y, E i a e y. I a : e i a y n a a i a i o a o y A a e a a, Y d a o E n n i y e a a e a o i d a a e p n I o e d i i .

^[2] «*Yaa*» – ààò íáúú ày èí ì áíèy, çàí èì ààò àyííy á òí ààú ý òàçáí çéí é ì í: òú.

У ИЕРУСАЛИМСКИХ БИБЛИОФИЛОВ

Леонид Кацис

В жизни русско-еврейского библиофильского сообщества в Израиле – третий за последние годы праздник. Вышел в свет третий выпуск альманаха «Иерусалимский библиофил». Этот хорошо оформленный более чем 500-страничный том, как всегда, содержит массу полезных материалов, сообщений и, что немаловажно, иллюстраций. А сам факт, что Иерусалимский клуб библиофилов существует с 1993 года и альманах клуба выходит в свет с 1999-го, заставляет присмотреться как к клубу, так и к альманаху повнимательнее.

Ведь феномен клубов такого рода – явление, напрямую связанное с определенной культурной ситуацией в СССР второй половины прошлого века. Тогда клубы библиофилов представляли собой достаточно закрытые сообщества тех кругов советской интеллигенции, которые имели доступ либо к добыванию (именно так!) книг в условиях тотального книжного дефицита, либо к потоку книг в сети букинистической торговли.

Отсюда и некоторые специфические виды коллекционирования, типа собирания полных серий «Библиотеки поэта» или «Литературных памятников»: трудно представить себе читателя, которому действительно были бы интересны абсолютно все издания этих серий.

Более продвинутый вариант собирательства представляли собой коллекции книг издательства «Academia». Кстати, невозможность перевозки в Израиль полных комплектов подобных собраний – частая тема мемуаров, публикуемых в иерусалимском альманахе. Однако в данном случае необходимо помнить не только о высочайшем уровне изданий старого советского издательства, но и о некотором диссидентском флэре, который окружал собирание книг, выходявших под эгидой расстрелянного Л. Б. Каменева или подготовленных репрессированными представителями той старорежимной интеллигенции, которую изобразил Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» и которая жила в районе Пречистенки, откуда пошло название группы московских старорежимных интеллектуалов.

Не забудем, в те годы в издательстве «Книга» выходили очень неплохой «Альманах библиофила» и замечательное, но еще более «эзотерическое» издание «Памятные книжные даты». А заседания библиофилов Москвы проходили в не самом доступном для широкой публики Центральном доме работников искусств. Здесь мы не будем говорить об Обществе любителей книги: эта официальная организация, дававшая приют библиофилам, во многом представляла собой просто клубы покупателей книг. Хотя, возможно, в провинции она выполняла отчасти иные функции.

Наиболее закрытыми были круги настоящих, «профессиональных» библиофилов, собиравших порой ценности музейного уровня и хорошо знавших друг о друге.

Следует сказать, что Иерусалимский клуб библиофилов, как и многочисленные его аналоги в местах расселения русско-еврейской диаспоры, отчасти вынужденно, а отчасти закономерно объединил в себе практически все уровни бывшего советского библиофильства. Единственное, что выделяет иерусалимский клуб, – это предсказуемый национальный состав его членов, с одной стороны, и явно недавнее обращение именно к еврейской и русско-еврейской книге, – с другой.

Эта ситуация объясняет многочисленные особенности всех выпусков альманаха. Проследим это на примере третьего из них.

Открывается альманах интересной статьей Инны Рубиной «Дневники и письма Теодора Герцля: от архива к изданию», посвященной работе над семитомником писем и дневников основателя политического сионизма.

Следующая статья принадлежит перу главного редактора альманаха, руководителя Иерусалимского клуба библиофилов и его летописца Леонида Юниверга. Читатель, знакомый с работами этого автора, встречается с главным героем творчества Юниверга, издателем И. Кнебелем. Любители книги хорошо знают вышедшую в Израиле монографию Л. Юниверга «Издательский мир Иосифа Кнебеля» (1997).

Очень интересна и занимательна статья Т. Друбейской «“Чук и Гек” в степях Негева: К истории перевода русской и советской детской литературы на иврит». Причем речь часто идет не столько о переводах, сколько о переделках применительно к реалиям Палестины и Израиля советской детской классики. В этом смысле название статьи полностью соответствует ее содержанию. Однако раз уж речь идет о сугубо библиофильском альманахе, упомянем и одну маленькую неточность в статье. При перечислении ряда изданий детской литературы автор указывает, что «известны также переводы детской поэзии Чуковского, сделанные в конце 80-х годов школьницей А. Якир». Между тем перевод на иврит «Мухоморок» был издан в самом начале нашего века, но не в Израиле, а в Минске (так!).

Этот небольшой библиографический пропуск достаточно знаковый. Он демонстрирует начало отрыва израильских библиофилов и книговедов от своего бывшего географического и интеллектуального пространства: очевидно, невозможно предположить само существование подобных изданий, поскольку о них в Иерусалиме нет информации.

Наиболее живым и информативным разделом 3-го выпуска альманаха является материал «Из истории русского книжного дела в Израиле». Важно, что во многом он создан по воспоминаниям представителей алии 1970-х, еще помнящих тех, кто к моменту их приезда сохранил культуру русской книги и книжной торговли в Эрец Исраэль, кто помогал воссоздавать уникальные библиофильские собрания, которые советская власть изымала у владельцев либо вынуждала продавать посредством различных таможенных запретов.

Грустная нотка, связанная с этими воспоминаниями, окрашивает практически все материалы раздела. А здесь и статья Эры Мазовецкой «Книжный магазин Болеславского», хозяин которого Лев Болеславский ушел из жизни в 1974 году. Речь в статье идет также о продолжателе его дела Саше Аргове (1914–1995) и о прекращении работы этого знакового для своей эпохи тель-авивского магазина русской книги. Интересен и яркий очерк Михаила Вайскопфа «Труды и дни Якова Вайскопфа. Записки об отце». Яков Вайскопф не только пытался восстановить свою библиотеку, оставленную в СССР, но и стал замечательным издателем репринтов книг 1920–1930-х годов. А его редкий экземпляр пьесы «Чужбина» З. Жаботинского лег в основу переиздания этого текста со статьей М. Вайскопфа уже в 2000 году.

Характерной особенностью «Иерусалимского библиофила» можно назвать ту свободу, с которой его авторы говорят о своих ощущениях от деятельности тех или иных коллег. Так, восторженной оценке Саши Аргова в статье Э. Мазовецкой противостоит куда более сдержанное высказывание М. Вайскопфа. Но именно подобный контрапункт усиливает ощущение реальности воссоздаваемой книжной жизни русского Израиля в период до Большой алии 1990-х. Рассказ об этом продолжается в публикации В. Френкеля «Изя Малер и другие (К истории русских книжных магазинов в Тель-Авиве и Иерусалиме времен алии 1970-х)», где затрагивается не только деятельность легендарных уже Якова Тверского (1912–1993) и Изи Малера (1943–1997), но и активность советской «Международной книги», которая заслуживает специального исследования на всем пространстве ее деятельности в мире русской библиофилии.

Ленинградские библиофилы.

Нельзя не упомянуть работу главного редактора альманаха «Книжная лавка Бориса Клейнера (К истории русской книжной торговли в Хайфе 60-х – начала 90-х годов)», расширяющую тель-авивско-иерусалимскую зону русской книжной жизни Израиля. Статья Хаима Вегнера посвящена судьбе издателя Руди Портного, чье серебристое издание сборника произведений Мартина Бубера «Веление духа» (1978) для многих и многих стало открытием этого философа.

Свои многочисленные публикации о Софье Прегель, печатавшиеся в том числе в «старом» «Еврейском книгоноше», продолжает В. Хазан, рассказывая о невеселой книготорговой судьбе ее сочинений в Израиле. Знаком читателям «ЕК» и автор работ по истории еврейской библиографии р. Менахем Фельдман, публикующий в 3-м «Иерусалимском библиофиле» продолжение своих исследований на эту тему.

Две работы – Е. Ильиной и Н. Зейфман – посвящены традиционно библиофильской теме инскриптов, надписей на книгах. В первой статье публикуются инскрипты Ю. Гессена, И. Членова и других, сохранившиеся в Еврейской национальной библиотеке, а во второй – разного рода надписи Вениамина Каверина, адресованные автору статьи, помогавшей писателю в разборке его архива и подготовке его поздних книг, основанных на многолетней переписке.

Ряд публикаций посвящен истории книжного дела и экслибриса в СССР. Как всегда, обширен блок поздравительных и мемуарно-некрологических текстов. Авторы альманаха не чувствуют себя оторванными и от библиофильской жизни России, публикуя многочисленные рецензии на сборники своих коллег, вышедшие в России, Прибалтике и в других странах. Как всегда, остроумны и точны мемуарные и аналитические заметки знаменитого библиофила Марка Раца, а также заметки выдающегося знатока экслибриса Я. Бердичевского, недавно издавшего книгу «Народ книги. К истории еврейского библиофильства в России».

Однако если мы имеем дело с библиофильским изданием, то не грех уточнить некоторые сведения, содержащиеся в нем. Так, в статье председателя Сан-Францисского клуба библиофилов Б. Розенфельда републикуется стихотворение «Спор двух раввинов» («Вольное подражание Гейне»), подписанное неким Матовым. Автор предполагает, что за псевдонимом скрывался Сергей Саввич Мамонтов. Спорить с этим не приходится – перед нами исследовательское предположение, имеющее право на существование. А вот комментарий к веселому и интересному тексту требует серьезной корректировки.

Прочитируем стихи:

Ḍāā Ī ācā n̄ōōḏā āī īī-ē

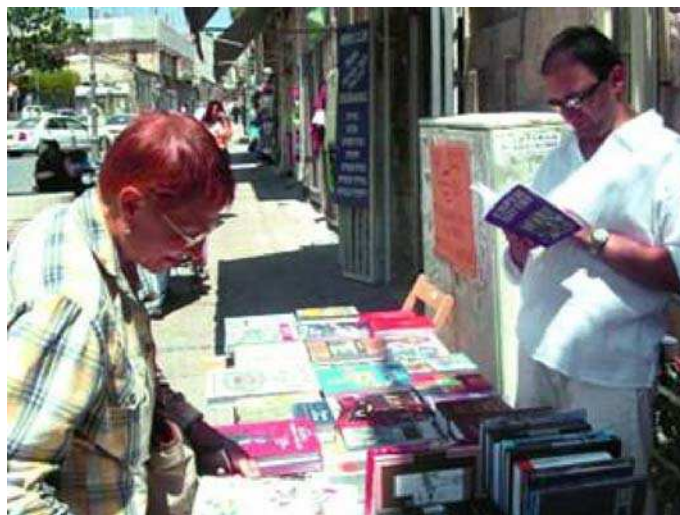
Āīāīḏēē (īōī ḥāū īā n̄ōī)

Î Êââââââ è Âââââ
Î ñëíáâð à «Õüéüâí Áððüâ»,
Î «Çíâðâ» è î Áâððâ
È î Îíââî çâéíá
Ïíâ éííââ, ñâââââââ â î âðîí,
Ïî ÿí üé î Õíâððüâ
Òòò Õî âéíâ âñéí-èâ, èâé áóðü,
Âíçííéé, íââî óðü áðíâé:
Çíâ-èò, âí âððâ ñ Õíâððüâ ïí
Âü õíðèèðâ âüí èòü èðíâé?!

К фамилии Шнеерсон дается такой комментарий: «Имеется в виду, вероятно, Ицхак Шнеерсон (1879–1969), казенный раввин г. Чернигова из династии цадииков, известный общественный деятель, боровшийся за равноправие евреев».

Странно, что Б. Розенфельд, цитировавший газету «Русское слово» за 24 октября 1913 года, не обратился к редкому, но библиофилам известному киевскому трехтомнику стенографического отчета дела Бейлиса за соответствующее число. Оттуда было бы нетрудно узнать, что именно говорил раввин Я. Мазе в своей речи о Беште, Межеричском магиде и о Шнеуре-Залмане из Ляд. И говорил в той же самой речи 22 октября 1913 года, когда поминал Ноевы заповеди. Что же касается Шмакова, то он мучил своими вопросами оппонента Мазе, сторонника кровавого навета ксендза Пранайтиса. И делал он это с целью опровержения доводов Мазе. И лишь 23 октября в своей судебной речи Шмаков коснулся некоего Залмана Шнеерсона, не имевшего отношения к семье цадииков Хабада, и сознательно спутал его с виленским гаоном Элияу, противником хасидов. А 25 октября, когда газета уже вышла в свет, Шмаков в заключительной части речи коснулся имени и показаний Я. Мазе. Таким образом, стихотворение из «Русского слова» могло касаться лишь событий 23 октября 1913 года, о которых мы рассказали, но никак не было связано с казенным раввином города Чернигова. А вот Я. Мазе московским казенным раввином был...

Неточности, впрочем, бывают у всех. Но когда в библиофильском альманахе встречаешься с сознательной фальсификацией, к сожалению, пропущенной редакторами, становится не по себе. Создается впечатление, что, сменив место жительства, бывший саратовский филолог С. Левин в статье о Бабеле деспорирует какие-то старые споры, доставшиеся ему еще с российских времен. Кстати, ощущение перемещения из старого советско-постсоветского пространства в Израиль присутствует во многих текстах альманаха. Здесь авторы либо наконец «дорываются» до недоступных прежде тем, либо, используя не всегда уместный публицистический пафос, затрагивают явно не свои темы. Примером этого является порой одно слово. Так, в самом первом номере альманаха автор статьи, не имевшей прямого отношения к проблеме, но затрагивавшей тему «борьбы с иностранщиной» в годы «космополитизма», с возмущением говорил о замене замечательного слова «кроссворд» неизвестно кем придуманной «крестословицей». Не претендуя на поиски первого употребления этого слова, заметим, что именно так называл словесные игры англофил В. Набоков, в антисемитизме и борьбе с космополитизмом не замеченный... Однако случай со статьей С. Левина принципиально иной. Ведь касается автор материй более чем известных и очевидных.

В частности, он дает следующее описание двухтомника И. Бабеля: «...в 1990 г. в московском издательстве “Художественная литература” вышел двухтомник “Исаак Бабель. Сочинения” (составление и подготовка текста А. Н. Пирожковой, комментарии С. Н. Поварцова, художник В. А. Векслер) – самое полное на сегодняшний день издание произведений Бабеля». За исключением странноватых кавычек у имени Бабеля – всё как будто точно. Однако далее мы узнаем, что вдова писателя, А. Н. Пирожкова, не только составила двухтомник, но и «заказывала вступительную статью». О судьбе этой работы почему-то ничего не сообщается. Между тем она вошла в упомянутый двухтомник... Это работа покойной Г. А. Белой, чей вклад в возвращение читателю «самого полного на сегодняшний день» Бабеля трудно переоценить при любом к ней отношении С. Левина.

Случайный ли пропуск перед нами? К великому сожалению, нет, нет и нет. И видно это невооруженным глазом. Ведь, приводя в своей статье цитату из знаменитой речи И. Эренбурга на вечере памяти И. Бабеля в 1964 году, С. Левин уверенно сообщает, что «выступление Эренбурга полностью не было опубликовано». Между тем в журнале «Литературное обозрение» № 1 за 1995 год эту речь опубликовал профессор Беер-Шевского университета Э. Зихер. Работу Э. Зихера над еврейской темой у Бабеля С. Левин упоминает, обходя сам факт проведения в Москве в 1994 году Международной бабелевской конференции, и участие в ней профессора Зихера, и публикации ее материалов в указанном номере «Литературного обозрения», и даже то обстоятельство, что первая полная публикация мемуаров А. Н. Пирожковой печаталась, начиная всё с того же бабелевско-зоценковского номера «Литературного обозрения», а продолжалась в следующих номерах журнала. Там же публиковались «Планы и наброски» к «Конармии», подготовленные Э. Коганом. Из примечаний этого исследователя С. Левин легко мог узнать и точные выходные данные полной публикации важнейшей переписки Бабеля с Т. В. Кашириной (Ивановой) («Октябрь», 1992, №№ 5–7), которые почему-то известны С. Левину только по публикации неполной версии в мурманском журнале «Север».

Продолжать дальше нет смысла. Укажем лишь, что неизвестная (?) С. Левину Г. А. Белая была автором предисловия к публикации фрагментов из «Дневников» И. Бабеля в «Дружбе народов» (1989, № 4) и, между прочим, организатором бабелевской конференции в ИМЛИ РАН и в РГГУ в 1994 году. Когда мы печатали рецензию С. Левина на книгу мемуаров А. Н. Пирожковой в «старом» «ЕК» (на которую С. Левин не преминул указать), мы не знали о столь интересных свойствах текстов этого автора. Жаль, что знание приходит в такой форме.

С. Левин публикует отрывки из своей переписки с А. Н. Пирожковой и ее инскрипты. В одном из писем А. Н. Пирожкова в ответ на критику С. Левиним работы коллег написала: «Вы пишете, что комментарии должны быть доработаны – так доработайте!» – этому совету автор сомнительной публикации не внял...

Разумеется, можно было бы пройти мимо «ложки дегтя в бочке меда» 3-го «Иерусалимского библиофила», но по еврейскому закону даже прикосновение к некошерному делает трэфным всю массу. Поэтому нам представляется уместным отнести работу С. Левина к жанру «Ужасные истории про книги», чему посвящена остроумная публикация Льва Шпринца, или описать ее как «чудовищный ляпсус издательства», чему посвятил свое письмо Марк Рац. А 528-страничный «Библиофил» явно бы выиграл без страниц 28–38, о которых мы здесь говорили.

Ситуация со статьей о Бабеле позволяет коснуться еще одного важного аспекта русско-еврейской жизни современного Израиля. Исследователи современной диаспорной русской литературы давно заметили, что именно в Израиле создалась полноценная, включающая все виды и формы существования русско-израильская субкультура. Здесь есть и издательства, и литературные объединения, и критика, и периодика. Многие израильские авторы публикуются в России и СНГ, получают престижные российские литературные премии и т. д. То есть их деятельность является вполне значимым сегментом современной русской культуры. А некоторое отдаление от бывшей метрополии создает замечательную литературную позицию остранения и позволяет не обращать внимания на то, относят тебя к культуре русской или русскоязычной. Однако эта же ситуация ставит русско-еврейских авторов, живущих за пределами России, не в положение единственных сказителей правды на необитаемом острове, а в положение людей, чьи тексты прочтут отнюдь не только те, кому не достался далеко не библиофильский двухтомник Бабеля, но и специалисты по русской литературе. И тогда созданный самому себе воздушный замок разрушится сам собой...

Впрочем, замечательный уровень большинства публикаций «Иерусалимского библиофила» – несомненная гарантия качества и ответственности его составителей, редакторов и, надеемся, авторов.

СИРИЯ И ПАЛЕСТИНА ПОД ТУРЕЦКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Константин Базили

В конце 70-х годов в букинистическом магазине на Котельнической набережной попала мне на глаза книга, изданная в середине прошлого века: К. Базили «Сирия и Палестина под турецким владычеством». Время было антиссионистское: наиболее авторитетному «кумранисту» профессору Давиду Амусину в библиотеке не выдали на прочтение брошюру 1915 года «Израиль в Египте». Слово «Палестина», видно, не возбранялось. Я уплатил за раритет 50 копеек и стал обладателем текста, написанного российским резидентом. Колоритным, соответствующим эпохе русским языком автор повествует о политическом состоянии региона в первой половине XIX века.

Наибольшее впечатление на меня произвели страницы о народах и племенах и, разумеется, о межэтнических конфликтах: христиане резали мусульман, друзы – христиан, шииты против суннитов. И вместе они грабили и убивали евреев. Рушились города, горели деревни, поля и сады.

Когда через несколько лет после моего знакомства с книгой разразилась очередная война на Ближнем Востоке, для меня это было продолжением уже известной многовековой распри. Накал ненависти в многонациональном Ливане вдохновлял тамошние племена по-прежнему. Даже кланы и фамилии действующих лиц были те же. Армия обороны Израиля в 1982 году вошла в Ливан, чтобы защитить свои границы.

Сегодня вновь полыхает война. И, как прежде, российское радио вещает, что все проблемы региона возникли 60 лет назад – т. е. по возрождении еврейской государственности. Но мы вновь обращаемся к беспристрастным текстам стороннего наблюдателя XIX столетия и читаем их как современную хронику.

В 1962 году книга «Сирия и Палестина...» была издана Издательством восточной литературы. Правда, в книгу не попали главы т. н. «Статистических заметок» о различных конфессиях и религиях региона, включая, естественно, и евреев.

Теперь в полном виде переиздание ставшей столь актуальной сегодня книги готовится в издательстве «Мосты культуры», а читателям журнала предлагаются отрывки как из издания 1962 года, так и из аутентичной книги года 1875-го.

Михаил Гринберг

...В первые месяцы 1845 г. разбои, убийства и злодеяния всякого рода размножились по южным округам Ливана. Обе партии, готовые к войне, обвиняли в том одна другую и попеременно являлись с жалобами к пашам. Друзы старались привлечь к себе турок воззваниями о своей покорности и преданности и тем обеспечить себе их содействие, но они не соглашались на те уступки, которые предписывала им Порта для удовлетворения притязаний христиан. Христиане хотели только усыпить внимание правительства, выставляя себя жертвами самоуправства и корысти шейхов.

Случилось, что в феврале были розданы христианам новые милостыни (около 30 тыс. руб. серебром), собранные в Австрии в пользу жертв междоусобий 1841 г. Раздача производилась чрез маронитское духовенство, и вся сумма послужила к закупке оружия и снарядов. Комитет дейрэлькамарский, с одной стороны, сочинял слезные просьбы к пашам и к агентам великих держав от имени христиан, угрожаемых злым умыслом друзов, а с другой – подстрекал к взрыву новых междоусобий в оправдание своих жалоб. Умы были до того разъярены, что семидесятилетний маронитский священник был задушен на большой дороге своими родными за то, что он в противность приказу, данному комитетом о прекращении всякой связи с друзами, навестил одного шейха, некогда его благодетельствовавшего. Всего более потворствовала видам заговорщиков безнаказанность всех преступлений, власть каймакамов была совершенно бессильна, а правительство не решалось употребить строгие меры.

По представлению консулов великих держав Эсад-паша в продолжение февраля посетил сам Дейр эль-Камар, чтобы лично исследовать расположение умов на Ливане и предупредить взрыв. Везде встречали его со знаками покорности и неллицемерного уважения. Народ среди всех своих треволнений умел ценить личные качества, ум, строгий нрав, беспристрастное и бескорыстное правосудие Эсада, благороднейшего, едва ли не последнего типа турецкого вельможи старого времени. Всё христианское народонаселение Дейр эль-Камара вышло к нему навстречу в полном вооружении, а при въезде его в город женщины и дети на террасах домов пели песни в его честь, сыпали цветы по пути его и опрыскивали его розовой водой. Старшины положили к его ногам свое оружие, объясняя, что они дерзнули идти к нему навстречу вооруженными, во знамение постоянной тревоги, в которой проводили они жизнь в горах, под страхом злого умысла друзов.

Всё это было заучено. Христиане старались теперь выказать себя усердными и верными рабами, чтобы склонить на свою сторону весы турецкого правосудия. Порта не сумела воспользоваться обстоятельствами, столь благоприятными для утверждения своего законного влияния в горах. Поездка Эсад-паши в Дейр эль-Камар, его советы, обещанное им правосудное внимание к обоюдным жалобам христиан и друзов произвели спасительное впечатление. Но в это время Порта сменяла Эсад-пашу и предписывала ему ехать немедленно в Бурсу, место, назначенное для его ссылки.

Отъезд Эсада и прибытие его преемника Веджиги, управлявшего дотоле Халебским пашалыком, послужили будто сигналами к открытию войны. И первые пожары ливанских селений загорались в виду Бейрута.

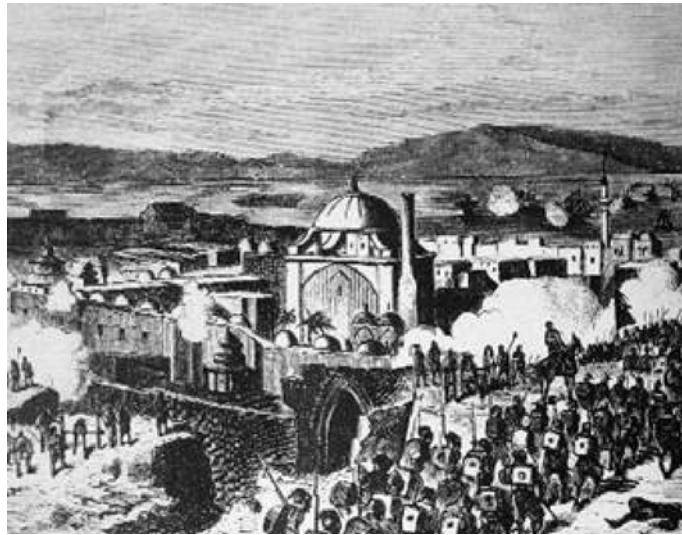
Неприятельские действия открылись на реке Дамуре, по большой дороге из Бейрута в Сайду. Там случилась обычная ссора между погонщиками-друзами и маронитами. Отголосок перестрелки поднял на ноги все южные округа. В этот раз христиане были готовы к наступательным действиям. Жители Джеззина, богатого и живописного округа, населенного почти исключительно маронитами, ворвались в соседний округ Шуф, сожгли много селений, разбили и рассеяли друзов и уже приступали к Мухтарскому замку, где защищался ненавистный им шейх Саид Джумблат. В то же время христиане Метена, пограничного округа между друзьями и маронитами, поднимались массами на поселенных между ними друзов, жгли, грабили и умерщвляли безо всякой пощады.

В один и тот же день все свирепства, все ужасы злейшей междоусобной войны объяли южные округа Ливана. В каждом селении дрались христиане с друзьями, а победители жгли дома побежденных. Была пора урожая шелковичных червей. Шейхи-друзы, чтобы отвлечь своих вассалов от занятий по хозяйству и заставить их идти на защиту своего племени, стали сами сожигать и шелковичных червей, и коконы. С другой стороны, они взывали о защите у пашей и у войска турецкого, занимавшего Бейт эд-Дин.

Около недели продолжалось торжество христиан. По всему Метену, в Джеззине и в половине селений округа Шуфа не осталось ни одного друга; одни пали, другие спасались в соседние округа, их имущество было разграблено, дома сожжены. Затем одолели друзы, в свою очередь, стали и они губить христиан, грабить и сожигать, так что в промежуток двух недель этой неистовой оргии в семидесяти живописных, цветущих, богатых селениях Ливана не осталось ни одного дома. Из Бейрута можно было следить глазом за ходом войны, днем – по облакам дыма, клубившимся попеременно над вершинами гор, ночью – по пламени, бежавшему из одного селения в другое по скату гор.

<...> Можно было опасаться, что если бы марониты восторжествовали, то анархические их стремления направились бы впоследствии против правительства, подобно тому как друзы подняли оружие на пашу в 1842 г. вслед за своей победой над маронитами. По законам человеколюбия и здоровой политики и по соображению всех внутренних и внешних обстоятельств туркам надлежало во всяком случае соблюсти строжайшее беспристрастие между двумя воюющими племенами. Достаточно было повелеть, чтобы все ватаги рассеялись по своим селениям под страхом наказания всякого горца, встреченного с оружием вне своего селения. Патрули регулярных войск могли бы обходить горы по всем направлениям и без труда рассеять обе партии. Но турки всего более опасались за свое войско. Опасения эти служили личиной коварного расчета. Они равно были озлоблены и на друзов, и на христиан ливанских. По их мнению, оба племени были не довольно истощены в залог своего повиновения.

<...> Вместо того чтобы соблюсти строгое беспристрастие, паши решились искать подпоры в одной из двух воюющих партий. Весы, очевидно, клонились опять на сторону друзов. Коренное олигархическое их устройство и даже народный их нрав представляли более надежные поруки, чем буйные страсти, господствовавшие в христианском лагере. Шейхи и эмиры были чужды этого народного стремления христиан, грозившего потопом всему феодальному дворянству и руководимого тайными происками маронитского духовенства и приверженцев отпавшего княжеского дома. Комитет дейрэлькамарский мог управлять происками, но не военными действиями. К тому же марониты под роковым влиянием безначалия не замедлили навлечь на себя гнев пашей. Между тем как сами они вопияли к туркам о защите, был ими захвачен провиант, отправленный под конвоем из Бейрута в лагерь Веджиги-паши, а в перестрелке с друзьями в селении Курнайле убит ими вахмистр турецкого отряда, поспевшего туда, чтобы рассеять обе партии. Это преступление или, может быть, этот случай раздражил всё войско турецкое противу христиан и обеспечил друзьям сверх благосклонности паши, основанной на политическом расчете и религиозном негодовании против гяуров за измену войску, посланному с мирным словом.

Ḫōādī Āēēt.

Шейхи-друзы воспользовались ошибками своих соперников. Паша приглашал в лагерь всех шейхов и эмиров обоих враждебных племен. Марониты не являлись, одни – по недоверию к туркам, другие – по сочувствию собственного бессилия на массы своих единоверцев. Друзы, напротив того, предстали к паше и под благовидным предлогом содействия к прекращению междоусобий стали из турецкого лагеря направлять движения своего племени.

Благоприятствуемые турками друзы продолжали повсюду карать злополучных христиан. Сайда и Бейрут наполнились жертвами ливанских междоусобий. Маронитский патриарх умер со страха при известии о приближении ватаги друзов к Кесруану. Между тем в знак своего беспристрастия и в удовлетворение жалоб консульств великих держав паша повелевал в один и тот же день казнить в Бейруте друга, пойманного в зажигательстве христианских домов, а на горах в лагере – христианина, обвиненного в упомянутом нами убийстве турецкого вахмистра. Виновника нельзя было отыскать в толпе сражающихся, но зрелище казни было необходимо для удовлетворения озлобленного войска. Казнили первого, кто попал.

<...> Как только открылись новые ливанские междоусобия, друзы антиливанские призвали к себе этого знаменитого злодея и обещали ему свое пособие на Ливане с тем, чтобы он им предварительно помог казнить хасбейских христиан и подчинить их власти шейхов. Свирепый Абу Накид набрал шайку более 3 тыс. друзов хауранских, курдов, бедуинов и всякого сброда. Он обнародовал султанский поддельный фирман (поддельный документ. – М. Г.), которым повелевалось всем правоверным восстать на побиение христиан. Предшествуемый ужасом своего имени, налетел он, как коршун, на Хасбею. Эмир Саад эд-Дин посоветовал христианам спастись бегством. Они отступили со своими семействами по дороге в Дамаск, чтобы просить защиты у паши, но друзы хасбейские, присоединившись к ватаге Абу Накида, обступили христиан в одной из антиливанских долин, где были они расположены на ночлег, отрезали им дорогу в Дамаск и ударили на них. Отчаяние вселило храбрость в несчастных, они долго защищались, несколько сот пали, другие успели спастись в Захле. Неподалеку оттуда был расположен лагерь Веджиги-паши. Абу Накид со своей ватагой и с хасбейскими друзами, насытившись грабежом в покинутом христианами городе и в целом округе, осквернили церкви, закололи священников у алтарей, превзошли свирепствами ливанских своих единоверцев.

Что же, после всех этих злодейств Абу Накид был ласково принят Веджиги-пашой, одет в почетный кафтан и, будто загладивши новыми своими преступлениями те преступления, за которые Эсад-паша два с половиной года не позволял ему ступить ногой на Ливан, получил теперь всепрощение от преемника правосудного Эсада. Приписать ли это ослеплению паши или, может быть, дележу хасбейской добычи? Всем своим поведением в междоусобиях ливанских племен наместник Порты оправдал самые черные предположения народной молвы, а что еще хуже – внушил убеждение, что и Порты радовалась бедствиям горцев. Порты оправдывалась пред посольствами великих держав, слагая всю вину на происки Шихабов. Чтобы разрушить влияние старого эмира Бешира, который из столицы путал ливанские дела и наводил на правительство новые хлопоты, отправляли его в ссылку со всем семейством в Кастан-Болу, в Малую Азию. Тогда-то сыновья и внуки эмира, и прежде всех эмир Эмин (Эмин значит Верный), на которого преимущественно возлагали свои упования приверженцы Шихабова дома, один за другим отреклись от новой своей веры, в которой даже иные из них были рождены. Шихабы возвращались теперь к

вере своих предков, чтобы тем угодить правительству, точно так, как лет за тридцать пред тем принимали они в горах крещение, чтобы обрести в христианских племенах Ливана опору противу своих буйных вассалов. К чести старого эмира Бешира скажем, что он не осквернил своих седин отступничеством. Он доселе пребывает в христианском законе и смиренно живет в Бурсе, куда он был впоследствии переведен для перемены климата.

На Ливане между тем друзья продолжали губить христиан в глазах пашей и войска, а Веджиги делал в своем лагере артиллерийское учение, чтобы громом холостых зарядов разогнать их полчища. На горькие упреки и на настойчивые жалобы генеральных консулов он отвечал напыщенной исповедью о своем беспристрастии, о своем человеколюбии, о чистоте своих намерений. Он обвинял христианских старшин и самого каймакама в том, что они не соглашались явиться к нему в лагерь для переговоров с друзьями, и потому предлагал консульствам великих держав быть посредниками и дать свое поручительство в безопасности и неприкосновенности старшин христиан и друзов для съезда их в Бейрут на заключение перемирия.

Ἀδελφῶν τῶν ὑψίστων ἰσὺν Ἰσὺν.

Ἀδελφῶν Ἐκκλησιῶν.

1842 ἡ ἡ

Таким образом, открылись переговоры в Бейруте при поручительстве агентов великих держав в конце мая, и мало-помалу были уняты неистовства в горах. Но основной вопрос об управлении так называемых смешанных округов, два раза бывших театром междоусобий, не мог быть решен. По крайней мере все согласились остаться в покое и ждать новых распоряжений Порты.

Едва прекратились междоусобия друзов с маронитами в южных округах Ливана, произошли смятения в северных округах по поводу избрания нового патриарха маронитского. Смятения эти служили выражением внутренней борьбы между олигархическими притязаниями шейхов и новыми наклонностями в народе.

Аристократия домогалась в пользу кандидата своего племени сана маронитского патриарха, дабы затем все прибыльные должности по управлению церковным имуществом достались на долю духовным лицам из дворянского рода и послужили бы источником обогащения ленивых шейхов. Церковь маронитская богата, но масса духовенства пребывает в нищенстве и, обрабатывая собственными руками монастырские угодья, едва снискивает себе насущный хлеб. Злоупотребления эти всегда существовали, они сделались ощутительнее по мере политического влияния, приобретенного духовенством в последовательных переворотах горских племен. Всё лето бушевали марониты, духовенство и миряне. Собор епископов выдерживал осады противу мирян и монахов, вооруженных дубинами, пока наконец олигархия успела провозгласить своего кандидата из рода шейхов Хазен при содействии французских агентов и римских булл. Не менее того нанесен этой борьбой сильный удар патриархально-аристократическим преданиям маронитов, подобно тому как междоусобия южных округов, несмотря на торжество шейхов-друзов в 1841 и 1845 гг., служат предзнаменованием неминуемого их падения.

<...> За исключением Халебского пашалыка, где в это время стоял Аравийский военный корпус, вся остальная Сирия томилась в анархическом омуте под влиянием ливанской бури. Племена мутуалиев в Баальбекской долине раздирались семейной враждой древнего владетельного их дома эмиров Харфуш. Их повиновение пашам ограничивалось платежом подати, а платеж был только тем обеспечен, что эмиры, разделенные на две враждебные партии, поочередно являлись в Дамаск искать друг против друга покровительства у паши. Другие племена мутуалиев, населяющие живописные долины и покатоги последних отрогов Ливана между Сайдой и Суром, заразились духом своих ливанских соседей и составили между собой конфедерацию, с условием платить пашам положенную подать, но не допускать никакого вмешательства во внутренние свои дела. Никогда их шейхи, потомки знаменитого Насифа Нассара, не являлись в города; никогда не принимали они внутрь своего округа ни чиновников Порты, ни турецкого войска. Многочисленные шайки разбойников обегали Галилею. Изуверство мусульман заставляло всё христианское народонаселение Назарета бежать в Акку. Мехмет-паша Кюпрюзли, комендант крепости, воспитанный в Париже, до того уронил правительственную власть, что собственные его наездники, вместо того чтобы укрощать разбой в подведомственном округе, отказались от службы, стали грабить селения, а когда паша успел захватить и посадить в тюрьму некоторых из них, остальные среди дня бросились в крепость и их выручили.

В Самарии (в горах Набулусских) междоусобная война Абд эль-Хади и Токанов продолжалась с 1841 г. и становилась с каждым годом злее и кровопролитнее. В Иудейских горах классическая вражда древних партий кейси и иемени имела своих представителей в шейхах Самхан и Абу Гош. Шейх Мустафа Абу Гош, знакомый всем нашим (российским. – М. Г.) поклонникам страж ущелий, ведущих в Иерусалим, бунтовался и умерщвлял двух муселимов, назначенных от иерусалимского паши. В Великой пустыне была засуха; несметные рои бедуинов прилетели искать пастбищ у южных пределов Палестины и там дрались между собой и прерывали сухопутные сообщения Сирии с Египтом, пока наконец Мухаммед Али египетский принял меры для их удаления. С восточной стороны Сирии по всему пространству Великой пустыни от Хомса до Галилеи прикочевали на рубеж населенных округов другие племена бедуинов, вытесненные засухой от берегов Евфрата и от Аравийских степей. За два года перед тем турецкий паша, который вел караван в Мекку, поправши законы гостеприимства, вероломно умертвил в своем лагере шейха одного кочевья. С того времени вся пустыня кипела негодованием на турок и грозила пресечь сообщения между Дамаском и Меккой. Затем турки успели посеять раздоры между кочевыми племенами и выставить молодого и предприимчивого шейха Мухаммеда Духхи и конфедерацию многих племен, признавших его своим главой, против другого шейха, шестнадцатилетнего Насифа Шилаан, который до того времени был облечен правом конвоя над караваном Мекки. Враждебные племена расположились в числе, может быть, полумиллиона душ по соседству Дамаска и там воевали между собой, грабили селения и питались сами и их стада недозрелыми жатвами.

Таково было состояние Сирии под турецкими пашами после пятилетнего бесспорного владычества. Повсюду отзывалось пагубное влияние ливанских смут и бессильных или коварных попыток Порты к устройству правления горских племен.

Èçàààèùùòàí àíñòí:ííé èèòàíàòóóù. Ì ., 1962

ÁÁÐÁÈ

...В Аравийской пустыне между кочевьями бедуинов есть племя иудеев, известных под именем рехибитов, которые или остались там со времени странствия Моисеева, отделившись от своего народа, по сказанию нынешних иерусалимских раввинов, или обратились в кочевую жизнь под римскою опалю. Известно только, что они усердно сохраняют Моисеев закон и не смешиваются с другими бедуинскими племенами, хотя по языку, по нравам и по образу жизни ничем от них не отличаются. Нынешние евреи Сирии и Палестины переселились сюда из Европы и из Африки. Это потомки другого поколения изгнанников, принужденных покинуть Западный полуостров Средиземного моря от гонений католических государей и искать приюта у мусульман, вдоль разбойничьего берега Африки. Путем этим возвращались они к тому Восточному берегу, который был некогда дарован их дедам Ие-говою и который не престаёт чрез тридцать веков почитаться идеальною родиною скитальческого потомства. В наше время переселение евреев в Палестину усиливается. Ежегодно приезжают сюда па постоянное жительство евреи из других турецких областей, из варварских владений, из Германии, из России. Удобства сообщений и слух о веротерпимости и гражданском благоустройстве на Востоке тому благоприятствуют. Заметим еще, что журнальные рассказы о каких-то небывалых переговорах между султаном и богатыми банкирами израилева племени об уступке им Палестины оживили мечтательные надежды о восстановлении Иудейского царства и о возобновлении храма. Едва ли со времен отступника Юлиана, и причудливого его призыва к еврейскому народу, и троекратной попытки против Б-жиих судеб к возобновлению разрушенного храма, едва ли

мечтательные эти ожидания, сопряженные с духовными надеждами Израиля, были когда-нибудь так живы, как в наше время.

Άάαά Βράαδὸν Βόόά

Ἰ ἑυῖαά άάάε ἰαεάαρὸ εἶδαάεῦ ἰ ἴαά αάάαο αἶ εὔ ἴαἶ ἴ ἰάεἶ ἰε: ἴάόά ἰ Εάάάάεεἶ.

Из числа 4000 семейств, населяющих ныне Иерусалим и другие палестинские города, преимущественно Табарю, Саффет и Халиль-Рахман (древний Ефрон), едва ли начтется сто или двести, которых деда родились бы в сей стране. Переселенцы европейские и евреи турецко-подданные составляют два общества, отдельные одно от другого, и имеют особые синагоги и особое управление. Турецко-подданные, за исключением тех, кои давно поселены в Сирии и уже приняли в разговоре язык арабский, употребляют между собою, как и все их единовѣрцы в Турции и Африке, испорченный испанский язык. Европейские переселенцы принимают уже костюм восточный, но сохраняют свой испорченный немецкий язык. Первые управляются своим раввином, который служит и политическим представителем народа у властей, имея титул Хахам-баши; вторые признают духовным своим главою раввина, назначаемого от амстердамской конгрегации, особенно пекущейся о восточных евреях. Вообще евреи много терпят в Иерусалиме, как и во всей Турции, от нерасположения к ним мусульман и других народов. Гонениям от властей они не подвержены, благодаря презрению к ним турок и своей бедности. Меж тем как поклонники других народов шумно празднуют в Иерусалиме свою Пасху, евреи, старики и старухи, собираются на плач в уединенной улице Иерусалима, где, по народному поверью, сохранились обломки храмовой стены.

Ἐὰν τῆς ἐκείνης ἀνάγκης ἀποβῆι αἰεὶ ὑπὸ ἐπιπέδῳ

Ἐὸ ἰσλαμῶν.

Палестинские евреи живут почти все пособиями от родственников, пребывающих в Европе, и милостынею. Предположительно можно думать, что около 25 000 руб. сер. доставляется им из России чрез поклонников и раввинов, наряжаемых на сбор. При суммах препровождается записка с назначением, сколько следует внести в казну синагоги и на училища и сколько каждому лицу поименно. Из Западной Европы деньги доставляются векселями при строжайшей отчетности, особенно с того времени, как маркиз Монтефиоре, зять Ротшильдов, навел дважда своих единоверцев палестинских и назначил пособие на синагогу, на богадельню, на содержание врача для еврейского народа, дабы тем предостеречь их от благотворений англиканской миссии и от проповеди. Заметим, что палестинские евреи, при всей скудости своих средств, особенно пекутся о своем духовном воспитании. Воспоминание о знаменитой Тивериадской синагоге, где 1000 молодых тружеников слушали толкование закона у великого раввина Гилеля, прозванного новым Моисеем, которая процветала по падении царства, в эпоху, известную в Талмуде под именем Западного плена, воспоминания эти привлекают теперь много евреев в Табарию (древнюю Тивериаду). Сафдет, расположенный на ближних горах, населен также почти одними еврейскими переселенцами. Под египетским владычеством оба эти города были постигнуты сугубым бедствием: жители окрестные, мусульмане и друзы, прельщенные возрастающим благоденствием еврейских колоний, внезапно напали на них и ограбили 700 или 800 беззащитных семей. Несколько недель спустя страшное землетрясение погубило много несчастных под развалинами ограбленных их жилищ. Так как в числе жертв было много русских евреев, то по настоянию нашего консульства Мехмет-Али забрал с грабителей около миллиона пиастров для раздачи ограбленным евреям. В Явне, которую раввины по падении Иерусалима называли рассадником закона по бывшим в ней синагоге и синедрionу, теперь едва укрывается несколько бедных евреев, равно как и в Кайфе и в Акке; но ни в одном селении нет еврея земледельца. Это непреодолимое отвращение еврейского племени повсюду, и в самой стране, почитаемой заветным его наследием, от земледельческого труда, сей основы гражданского общества, сей заповеди, выраженной в первом Откровении, было, кажется, совершенно упущено из виду мечтателями о восстановлении Иудейского царства.

Άσπασία η δαμάει ἐτι.

Ἐὐδοκίαν Ἀσπασίαν ὀνόματι.

Ἰακώβου

1842 ἔτη

Χαίου II. Ἐπαίει ἐὰ ἀοιῖα Ν-Ἰ ἀοιδία

Ὀρίαν Ἐπαίει Ἀ. Ἀ. Ἐπιτά 1875

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ÊÀÊ Î ÐÀÀÈËÛÎ Î ÆÈÛ ÆÀÐÁÐ

Ûèÿäö Èè-Ûîá

Êí èã ï àøãã ï àñèááèÿ: Á 2ö ò ò.

Î .: Î ïñò ù èéüò óóü; Jerusalem: Gesharim, 2006 – 368 ï

Элиягу КиТов – один из известнейших раввинов нашего столетия. Российским читателям известна его книга «Человек и его дом», рассказывающая о законах повседневной еврейской жизни.

Другая знаменитая книга раввина, представляемая нами сегодня, несомненно станет одной из настольных для религиозных евреев, а также для всех интересующихся еврейской проблематикой.

Автор предпринял попытку раскрыть неисчерпаемое духовное богатство иудаизма через рассказ о памятных датах еврейского календаря и праздниках. Начиная с Рош аШона, первого дня месяца тишрей, неспешно ведется повествование об обычаях и законах праздников, об их происхождении, связи с еврейской философской и мистической традицией. Читатель найдет здесь немало интересных мидрашистских комментариев, познакомится со взглядами величайших еврейских мудрецов.

Из детального описания законов повседневной еврейской жизни, неразрывно связанной с календарными событиями, наглядно видно, насколько эта жизнь «освящена», структурирована у верующего еврея его религиозными убеждениями. Если в других религиях дни, посвященные Всевышнему (например, периоды поста), занимают сравнительно небольшой период времени в календарном году, чередуясь со «свободными» днями, то у иудеев таких дней практически нет – каждый шаг, поступок, действие имеют религиозное значение, основаны на необходимости исполнения мицвойс. Исполнение заповедей, молитв, размышления о Торе не оставляют места для праздных мыслей и пустого времяпрепровождения. При этом следует учитывать, что автор даже не рассматривает обязанностей иудея в отношении повседневных молитв, кашруса, соблюдения Шабоса, многочисленных торжественных и печальных событий в жизни – бармицвы, брака, траура и т. д.

Сторонний читатель, впервые знакомящийся с законами еврейской жизни по книге Элиягу КиТова, пораженно воскликнет: «Как же это всё можно исполнить? Работать-то когда?!» Надо признать, в таком вопросе есть свой резон – если исполнять все без исключения предписанные правила и неизменно предаваться размышлениям о Торе, то ничем другим заняться уже не получится – не хватит ни времени, ни сил. Не случайно поэтому на протяжении всей еврейской истории освобождение большого числа мужчин от всех прочих обязанностей, кроме изучения Торы и соблюдения мицвойс, считалось естественным, а ученые, корпевшие всю жизнь над книгами, пользовались всеобщим уважением.

Впрочем, хотя совершенство и недостижимо, главное в жизни верующего еврея – это путь к совершенству, стремление исполнять заповеди, предписанные Всевышним. И «Книга нашего наследия» может стать прекрасным путеводителем на этом пути.

Ð òèé Õàááè

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ḌÈÑÊÎĀĀÎĪ ŪÉĪĪĒĀÒĪĪ ĀĀḌĀĒÑÊÈĪ ĪḌĪÑÒĪḌĀĪ

ĀḏĪĪ Āḏḏḏ

Āḏḏ èì ĀĪ è ĀḏèĪĪĀ Āḏḏ

ĀĪĀĪĀĪ é èḏḏḏ ŌĪḏḏ

Ī.: Ī ĩḏḏ ū èḏḏḏ ḏḏḏ; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 384 ĩ

В сборник вошли статьи, написанные автором на протяжении 1999–2004 годов и представляющие собой комментарии к циклу недельных чтений Торы. Как указано в аннотации, статьи «подчинены одной общей теме: диалектике двух имен Всевышнего (Тетраграмматон и Эло-им, переводимых на русский язык как Господь и Бг)».

Арье Барац принадлежит к кругу тех авторов, чтение которых требует определенной подготовки и широких интересов в сфере гуманитарных знаний, хотя отправной точкой для него становятся библейский текст и раввинистические комментарии. Он явно тяготеет к философско-религиозной компаративистике: в его статьях иудейские религиозные конструкции постоянно сопоставляются с подходами античных философов, христианских и мусульманских мыслителей. А. Барац вполне уверенно ориентируется в современной литературе, в положениях западной социологии и психологии и широко использует выводы светских ученых, когда формулирует свои представления о столь сложной теме, как имена Всевышнего в их диалектической взаимосвязи.

Выбор подобной проблематики хорош тем, что как автору, так и читателю предоставляются почти неограниченные возможности в свободном полете мысли, далеко выходящей за рамки заявленной темы. Но такой полет имеет свои особенности: как результат всякого отвлеченного философствования, его итоги, выражаясь научным языком, не верифицируемы, то есть заведомо произвольны. Иногда выводы Бараца кажутся даже слишком произвольными, а некоторыми последовательными иудеями могут быть сочтены и за ересь. Например, такой: «как и мясоедство, жертвоприношение – зло, с которым Всевышний мирится». Слишком смелым, с точки зрения еврейской традиции, представляется и высказывание, что «праведники-идолослужители имеют удел в мире грядущем».

Обиднее другое: в тексте нередко встречаются ошибки и явные натяжки, обусловленные изначальной заданностью выстраиваемой картины. Так, идея ненависти к врагам вполне отчетливо прослеживается в Танахе, и Иешуа в Нагорной проповеди вполне мог указать на нее. Вопреки мнению автора, здесь вряд ли можно говорить о «досадной ошибке». Довольно странным кажется прямолинейное утверждение, будто «Иерусалимский Храм предназначался всем народам земли в той же мере, что евреям», если учесть тот факт, что во внутренние дворы Храма неевреям входило запрещено было под страхом смерти. Когда автор отмечает, что «согласно древней традиции иудаизма продолжительность человеческой жизни не превышает ста двадцати лет», неплохо бы разъяснить, относятся ли повествования из книги Брейшис об Адаме, Шете, Эноше и других, проживших по восемьсот и девятьсот лет, к «древней традиции иудаизма».

Но все эти недоразумения не отменяют для читателя возможности увлекательного путешествия вместе с автором по бескрайнему миру еврейской мудрости.

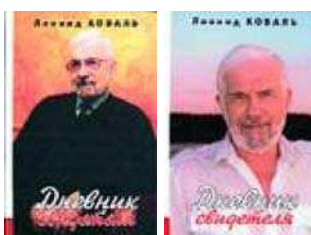
Рдее Оааае

ÆÈÇÍ Ü × ÅËÎ ÂÁÊÀ

Ëâî í è ä Êî â è ü

Äí äâí è è ñè ääò äëÿ: Á 2õ èí.

Deã, 2006 Êí. 1 - 456 ñ, èí. 2 - 341 ñ

Писатель, поэт, драматург Леонид Коваль в двух книгах написал историю своей жизни – откровенно и с бесконечной благодарностью буквально за каждую секунду дарованного ему бытия, неважно, была эта секунда плохой или хорошей.

Он принадлежит к поколению, о котором можно сказать, что оно «посетило этот мир в его минуты роковые». Коваль участвовал в войне против Гитлера, а после войны стал журналистом в своей родной Белоруссии. Абсолютной любовью и жестокой честностью пронизаны его строки, когда он пишет про свою семью, про ее мытарства во время войны, про смерть матери от голода, про любимую бабушку Блюму, которая умерла за два месяца до войны.

Потом начинается его путь – путь истинного подвижника, человека, которого невозможно сломать, но который, вооруженный мечом добра, всегда вступит в битву за добро – везде, на любом уровне. Как журналист, Леонид Коваль достаточно нахлебался от антисемитов всех мастей, многие из которых занимали ответственные посты в партии и правительстве. И он всю свою жизнь посвятил борьбе против этого отвратительного явления – антисемитизма, который, как раковая опухоль, проник в его родную страну.

Переселившись в Ригу, в Латвию, он создал Латвийскую ассоциацию еврейской культуры, впервые в СССР собрал Общество бывших узников гетто. В своих произведениях – романе «Корни дикой груши», написанном давно и пролежавшем двадцать лет в столе, но опубликованном в журнале «Даугава», романе «Стон» – едва ли не первым в СССР он написал о Холокосте. Ему приходило множество писем со всех концов страны – от людей, которые до того времени молчали о пережитом и только после прочтения книг Ковалья поняли, что пришло время сказать правду.

Показателен эпизод воспоминаний, где рассказывается о первом собрании Латвийской ассоциации еврейской культуры, на котором Коваль предложил почтить память невинных жертв фашистского геноцида и вывесить венок. Что же написать на венке? Стали предлагать: «жертвам фашизма», «советским людям, невинно...», «нашим братьям и сестрам». И тогда Коваль сказал: «Люди <...> так не пойдет. Мы должны начать с Правды. Правда или молчание. Полуправда хуже лжи. Мы напишем на ленте такие слова: “На этом самом месте руками местных подручных фашистов была сожжена синагога вместе с сотнями евреев”. Мы повесим этот венок на месте сожженной синагоги, там, где доска почета».

И хотя многие тогда испугались, они сделали это.

Коваль всё время пытался снять фильм о Катастрофе, о рижском гетто. Сперва ему отказывали. Но, благодаря его настойчивости и вере в абсолютные ценности Добра, которые должны быть явлены в таком фильме, Коваль снова победил. Нашелся спонсор, фильм начали снимать.

Многие страницы этих двух книг посвящены любви, семье, размышлениям о природе женщин и даже о сексе. Коваль также пишет о друзьях, о близких ему писателях, приводя свою переписку с ними, весьма интересную.

Пусть продлятся годы жизни этого светлого и мужественного человека, рядом с которым и окружающим жить становится светлее и спокойнее!

Аїд Даїтї

ÊÍ ÈÃÀ ÁÂÇ ÐÌ ÆÓ, ÁÂÇ Ì ÈÃÌ ÁÍ È

Ðàááéí ó Èíí à Áãðí í äè

Èàè áãðí óò ù óò áðÿí í íá

[Áúõíáí úá äáí í úá í ò ñò ñò áðò, - 187 ñ]

Вопиющее отсутствие культуры в некоторых изданиях очень угнетает. Особенно обидно, когда книжка хорошая, а в качестве автора указано имя одного из выдающихся еврейских мудрецов.

Итак, в рецензируемом издании, среди прочих многочисленных недоделок, как минимум, отсутствуют: 1) указание на страну издания, год издания и название издательства; 2) имя переводчика на русский язык; 3) хотя бы краткие сведения об авторе и его труде. Поскольку пускаться в расследование по двум первым пунктам не представляется целесообразным, перехожу сразу к третьему, чтобы на всякий случай подготовить читателей любознательных, но не слишком сведущих в еврейской традиции.

Геронди Йона бен-Авраам Старший – представитель известнейшего раввинистического рода Геронди, жил в Испании в XIII веке. Знаменит он прежде всего тем, что поначалу являлся заклятым врагом Рамбама; по свидетельству его ученика, именно он вдохновил христианские власти публично сжечь книги

Рамбама на костре в 1233 году. Впрочем, потом он раскаялся (по преданию, через сорок дней) и публично признал в синагоге Монпелье свою глубочайшую неправоту в отношении Рамбама и его трудов. Набожностью и благочестием он заслужил прозвище Хасид (Благочестивый). Став известнейшим талмудистом и моралистом своего времени, он впоследствии неизменно цитировал Рамбама с величайшим почтением. Переживание раскаяния, по-видимому, не оставляло его в течение всей жизни.

Теме раскаяния посвящена и данная книга. Автор сосредоточен прежде всего на человеческих отношениях, являющихся зеркалом отношений со Всевышним. Он систематизирует всевозможные грехи в этой сфере, выводит набор принципов достойного человеческого поведения и анализирует возможности достичь раскаяния и тем самым очиститься от греха. Читателю наглядно показано, как библейские и талмудические предписания могут осуществляться в повседневной жизни: ему предстоит погрузиться в интереснейший мир высокой иудейской этики.

Проблема, однако, состоит в том, что за рабейну Геронди, кажется, не числится труда «Как вернуть утерянное». Помимо комментариев на библейские книги и талмудические трактаты, он написал несколько работ на тему раскаяния: «Игерес тшува» («Послание о покаянии»), «Шаарей тшува» («Врата покаяния») и «Сейфер а-ира» («Книга Бгобязненности»). Но ни одна из них по названию не совпадает с рецензируемым изданием. Может быть, переводчики наткнулись на неизвестную доселе рукопись Геронди и скромно умолчали об этом? Однако ивритское или хотя бы идишистское название данного труда (а его книги по этике переводились на идиш) здесь не приведено. Так что читателю предлагается, по сути, неизвестный труд неизвестного автора в неизвестно чем переводе. Да еще к этому таинственному труду предпосланы несколько слов, написанные десять лет назад по поводу совсем другой книги (!), «Орхос цадикиим». Просто глаза на лоб... Впрочем, даже если автор – не рабейну Геронди, книжка всё равно увлекательная и полезная.

Р'д'е' О'а'а'е'

Í ÆÑÆÄÄÄÄÌ ÛÉÌ ÄÌ ÄÄËÛØÒÄÌ

Ääí ääèèò Ñäðí íä

Çäèíæíèè ää:í îñòè. Ñëó:æé Í äí ääëÛøòäì ä

Ì.: Äãðò, 2005 - 416 ñ

Книга эта писалась в 60-х годах, но по известным причинам не могла в то время быть издана. Потом – в эпоху ранней перестройки – появилась статья, в которой была изложена суть этой книги. Как выяснилось, суть оказалась не точна: я и многие мои друзья восприняли тогдашнюю публикацию неоднозначно.

Она, собственно, сводилась к тому, что Осип Мандельштам, единственный из всех «испуганных» поэтов, в 1933 году написал эпигramму на Сталина: «Мы живем, под собою не чуя страны...» Она стала известна властям, Мандельштам был арестован и отправлен в ссылку. Сталин – как известно, сам в молодости увлекавшийся стихами – захотел, чтобы его правление было прославлено в веках самым талантливым поэтом эпохи, поэтому и спрашивал Пастернака по телефону: «Вы считаете, что Мандельштам – истинный поэт?..» После этого, играя с Мандельштамом буквально в кошки-мышки, его заставили написать оду вождю. То есть сломали его.

«– Ну а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? – спросил Сталин. – Нет, – ответил Миронов. – Так вот, не говорите мне больше, что Каменев или кто-то другой из арестованных способен выдержать это давление. ... Именно этого давления и не вынес Мандельштам».

Как мы тогда об этом спорили! Поэт Иван Жданов, старше многих по возрасту, говорил нам, что мы вообще ничего не понимаем.

– Гениальный поэт, как, например, Маяковский, может воспевать тирана, а великий поэт, как Мандельштам, – не может!

– А как же ода? – спрашивали мы.

– Ну... это же прикол, это не всерьез! Вы ничего не понимаете!

Он имел в виду, что гениальность есть высшая эстетическая категория, а величие – уже нечто надэстетическое, включающее в себя и этику, и эстетику, и вообще всё. Поэтому Мандельштам по определению не может преклониться перед Сталиным как поэт, как бы он ни был приперт к стенке как человек.

Этот спор так и остался в том времени. И вот читаю полную книжку Сарнова.

«Неужели всё сводится к тому ужасному финалу, что и роман Джорджа Оруэлла, – то есть к тому, что герой <...> перед тем, как погибнуть, полюбил Старшего Брата? С этим не мирится, не может примириться душа <...> Гораздо существеннее другое. То, что это – неправда».

И в качестве доказательства автор приводит уже самые поздние стихи о Прометее и – особенно! – «Стихи о неизвестном солдате»: «Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте, – / Доброй ночи, всего им хорошего / От лица земляных крепостей».

Нет, как ни крути, такие точные, жуткие строчки о своем времени и вечности, о себе, спянном с миллионами других, «убитых задешево», сломленный человек и поэт не напишет. Это – голос свободы, голос действительного величия, которое не смогли ни приручить, ни заставить, но лишь уничтожить.

В другой своей книжке – «Скучно не было» – Б. Сарнов много пишет о «жестоковейности», несгибаемости еврейского народа, к коему имеют честь принадлежать и Мандельштам, и Б. Сарнов. Он приводит примеры: Троцкий, которого завернули в ковер, чтобы выслать из СССР; единственный еврей в чешской делегации 1968 года, отказавшийся подписать позорное соглашение с советской властью, оккупировавшей Чехословакию...

Может быть, в этой чисто национальной «жестоковейности» дело? Так или иначе, а великий Мандельштам для меня совершенно бесспорно остался свободным и не сломленным. До самого конца. И я рад, что Б. Сарнов в каком-то смысле с этим согласился.

Àà ò Bààí á

ĐÀCÍ Î ÎÁĐÀCÍ ÀB ÆÈCÍ Û ÊÓÏ ÁĐÌ ÀÍÁ

Êáá Î èí ö

«Đàcúñêââàòñÿ Êóï áđì àí, îí æá Êáëàé:èáâ»

Î.: Jewish Ru; Hi-Pro; Èì ì áðèóì Í ðáññ 2005. – 336 ñ

Автор этой книги, как написано на ее обложке, защитил две диссертации, одну – по венграм, другую – по чехам, более тридцати лет работал в журнале «Вокруг света», написал несколько книг – об индейцах, папуасах и других народах.

Эта же книга – о евреях, причем описывает она самые обыкновенные и, одновременно, зачастую не известные рядовому читателю реалии еврейской истории, жизни и быта.

Написанная просто, хотя подчас о вещах сложных, книга эта заставляет задуматься о многом, раскрывая порой истинное происхождение привычных имен и названий. Очень любопытна «лингвистическая» часть, посвященная почти мертвому, к сожалению, языку идиш. Этот язык, являющийся некоей смесью верхненемецкого и иврита, имеющий много диалектов, по мысли автора, был языком намного более «живым», чем иврит, – хотя сейчас, будучи возрожден в Израиле, иврит стал несравненно живее, чем тогда, когда служил в качестве книжного, священного языка.

У Минца также интересна глава, повествующая о жизни местечка-штетла, где, как сказано в книге, «за бросавшейся в глаза постороннего сутолокой и беспорядком стояла очень высокая организованность». Эта организованность была построена на одном главном принципе: живи и дай жить другим. То есть если ты богат, дай заработать тому, кто беднее, и вообще – никто не должен оставаться без дела, но все должны быть на своих местах, что-то делать и иметь свой, хоть и маленький доход. При этом богатые не должны заниматься работой бедных, не должны отнимать у них кусок хлеба. Вообще, ощущение единства всех жителей общины просто потрясает. Если ты член общины и живешь в штетле, тебе не только не дадут умереть с голоду, но вообще никогда не бросят в беде, да и невесту подыщут, если ты вдруг остался один. Если верить автору, для евреев даже шестиродный брат первой жены – близкий родственник. Такому жизненному укладу можно только позавидовать.

Как пишет в своем предисловии член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов, «история – это не только битвы и императоры, а этнография – не только описание обрядов и одежды. Куда большее значение имеют мелочи жизни, а мелочи эти рассыпаны повсюду: от архивов до анекдотов. Нужно только уметь их рассмотреть, извлечь и выстроить».

Кажется, Льву Минцу всё это прекрасно удалось.

Андрей Баитя

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ХРОНИКА

26 июля в рамках VIII Конгресса Европейской ассоциации академической иудаики в гостинице «Космос» прошла масштабная презентация литературы по иудаике, издающейся в России. Она состояла из двух частей. В первой части присутствующим были представлены книги, изданные Международным исследовательским центром российского и восточноевропейского еврейства, являющимся соорганизатором Конгресса. Академический директор Центра Олег Будницкий кратко рассказал об издательской программе МИЦРВЕ, продемонстрировав ряд книг, выпущенных центром с 2003 года в сотрудничестве с несколькими издательствами: «Гешарим / Мосты культуры», «Дом еврейской книги», «РОССПЭН», «НЛО». В частности, были представлены два выпуска «Архива еврейской истории», сборники «Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьбы восточноевропейского еврейства» и «История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы», включившие в себя доклады одноименных конференций, прошедших в 2003–2004 годах, книга Б. Ананьича «Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства», биография одного из выдающихся представителей российской академической иудаики конца XIX – первой половины XX века С. Цинберга, написанная Г. Элиасберг, мемуары известного археолога М. Рабиновича «Записки советского интеллигента» и ряд других.

После продолжительных аплодисментов состав участников президиума полностью сменился и началась презентация книг издательств «Гешарим / Мосты культуры» и «Лехаим», ведущим которой стал известный филолог Роман Тименчик, отметивший в своей вступительной речи «изумительную атмосферу русско-еврейской культуры», царящую на страницах журнала «Лехаим», являющегося «ядром» одноименного издательства.

Глава Ассоциации «Гешарим / Мосты культуры» Михаил Гринберг рассказал о деятельности издательства, начавшейся 16 лет назад. За это время было издано около 400 книг: академическая иудаика, художественная литература, литература по еврейской культуре и традиции.

Главный раввин России Берл Лазар в своей речи отметил, что всё-таки самой важной книгой для евреев и для еврейской культуры является Тора. Он познакомил участников презентации с совместным проектом Федерации еврейских общин России и Ассоциации «Гешарим / Мосты Культуры» «Еврейская Библия». Первая книга из одноименной серии является новым переводом Писания с комментариями Ранних Пророков. Кроме того, книга снабжена обширным историко-географическим и культурологическим справочным аппаратом. Как пояснил Михаил Гринберг, в составе редакционного коллектива были такие известные исследователи иудаики, как кумрановед И. Тантлевский.

Главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин в своем выступлении отметил, что журнал издается для людей, которые пока что не очень интересуются иудаизмом и еврейской традицией либо не совсем четко представляют, что это такое. В связи с этим материалы, публикуемые в журнале, не должны быть слишком сложными. С другой стороны, по словам Б. Горина, нельзя позволить, чтобы издание «опустилось» по уровню материалов слишком низко: «Для человека, читающего наш журнал, движение в сторону иудаизма должно быть интересным и познавательным».

Известный филолог, доцент РГГУ Леонид Кацис, чье выступление завершало презентацию, представил свою книгу, буквально только что покинувшую стены типографии: «Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса».

Най ай хадйуе

С 23 по 27 июля в Москве проходил VIII Конгресс Европейской ассоциации иудаики. В работе конгресса участвовали более 300 ученых, представлявших большинство европейских государств, а также Израиль, США, Бразилию, Мексику и Японию. Среди ведущих ученых в области иудаики, приехавших в Москву, можно назвать профессоров Мартина Гудмана и Тесса Раджака (Великобритания), Даниэля Боярина (США) и Аркадия Ковельмана (Россия), известного исследователя еврейских рукописей профессора Мауро Перани (Италия), признанного авторитета по истории российского еврейства Джона Клиера (Великобритания) и многих других.

В программе форума работали 26 секций. Некоторые из них были посвящены изучению Танаха, Талмуда, раввинистической литературы, древнееврейских рукописей, кабалы. Должное внимание было уделено новой и новейшей истории евреев Западной и Центральной Европы, а также истории и культуре

сефардов. Работала секция, посвященная исследованиям Катастрофы европейского еврейства. Плодотворно работали секции израилеведения, истории литературы на иврите, а также изучения языка идиш. Важное научное значение имели выступления ученых в секциях, посвященных средневековому еврейскому мистицизму, еврейской философии, еврейской истории эпохи поздней античности, а также современной еврейской мысли и теологии. Особый интерес вызвали доклады, прочитанные в секции истории и современного хасидизма, в частности Хабада.

На заседании организационного комитета Европейской ассоциации иудаики был отмечен высокий уровень большинства докладов и успешная организация форума. Принято решение о проведении очередного конгресса в Равенне (Италия) в 2010 году.

А. Ойеэеі

БИБЛИОГРАФИЯ

Адесман Д. Песни псалмов. М. – Иерусалим: Изд. содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2005. – 254 с.

Альтер М. История Сепфоры, жены Моисея. М.: Свежий ветер, 2005. – 288 с.

Генделев М. Из русской поэзии. Стихотворения и поэмы: 2004–2005. М.: Время, 2006. – 128 с. (Поэтическая библиотека).

Глазерсон М. Медицина и Каббала. Тора, свет, исцеление. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 191 с.

Грин А. «Это слова...» Словарь еврейской мистики и духовной жизни. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 414 с.

Джонсон П. История евреев. Пер. с англ. И. П. Зотова. М.: Вече, 2006. – 480 с.: илл.

Дубнов С. История еврейского народа на Востоке. Т. 2. От возникновения Израиля до конца персидского владычества в Иудее. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 479 с.

Дубнов С. История еврейского народа на Востоке. Т. 3. От возникновения Израиля до конца персидского владычества в Иудее. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 447 с.

Издание Рора. Еврейская Библия. Ранние пророки. С новым русским переводом и комментариями / Под общей ред. Александра Кулика. Пер. и комм. И. Тантлевский, М. Вайскопф, А. Ольман и др. Jerusalem: Gesharim, 5766; М.: Федерация еврейских общин России, 2006. – 800 с.

Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль. Историко-геологическое исследование дела Бейлиса. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 498 с.

Коммунистическая власть против религии Моисея. Документы 1920–1937 и 1945–1953 гг. Вып. второй. Винница: Глобус-пресс, 2005. – 383 с.

Контерас Х. Инквизиторы и тайные иудеи. Власть, культура и религия Испании Золотого века. Пер. с исп. В. Г. Резник, Г. Г. Орел, Е. О. Смоктий. СПб.: ГП ИПК Вести, 2006. – 280 с.

Морія. Альманах. № 3. Одесса: Печатный дом, 2005. – 268 с.: илл.

Морія. Альманах. № 4. Одесса: Печатный дом, 2005. – 268 с.: илл.

Музыка идишкайта. Ежегодный альманах еврейской музыкальной культуры. 2006. Вып. 2. Статьи и песни. М.: Memories, 2006. – 267 с.

Мы не можем молчать. Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 2. М.: Фонд «Холокост»; Academia, 2006. – 378 с.

Немировски И. Французская сюита. Пер. с фр. Е. Кожевниковой, М. Кожевниковой. М.: Текст, 2006. – 412 с.

Одесские парижане. Произведения художников-модернистов из коллекции Якова Перемена. Рамат-Ган: Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных; при участии издательства Гешарим, 2006. – 188 с.

Планс А. Оружие возмездия. Секретные операции израильских спецслужб и их противников. Ростов: Феникс, 2006. – 454 с.

Полустертые следы. Российские школьники о еврейских судьбах. Из работ участников всероссийского исторического конкурса старшеклассников «Человек в истории – Россия XX век». М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 234 с.

Пятикнижие Моисеево, или Тора. Книга Брейшит. Комм. и отбор комм. Д. Голубовского. М.: Д. А. Голубовский, 2005. – 183 с.: илл.

Пятикнижие Моисеево, или Тора. Книга Шмот. Комм. и отбор комм. Д. Голубовского. М.: Д. А. Голубовский, 2005. – 159 с.: илл.

Рыбалка А. Путеводитель по миру Каббалы. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 447 с.

Соколянский М. Конечно в Одессе. Малая родина Вл. Жаботинского. Одесса: Optimum, 2005. – 198 с.

Фотография на память / Авт.-сост. Ольга Фогельсон, сост. раздела идиша Матвей Гордон. М.: Мосты культуры, Jerusalem: Gesharim, 5766–2006. – 144 с.

Шагал Б. Горящие огни. Пер. с фр. Н. Мавлевич. М.: Текст, 2006 («Еврейская книга»). – 352 с.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ШОЙФТИМ

Ėėāī à Àððē

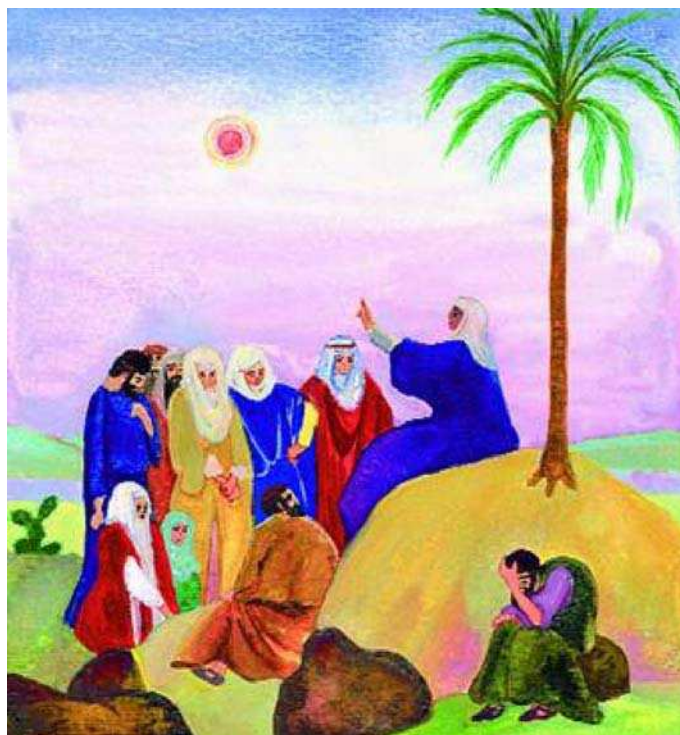
ĀĀĪ DĀ

«Āāī dā – ī ðī ðī-ēōā, æāī à Ėāī ēāī òā –

īīāēēā Ėōðāēēū ā òī āāī ŷ...

ī īā īāēū īp ī à ā dā Ÿōðāēī īāīē...»

(Oīēōōēī, 4:45)

Иеошуа по жребию роздал сынам Израиля надель. Пастухи – кочевники – землю обрабатывать не умели. Пошли за советами к соседям, а те говорят:

– У каждой долины и холма – свой бог. Поднимайтесь на вершины и приносите жертвы Баалу.

И поднимались, и приносили, и пускались в бешеный пляс: Иеошуа-то ведь уже не было.

Рассердился Ашем и послал на Израиль войско Сисры – военачальника одного из ханаанских царей. Тот покорил земледельцев, отнял оружие, да еще увел с собой оружейников.

Двадцать лет плоды собранного урожая: оливки, виноград, пшеница, ячмень – всё шло Баалу. Дети пухли от голода. И возопили сыны Израиля к Г-споду.

А на горе колена Эфраима под пальмою сидела Двора – пророчица – и судила народ. К ней приходили за советом.

Под пальмою? А почему для судьи не арендовали какое-нибудь строение? На свежем воздухе суд более праведный?

Всё дело в том, что женщина не должна была уединяться в закрытом помещении с посторонним мужчиной, какими бы секретами он ни располагал.

Послала Двора за Баракком и сказала:

– Собери на горе Тавор десять тысяч человек из колена Нафтали и Звулуна, а я приведу к потоку Кишон военачальника Сисру и передам его с войском в твои руки.

– Хорошо; но только если и ты пойдешь со мной. Один я даже с места не сдвинусь.

(Ну и ну, слабак какой-то.)

– Тогда не твоя будет слава, ибо женщине передаст Ашем Сисру, и от ее руки он падет!

Всё-таки в Кэдэш отправились они вместе.

י' דִּי דִּי × אֲנֹאִי נָאֻעִי נִּי

И навел Ашем ужас и смятение на войско противника. Удирали они так, что пятки сверкали, а в ушах ветер посвистывал. Всех перебили. Только Сисра уцелел, по горам петлял, как заяц.

– О! Шатер!

А какая красавица его встречает!

– Дайте попить, а то очень кушать хочется и переночевать негде.

– Зайди, господин мой, не бойся!

Открыла мех с молоком, напоила. Уложила. Укрыла.

– Тебя проходящие будут спрашивать, есть ли кто здесь. Скажи – нет!

Захрапел.

Яэль взяла кол и молот. Тихонько подкралась. Точный удар молота – кол пробивает висок.

А Барак гонится за Сисрой и наконец достигает шатра. Яэль выходит и к нему навстречу:

– Идем, я покажу тебе человека, которого ты ищешь.

Барак поднимает полог и видит – Сисра лежит мертвый, в виске торчит «колышек».

Враг побежден!

Двора и Барак поют песнь Ашему:

«Так да погибнут все враги Твои, Г-споди! Любящие же Тебя да будут, как солнце, восходящее во всей силе своей!»

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

В ПРЕДДВЕРИИ ФУТБОЛЬНОГО СЕЗОНА

Марк Зайчик

Мы расскажем сегодня о главном претенденте на золотые медали начинающегося чемпионата страны по футболу – команде «Бейтар» из Иерусалима.

Когда в начале 1970-х годов в Иерусалим из СССР приехали жить многие бывшие граждане советской страны, о местной жизни они знали немного. Да и что можно было узнать об Израиле в те годы в Москве, Саратове или Харькове?

Новая жизнь осваивалась постепенно и с трудом, однако с интересом. Изучали иврит, работали, открывали счета в банке, ходили в кинотеатр «Оргиль» на улице Гилель, осваивали харчевни на рынке

Махане Иегуда, поднимались к Стене Плача сказать слово, привыкали к местной еде, покупали одежду в Машбуре и книги – в русском магазине Левина на улице Шамай...

И всё время вокруг этих частных и личных событий вертелось слово «Бейтар». На рынке Махане Иегуда это слово произносилось чаще других, потому что «Бейтар» – футбольная команда еврейской столицы – была необычайно популярна именно здесь.

Но и в других местах столицы слово «Бейтар» произносили с придыханием и суровой мужской нежностью. Я прекрасно помню, как Джеки Саломон, звукооператор «Коль Исраэль», абсолютно рациональный, не склонный к аффектации человек, говорил мне:

– Ты спрашиваешь меня, что такое Бейтар? Так вот, Бейтар – это душа моя, радость моя, сердце мое, жизнь моя!

О. י אֵימ עֵינִי.

Я понимал, что это некое преувеличение. Так здесь говорят. Я понимал также, что есть в этом и правда и что истина находится где-то посередине.

Движение Бейтар родилось в начале 1920-х годов в Риге. «Бейтар» значит «Брит Трумпельдора», или «Союз Трумпельдора». Иосиф Трумпельдор, герой первой мировой войны, сражавшийся в рядах русской армии, потерял на фронте руку и был награжден царем за проявленную в боях смелость. Затем перебрался в Палестину.

Он погиб, защищая от арабских погромщиков поселение Тель-Хай в Галилее в 1920 году. Его-то именем и был назван новый политический союз.

Иерусалим всегда был городом Херута – ревизионистского движения, в которое входит Бейтар. Футбольному клубу этого движения было присуще всё, чем силен Херут: сила, смелость, непримиримость, честь.

Лидерами Херута в разные годы были такие блистательные политические деятели, как Зеев Жаботинский, Давид Разиель, Менахем Бегин (узник сталинских лагерей, в 1977 году, после 29-летнего нахождения в оппозиции, ставший первым главой правительства Израиля от движения Ликуд, в которое преобразовался Херут). Я помню ликование людей в Иерусалиме ночью 17 мая 1977 года, когда молодой красавец, диктор Первого канала израильского ТВ Хаим Явин изумленно воскликнул после предварительного подсчета голосов на всеобщих выборах: «Переворот! “Ликуд” выигрывает выборы! Бегин – глава правительства Израиля».

Мы говорим сегодня о футбольном клубе «Бейтар», который в 1970-х годах «становился на ноги»: первый завоеванный Кубок Израиля, первый чемпионский титул...

Я помню тот состав «Бейтара». Помню, как на поле иерусалимского стадиона «ИМКА» впервые вышел 17-летний Ури Мальмильян, которого не могли остановить самые суровые, самые быстрые

и сильные защитники израильской лиги. Этот худой, невысокий юноша действительно вытворял невероятные вещи с мячом. Его пасы на выход нападающим были непревзойденными. Его штрафные удары, которые болельщики называли «банана», пробивали всех вратарей лиги. Его популярность в городе и в стране была невероятной. На рынке продавцы фруктов распевали: «Каждый арбуз – Мальмильян! Каждый персик – Ури! Каждый помидор – Мальмильян!»

В воротах «Бейтара» тогда играли надежнейшие Ежи Суринов и Йоси Мизрахи, в защите стоял непроходимый Ицик Джано, в полузащите блистали Ури Мальмильян, Дани Нойман, Виктор Леви и Игаль Грубер – в то время недавний репатриант из СССР, скромный паренек из Черновиц. Игаль (Игорь) был, кажется, единственным боевым офицером в составах всех команд высшей израильской лиги тех лет – старшим лейтенантом бронетанковых войск. Это был надежный, знающий свое дело игрок. В нападении хорош был Эли Мейяли, резкий форвард-забивала. Тренировал же этих славных ребят молодой наставник Шимон Шенхар.

Потом команда переживала разные периоды своей истории. Ее тренировали такие знаменитые наставники, как суровый Довид Швайцер по кличке Акула; веселый, но очень непростой человек Мотеле Шпиглер, гонявший с игроками мяч в двухсторонках; наконец, Дрор Каштан, нынешний тренер сборной Израиля. Этот тренер в столице до сих пор имеет наибольшее число поклонников.

À ææðòíé óíðì á èãðíèè èíì àí ãí «Áæðòãð».

Именно с Каштаном команда добивалась самых высших достижений, выигрывая чемпионские титулы и Кубки. Именно Каштан вывел в люди таких игроков «Бейтара», как Эли Охана, Сами Малка, Ави Коен, Меир Кадош, Ханаан Азулай. Именно Каштан 15 лет назад пригласил в «Бейтар» таких легионеров, как Сергей Третьяк, Владимир Гречнев: их до сих пор с любовью вспоминают болельщики еврейской столицы. Третьяк, кстати, остался жить в Израиле и сегодня работает в «Бейтаре», в ДЮСШ клуба. Первым же иностранным легионером иерусалимской команды был Гурам Аджоев – курдский кудесник мяча родом с Кавказа.

Год назад в «Бейтар» пришел новый спонсор, новый президент клуба Аркадий Гайдамак. Он совершил организационный переворот в команде, которая на тот момент увязла в долгах и других проблемах. За считанные месяцы в структуре команды, в организации клуба, в его устройстве произошли разительные и очень важные перемены. Председатель правления «Бейтара» Владимир Шкляр, член движения Херут, построил работу команды в соответствии с лучшими европейскими образцами клубного футбола.

Все нужды и запросы команды – финансовые, базовые, социальные – исполняются хозяином клуба немедленно. Тренировочная база «Бейтара» за год преобразилась невероятно. Специалисты говорят, что ничего подобного никогда в стране не происходило. Главным тренером столичного клуба назначен аргентинский специалист, чемпион мира 1982 года Освальдо Ардиллес, опытный профессионал и достойный человек.

Использование в пищу птицы практиковалось евреями с древнейших времен. В Торе по этому поводу сказано: «А из птиц вот этих вы должны гнушаться, нельзя их есть, мерзость они – орел и гриф, и орел морской. И коршун, и сокол по виду его. Всякий ворон по виду его. И страус, и сова, и чайка, и ястреб по виду его. И сыч, и баклан, и ибис, и филин, и пеликан, и сип, и аист, и цапля по виду ее, и удод, и летучая мышь» (Ваикро, 11:13–19). Летучая мышь (в некоторых переводах – «нетопырь»), очевидно, попала в этот перечень вследствие своего зловещего вида и ночного образа жизни. Это животное издревле считалось враждебным человеку. Птица ибис была предметом поклонения в некоторых языческих культах, в частности у древних египтян. Остальные перечисленные птицы либо хищники, либо питаются падалью. Как во многих запретах Торы, здесь есть и сакральный момент, и рациональное зерно.

Интересно, что из птиц, угодных для жертвы на алтаре, выбрана самая неагрессивная: «Если же из птиц всесожжение, жертва его Б-гу, то пусть приносит жертву свою из диких голубей или из молодых домашних голубей» (Ваикро, 5:7). Эти слова произнесены в Синайской пустыне, из чего следует, что разведение домашней птицы известно было евреям еще в Египте. После заселения Ханаана эта отрасль развивалась.

Комплекс Бейт-Гуврин, бывший крупным административным центром страны в римский период, расположен на высоком холме в 50 километрах от Иерусалима. В окрестностях поселения археологи обнаружили множество огромных пещер, некоторые высотой до 20 метров. Из-за своеобразной формы, напоминающей колокол, их называют «колокольными». Пещеры искусственного происхождения, образовались они при добыче камня для строительства, а затем использовались для разнообразных целей. Стенки некоторых пещер снизу доверху равномерно «перфорированы», изрыты углублениями, в которых может уместиться большое голубиное гнездо. Это своеобразные древние инкубаторы: в них выводили и откармливали голубей, наиболее распространенную в те времена домашнюю птицу.

В «Поваренной книге для евреек», изданной в Киеве в 1889 году, есть специальный раздел «О том, как жарить, тушить и коптить птиц». Здесь присутствуют блюда из гуся, индейки, каплуна, утки, голубей и курочки (именно так, уменьшительно-ласкательно). Это набор птицы, традиционный для ашкеназов. Однако в рецепте паргит, публикуемом ниже, присутствуют уже элементы современной израильской кухни.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

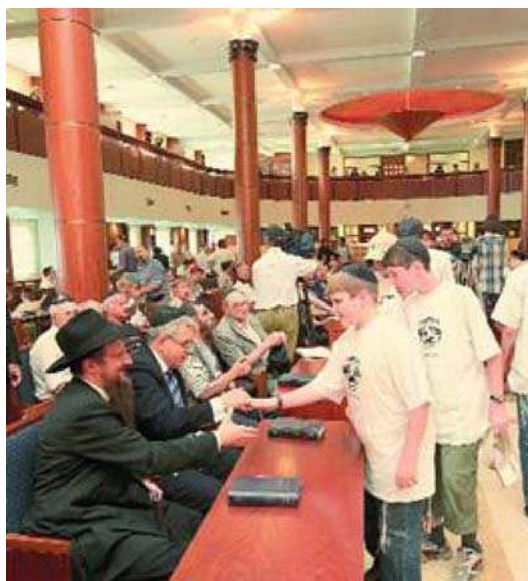
יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ

25 июля в молельном зале МЕОЦа состоялась коллективная молитва за жизнь захваченных террористами заложников Гилада Шалита, Эльдада Регева и Эхуда Гольдвассера, за безопасность народа Израиля, страдающего от ракетных обстрелов, за здоровье солдат Армии обороны Израиля, ведущих тяжелые бои с бандами международных террористов.

В церемонии приняли участие главный раввин России Берл Лазар, руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин, посол государства Израиль в России Аркади Мил-Ман, представители еврейских организаций.

«Мы молимся за здоровье и благополучие солдат, которые сегодня охраняют границы Израиля, – сказал главный раввин России. – Все понимают, что эта война не спровоцирована Израилем. Как всегда, армия Израиля занимается обороной Израиля... Наши братья сражаются за весь еврейский народ. Как им помочь? В Торе написано: “Если будете соблюдать Мои законы – Я обещаю мир в стране Израиля”. Наша надежда и помощь – наши молитвы. Нашими молитвами мы покажем Б-гу, что мы уверены в Его помощи. Мы будем молиться за наших братьев, покажем нашу солидарность. И наши братья ощутят, что мы с ними».

«Всем понятно, что слабый Израиль – это слабая еврейская община, сильный Израиль – сильная еврейская община, – сказал посол Израиля Аркади Мил-Ман. – Всем понятно, что террористов “Хизбаллы” поддерживают Сирия и Иран. Те, кто посылает на Израиль ракеты, несущие смерть и разрушение, будут сурово наказаны. Как убить террористов? Единственный способ – нанести сокрушительный удар по этому

чудовищу, у которого много голов и хвостов и которое подняло на нас руку. Мы победим, и победа абсолютно точно будет за нами». Выступление посла прерывалось бурными аплодисментами собравшихся.

После молебна были зажжены поминальные свечи в память о погибших в этой войне.

А. Аманжолта

ΑΙΕΘΑΕΙ ΕΔΑ Α ΕΕΑΑΝΕΙΙ ΙΑΑΑ

*24 ερϋυ αιρεα αδεε Αδκαεαυ ιαδρατα ροι ια εεααρεεο ηεεηαο Αιαδα, ηηοηυεηη
αδαιαειγυε ι εοεια Α ιαι ιδεηυεε ο:αηοεα αιεαα 8 ουη εεαεηυι ε ι δαηηοααεοαεε ααδαιηεεο ιαυει
αδκαεο αηδρατα θεδαειυ. Ιοεοδαεηυηι ι εοεια ιαγαεε «θεδαεια ιδιδεα οαδδιδα», α οαεοε:αηεε αηη
αηηοοι εαεεα ε ι δεηηοηοααηυεα ια ιαι ααειηαηοηι ι ιαααδκαεε ηο ιεεηηου ε ι οεαηοαη αηηααδηοαα
εγδαεευα αιδυαα η οαδδιδεγυ ηι.*

В митинге приняли участие еврейские организации Украины, представители разных религиозных конфессий, украинского казачества. Главным идеологом, инициатором и организатором митинга выступил активный деятель еврейского движения в Украине Вадим Рабинович, а вел его талантливый журналист, главный редактор Издательского дома «СН-Столичные новости» Владимир Кацман. Первой у микрофона выступила Чрезвычайный и Полномочный посол государства Израиль в Украине Наоми Бен-Ами. От имени израильского государства она поблагодарила участников митинга за поддержку страны в этот трудный для нее час и подчеркнула: «У Израиля нет конфликта ни с кем, у него есть лишь один страшный враг XXI века – терроризм. Он без лица и без границ, и нет от него профилактических прививок».

Перед собравшимися выступили Вадим Рабинович, Илья Левитас – президент Еврейского совета Украины – и другие еврейские лидеры, раввины, представители православной и греко-католической церквей.

«Мы с Израилем! – заявил от имени более ста еврейских общин главный раввин Украины Азриэл Хайкин. – Мы молимся за его благополучие и безопасность».

Осудили терроризм и поддержали справедливую отповедь ему со стороны Израиля Семен Бельман – руководитель черниговской общины, Герой России Геннадий Штерн, атаман киевского казачества Вячеслав Тарасов и многие другие. Трогательно звучали слова из уст Тани и Менахема, отдыхающих в детском лагере киевской общины. А подполковник в отставке Таня-Роза Липина из Белой Церкви не выступала. Она просто прикрепила израильский флаг к своему платью и так ходила среди митингующих.

Кончился митинг необычно. По просьбе Вадима Рабиновича молодые люди взяли в руки белых голубей, принесенных на митинг, и по команде выпустили их в небо столицы Украины с возгласом: «Пусть будет мир!»

Ν. Οαοοι αι

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)
אֵלֵאָאִי ׀ֵעַ דְאֵאָאֵי דִי־נְנֵעַ אֲדֵעַ אֶצֶד:

צִבְאֵאִי עֵא

23 עֵרֵי אֲדֵאִיאֵעַ עֵדִינֵעֵי אֲדֵאִי נִי־דֵעִיאִי יִיֵעֵוִי צֵאֵ אֲדֵעַ אֶצֶד עֵרֵי.

«В эти дни наш народ, наши братья в стране Израиля переживают тяжелые времена. Международный терроризм захватывает евреев в заложники, обрушивает тысячи ракет и артиллерийских

снарядов на еврейские города. Десятки мирных людей погибли, сотни ранены. Сегодня каждый должен задать себе вопрос: что он может и должен сделать, чтобы помочь нашим братьям и сестрам? Наши единоверцы в стране Израиля уже много раз вынуждены были вести войны, чтобы защитить еврейское государство от уничтожения, а народ от истребления». Уроки трагических дней еврейской истории учат: первое, что необходимо сделать, – это «сплотиться ради защиты Израиля». Никакие разногласия политического, общественного или личного характера не должны помешать в достижении цели. «Одним из важнейших свидетельств единства нашего народа является цдока – помощь нуждающимся, – продолжает раввин. – Цдока показывает Всевышнему, что Его дети дружат между собой, заботятся друг о друге, и тогда Он Сам позаботится о нас, поможет нам. Важной заповедью, которую следует особо блюсти в эти трудные дни, является надевание тфилин... Если у вас есть свои тфилин, надевайте их каждый день во время молитвы, если нет – идите молиться за наших братьев в синагогу, там вам обязательно помогут надеть тфилин».

«Еще одна важная заповедь – это мезуза на дверном косяке, защищающая наши дома от всякого зла. Если у вас ее нет – обратитесь в синагогу или к вашему раввину. Если у вас уже есть мезуза, помогите другим евреям, подарите им мезузу и позаботьтесь о том, чтобы она была прибита, как велит традиция».

Главный раввин России призвал 25 июля «всех евреев собраться в синагогах своих городов на совместную молитву “минха” за жизнь и благополучие наших братьев в Израиле, за их избавление от террористической угрозы». Он подчеркнул, что в этот день – «малый Йом Кипур», день перед новолунием – «молитва особенно слышна».

ĪādāūāīēāāñāyēñōdāōdīūīāīāīĀāyōīāāāī

«Скорбь по поводу разрушения Храма – это не только и не столько печаль по утраченному зданию, которое в древние времена стояло на горе в Иерусалиме. Иерусалимский Храм имел в первую очередь духовное значение. Это было место, где Б-г присутствовал наиболее явно, свидетельством чему становились чудеса, которые Он являл в Храме».

«После разрушения Храма Создатель уже не является на этом месте, – продолжает раввин Лазар. – Разумеется, Б-г был и остается везде в мире, но Он сокрыл от нас Свое лицо. И последствия этой трагедии мы ощущаем до сих пор в тысячах бед и конфликтов, которые переживает мир». Главный раввин России полагает, что «наши молитвы на Девятое ава отражают и глубокое осознание реалий сегодняшнего дня. Сейчас у евреев вновь есть свое государство на земле Израиля, есть армия, которая защищает это государство от врагов. Почему же мы продолжаем вспоминать о разрушении Храма и об изгнании? Да потому, что изгнание как уменьшение возможности напрямую чувствовать Б-га никуда не делось. Оно находится у человека внутри. Еврей может жить в Иерусалиме и быть более “изгнанным”, отдаленным от Б-га, чем его единоведец где-нибудь в Сибири. Царь Давид сравнивает это чувство сокрытости Б-га со сном. Об этом он говорит в псалме 126: “Когда возвратит Г-сподь из плена детей Сиона, <всё пережитое> покажется нам сном”. Что имеется в виду? Во сне человек не способен понять, где реальность, а где иллюзия, где правда, а где морок. Мы знаем, что единственная подлинная реальность – это правда Б-жья. Когда был Храм – человек мог идти к Б-гу и Его правде прямым путем. После разрушения Храма путь к правде усложнился, он лежит через многочисленные препятствия, через преодоление иллюзий. Поэтому, когда мы просим Б-га вернуть Храм, мы имеем в виду возвращение прямого присутствия Б-жьего, воцарение Его правды, мир, в котором нет места злу, терроризму, экстремизму, многочисленным порокам нашего времени. Чтобы отстроить Храм заново, его нужно отстроить в сердце каждого человека. И это произойдет, когда придет Мошиах, когда все народы будут молиться Б-гу Единому, прекратятся войны и люди будут относиться друг к другу на основе заповеди любви к ближнему. Тогда исполнятся наши упования, и Храм будет восстановлен во всем своем блеске и величии».

Торжественная церемония началась с молитвы за мир в Эрец Исраэль, которую прочитал главный раввин Ужгорода Менахем-Мендл Тайхман. Мезузу к дверям синагоги прикрепил Мункачер Ребе Мойше-Лейб Рабинович. Затем он обратился к собравшимся со словами приветствия и благословения.

«Для меня открытие синагоги в моем родном городе, в моем родном доме – великое чудо, – сказал он. – Но сегодняшнего чуда нам недостаточно. Мы ждем еще большего чуда, чуда на все времена. Мы ждем, что вскоре будет отстроен третий Храм в Иерусалиме».

Гостей приветствовал главный раввин Западной Украины Шломо Вильгельм. Обращаясь к сотням хасидов и многочисленным представителям еврейских общин Ужгорода, Берегового, Виноградова и других городов региона, раввин Вильгельм отметил: «Сегодня великий день не только для евреев Украины, но и для всего мира. Не зря синагогу называют маленьким храмом. Это событие не только наглядно демонстрирует возрождение еврейской жизни в Украине, но оно свидетельствует, что недалек тот день, когда Праведный Мошиах соберет нас всех в Иерусалиме».

В праздничном торжестве приняли участие представители мэрии Мукачева. В адрес мукачевской еврейской общины пришло поздравление Департамента по делам религий правительства Украины. «Это знаковое событие является наглядным подтверждением умножения и сохранения духовных достижений, утверждением в обществе осознания высоких идеалов, которые способствуют построению свободного демократического общества, – говорится в поздравлении. – Украинское государство выступает общим домом для всех национальностей и религиозных конфессий, среди которых иудаизм занимает почетное место, синтезируя духовные и неповторимые культурные достижения еврейской общины».

А. Айхәлі

ФСБ ПРЕДОТВРАТИЛА ТЕРАКТ

17 ερεΰ ΔΕΑ «Γιάππε» πλάυεεΐ, οΐ ά ΝάδοΓάά άεάπάαδΰ ιδΐοεεάεοε-άπεί ι άπΐδευοεΰι, ιδΐάάάίΐι Γάδοεάΐι ε πΐοάΐεεάι ε ΟΝΑ Δΐππε, αΐε ιδΐάΐοάδαιΐ άπΐά άδΐάπτε πείάπΐ.

«В ходе оперативных разработок чекистам стало известно о 22-летнем лидере одной из местных подпольных организаций профашистского толка, который намеревался произвести взрыв в синагоге», – сообщил на пресс-конференции начальник УФСБ России по Саратовской области Валерий Бекленищев. По его словам, нацист намеревался сделать взрывное устройство зажигательного типа и подыскивал лиц, готовых помочь ему в осуществлении теракта. На «скинхеда» вышли оперативные сотрудники ФСБ, которые разъяснили молодому человеку возможные последствия преступления и уговорили его отказаться от задуманного. В результате несостоявшийся террорист явился с повинной в областное управление ФСБ; не скрывая своей приверженности националистическим идеям, он, однако, отказался от совершения теракта.

«Согласно законодательству, уголовное дело в связи с явкой с повинной возбуждено не было, а молодой человек избежал первой судимости», – заметил Валерий Бекленищев.

Δ. Εάεΐά

ΕΛΛΕ ΕΛΛΑΑΑ Α Ι ΑΟΑΔΑΟΔΑ

***Εξαιριτική επαινετική αετιάν αι, ιδιαιτιό Οααδαοέε αααεπέε φαυεί ΝΙΑ Έαε
Εαααα ι ιππεε Ι αοααοα***

11 июля за ужином, данным в его честь, Леви Леваев побеседовал с руководителями еврейской общины города и обсудил перспективы развития еврейской жизни в Северной столице.

12 июля президент ФЕО СНГ встретился с полпредом президента в Северо-Западном округе России Ильей Клебановым. В тот же день состоялась встреча Леви Леваева с губернатором Петербурга Валентиной Матвиенко, в которой также приняли участие главный раввин города Менахем-Мендл Певзнер и председатель еврейской общины Марк Грубарг. В ходе беседы обсуждался вопрос о возможных инвестициях в экономику Северо-Запада. Валентина Матвиенко отметила значительную роль еврейской общины в общественной жизни Петербурга. Она указала также на проблему, которую еще предстоит решить. Речь шла о Преображенском еврейском кладбище, которое, несмотря на осуществленные в последнее время работы, всё еще находится в неудовлетворительном состоянии. Губернатор подчеркнула, что в решении этой проблемы власти города надеются на участие еврейской общины. Со своей стороны Леви Леваев выразил признательность администрации за помощь в развитии еврейской жизни Петербурга. Лидеры общины заверили губернатора, что и в дальнейшем будут активно участвовать во всех общественно значимых начинаниях администрации Северной столицы.

В. Έαεεία

добившийся огромных успехов в бизнесе и посвятивший свою жизнь благотворительности, строит здесь здание синагоги и общинного центра... Вместе с мэром города, со своими друзьями и партнерами, со всеми жителями свободной и демократической Украины евреи возрождают традиции и духовность, благотворительность и религию. Это необходимое условие процветания и благополучия всего общества. Сегодня в мире появился еще один источник света и добра».

А. Аеліт

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

СТРОЙПЛОЩАДКА В БАБЬЕМ ЯРУ?

А תאוצה לן דאס צאדל וואס אענץ יאראנד אאיינע ייעאיי עעלע י ארצי יאעיינ יא-אעא נודיעו אעיינ ווא יא י אנוא דאיינ וואעא אעו עאדל וואי ע אאדאא ע אדאע אאיי נעיינ י אאנעאיי עו אדאעו יאועיי אעיינ ינואע א אאאיינ בוד (עעא), יאראנד אאיינע עיינ עוואו יי וואעיינ-עאיי ער יאיי יודע אאדו א אאאיינ בוד יאדא עענץ ע אעאיי יי ו דאאעיי ו עעדאע יו א צדע יעו וואעעיי וניי דיניאיע מי יאיי עווי אא י יאיעא יי יודיי ויי יאיינא

В письме к главному раввину Украины комитет «Бабий Яр» сообщил о том, что «группа частных лиц, от имени которой выступает председатель Всеукраинского еврейского конгресса В. Рабинович, объявила о намерении построить на месте выкупленного ими сооружения комплекс, в который должны войти музей, синагога, ешива и тому подобное. Часть участка, на котором планируется строительство, расположена не просто на мемориальной территории Бабьего Яра, а непосредственно в пределах бывшего еврейского кладбища. Любое строительство, в особенности масштабное, приведет к окончательному разрушению этой территории, вызовет негативную реакцию общественности и, на наш

взгляд, станет толчком к последующей застройке Бабьего Яра отдельными коммерческими и общественными структурами. Вместо целостного национального мемориального комплекса мы получим много разрозненных общественных и культовых сооружений, которые будут использоваться ради собственной саморекламы отдельными персонами... Комитет «Бабий Яр» объединяет людей, которые решительно выступают против такой «приватизации» Бабьего Яра и настаивают на предоставлении всей мемориальной территории статуса государственного заповедника».

Ознакомившись с письмом комитета «Бабий Яр» и посетив место предполагаемого строительства, главный раввин Украины высказал свою точку зрения по этой проблеме. Он, в частности, подчеркнул: «Я, так же как и вы, считаю Бабий Яр символом величайшей трагедии XX века – Холокоста. Символом не только для Украины, но и для всего мира. Бабий Яр – место гибели евреев Киева – стал очень известен, но мест, подобных ему, очень много в Украине <...> Я полностью поддерживаю и разделяю вашу позицию в отношении создания государственного заповедника на всей мемориальной территории Бабьего Яра и создания национального мемориала жертв гитлеровского геноцида. Мне кажется крайне неразумным и неприемлемым возведение зданий или комплексов частными лицами или отдельными организациями. Я хочу еще раз подчеркнуть, что речь идет не о стеле, мацеве или памятном знаке. Речь идет о зданиях, где будут работать люди, где будут проходить мероприятия и которые будут находиться на месте, связанном с массовой трагедией. Вы пишете: есть опасность, что новое строительство будет вестись на земле бывшего еврейского кладбища, и спрашиваете меня, что говорит об этом еврейский закон. Еврейский религиозный закон категорически запрещает строительство любых сооружений на месте захоронений. Это относится к любым сооружениям. И люди, идущие на такие действия, должны понимать все последствия своих шагов, особенно с духовной точки зрения».

Главный раввин Украины и сопредседатель Общественного комитета «Бабий Яр» Семен Глузман подписали письмо к президенту Украины Виктору Ющенко по проблеме застройки Бабьего Яра. Стороны обратились к президенту с просьбой вмешаться в сложившуюся ситуацию и добиться выполнения распоряжения о создании государственного историко-культурного заповедника «Бабий Яр».

AAI

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

איִתְּדִי יִיאָאָעֹ, אֲנֵעֵ יָא צֶאָזְאָאֹוּ ׀׀דִּי עֵיִא יִדִּי ׀׀יִאִי

*23 epey a adaa qet:aaa Euaatete iaeanoe mpoiyenii oideanamaia ideduoa
i ai idaea a i ai yoi i aadano Oietenna*

На церемонии присутствовали главный раввин Украины Азриэл Хайкин, главный раввин Житомирского региона Шломо Вильгельм, главный раввин Ивано-Франковского региона Моше Калесник, главный раввин Ровно Шнеур-Залман Шнеерсон, представители областной и городской администраций, а также специально прибывшая делегация евреев из разных стран мира – выходцев из Золочева, которых собрала вместе гражданка Бельгии Фанни Зилменд.

Все собравшиеся прибыли на бывшее еврейское кладбище города, заботливо огороженное от застройки, чтобы здесь, на месте расстрелов евреев гитлеровцами, открыть памятник, созданный известным скульптором Василием Каменщиком.

Торжественную церемонию открыл главный раввин Украины Азриэл Хайкин.

«Я благодарю Всевышнего за то чудо, которое Он совершает, – сказал он. – Спасибо Всевышнему за то, что мы живем в Украине, что мы можем говорить здесь на родном языке, молиться и

строить такие памятники. Невозможно переоценить важность того, что сегодня происходит в Золочеве. И это важно не только для нас – это важно для будущих поколений. Мы должны учиться на ошибках прошлого и делать всё возможное, чтобы терроризм не появлялся ни в одной стране мира».

Главный раввин Житомира Шломо Вильгельм прочитал поминальную молитву, и все присутствовавшие евреи вместе с главным раввином Украины прочли кадиш.

Церемонию продолжил глава Золочевского районного совета Борис Золотник. «На нашей земле похоронены представители разных народов, – сказал он. – И украинское государство с подобающим почтением относится к любым захоронениям. Для нашего города очень важным событием является открытие мемориала в память о евреях, погибших во время второй мировой войны от рук нацистов. То, что произошло в середине прошлого века, никогда не должно повториться».

Представитель делегации золочевских евреев, проживающих за рубежом, лауреат Нобелевской премии в области химии Роланд Хоффман отметил: «Этот визит в Золочев для меня бесконечно важен. Дом, в котором я родился, стоит здесь, на улице имени Бандеры – в наше время это была Ягелонская... Я считаю важным, чтобы были памятники – даже несмотря на то, что сейчас здесь нет евреев. Это очень важно для образования современной молодежи: нынешнее поколение должно знать, что раньше в Золочеве проживали треть евреев, треть украинцев и треть поляков, что мы жили здесь все вместе.

А потом был Холокост... Часть моей души – оптимистическая – говорит, что такого больше не повторится, а другая – пессимистическая – говорит, что это может случиться в любой момент. И я надеюсь, что добро победит, но только в том случае, если мы не забудем уроков прошлого».

У. Айдай

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

יִי אֱלֹהֵינוּ הַיּוֹם הַזֶּה אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

19 июля председатель правления Федерации еврейских общин России Александр Борода дал интервью portalу «Интерфакс-Религия» и поделился своим видением проблемы сотрудничества религиозных организаций и органов власти.

Он отметил, что религиозные общины расширяют свои контакты со всеми ветвями российской власти. «И это двусторонний процесс, важность которого понимают обе стороны. За последние 10–15 лет и общество, и государство увидели, какую огромную позитивную, созидательную силу имеет религия, как велика ее роль в возрождении духовности, формировании морально-нравственных ориентиров, особенно для подрастающего поколения. Высшие представители государственного руководства, включая президента страны, оказывают поддержку возвращению религиозных идей в общество после 70 лет воинствующего безбожия: они посещают религиозные мероприятия и праздники, поощряют строительство и реставрацию храмов, возвращают религиозным общинам отобранное у них в прошлом веке имущество. В свободной России государство ориентирует общество на духовные ценности, которые немислимы без религии. Да, религия отделена от государства, но государство, стремящееся обеспечить единство и толерантность в обществе, не может игнорировать роль религии для выработки нравственных ориентиров своих граждан».

По мнению А. Бороды, «религиозный взгляд следует учитывать при принятии решений на государственном уровне, в том числе потому, что цели традиционных конфессий и государства в России сегодня во многом совпадают». В качестве примера он приводит «единый фронт» «против экстремизма, сектантства, противоестественных пороков, таких, как содомия и наркомания».

По словам А. Бороды, в беседах с представителями власти руководители ФЕОР обсуждают достаточно широкий круг вопросов, и не только на формальных встречах, но и в доверительных беседах, при живом обмене мнениями. Во-первых, «ФЕОР сегодня ведет активное общинное строительство по всей стране. Поэтому нередко возникают текущие вопросы о зданиях, земельных участках и тому подобных вещах». Во-вторых, «на встречах с представителями законодательных органов речь идет о принятии законов, которые позволили более эффективно бороться с распространением фашистской и экстремистской идеологии через печатные издания и Интернет». На встречах с депутатами Федерального собрания говорят «о введении в школе “уроков толерантности”, в рамках которых дети могли бы знакомиться с основами всех традиционных религий России». Об этом же, по словам председателя правления ФЕОР, разговор шел и с первым вице-премьером России Дмитрием Медведевым, встреча с которым состоялась 14 июля. «Проблемы борьбы с ксенофобией, экстремизмом и религиозной нетерпимостью мы обсуждали во время встречи с министром юстиции. О возрождении духовности в российском обществе шла речь во время визита президента ОАО “РЖД” Владимира Якунина в Московский еврейский общинный центр».

Александр Борода подчеркнул: «Каждая такая встреча показывает, что государство готово идти навстречу религиозным общинам. Есть понимание, что все мы делаем общее дело, работаем на благо нашей Родины. Думаю, что сильная Россия – это прежде всего Россия, сильная духом. Поэтому в ближайшем будущем контакты между государством и религиозными общинами будут расширяться».

Партия «Единая Россия» и Федерация еврейских общин России будут сотрудничать в деле укрепления морали и нравственности в обществе. Об этом 6 июля в Москве договорились заместитель председателя Государственной думы, секретарь президиума генерального совета партии «Единая Россия» Вячеслав Володин и председатель правления ФЕОР Александр Борода. Во встрече также принял участие председатель Комитета Госдумы по делам национальностей Евгений Трофимов.

В ходе беседы стороны отметили необходимость диалога между органами власти и религиозными организациями в сфере воспитания и формирования морально-нравственных ценностей у молодежи и развития духовности в обществе. Кроме того, Вячеслав Володин и Александр Борода договорились о координации усилий по борьбе с ксенофобией и экстремизмом в России.

«Для нас это важная встреча, – отметил Александр Борода. – “Единая Россия” – партия парламентского большинства и, следовательно, оказывает решающее влияние на законотворческий процесс в Думе и на многие процессы вне стен парламента. В вопросах улучшения нравственного климата, воспитания патриотизма и толерантности в российском обществе наши интересы совпадают».

ААІ

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ИДИШКАЙТ ПО-ВОЛЖСКИ

*Ń aasō iēīīā-iīnōāē āōīāā Āīēāāāāā, dānōyīōōōāīyū āāīēū iōāāīā āāāāā Āīēāē iī-ōē
īā 100 ēēēīī āōōīā (ē çāīyāōāā āōīōīā i ānōī ā i ēōāīīnēā Ēīn-Āīāēēāīā iī iōīōyāēāīīīnōē), ānōū
āāā īāīēāīīūō iōīēōā Īāēī ēç īēō - āōīā Āīēāēēēē, āīōā Āīēāāāāā, īā ēāāīāāāēūā, īā āāōāā
Āōōōāū - nāī īā ēōōīīīā iōēōīēā Āīēāē. Āōōāē - iīnāēīē Nāāōēūē Bō, dānīīēīēāīīūē īā iōāāī
āāōāā, īēāā iī ōā-āīēp ē yāēyūēēēīy ēāē āū iōīāīēāēāēāī Āīēāāāāā. Ē ōāī, ē ōāī ānōū
āāōēēēā īāūēīū, īīāēāāī ūā āīēāāāāāēēēī dāāāēīīī çāēīāīīī Ēīōōā Īōē-āī īāūēīū ī-āīū
īāīīōīāēā ēāēāāy - nī nāēī ēēōīī.*

Жители Волжского шутят, что миллионный Волгоград – это всего лишь разросшийся пригород трехсоттысячного Волжского. Конечно, это лишь шутка, но у молодого города, недавно справившего 50-летие, есть свои заслуги, своя история и свои неповторимые черты. Волжане заслуженно всем этим гордятся.

Действительно, Волжский – город молодой, но амбициозный. Создавался он для строителей Сталинградской ГЭС на территории, в 1943 году освоенной ГУЛАГом: в районе стройки будущей ГЭС находилось четыре концентрационных лагеря...

Сначала, в 1949–1950-х годах, здесь появляется организация «Сталинградгидрострой», приезжают геологи, первые строители. Затем, в 1951–1952 годах, начинается возведение жилых домов, открываются техникум, поликлиника, баня, школа, столовая, аптека, универмаг, отделение Госбанка... Выходит первый номер газеты «Стройка коммунизма».

1954-й считается годом основания Волжского: 22 июня этого года вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании поселка в город областного подчинения. Проживало здесь в ту пору 30 тыс. жителей. Сегодня – больше 300 тыс.

Кроме Сталинградской ГЭС, позже переименованной в Волжскую, были построены трубный, подшипниковый, абразивный заводы. А также крупнейший в стране химический комплекс. На сегодняшний день в Волжском – больше 500 предприятий: это более чем треть промышленного потенциала всей Волгоградской области. Доля налогов, собираемых городом, в областном «кошельке» составляет около 40%, поэтому «волжские» задирают нос вполне заслуженно. Впрочем, молодости вообще свойственно задирать нос, а молодежи в Волжском особенно много.

Вот что рассказывают о родном городе ученицы еврейской воскресной школы Волжского Полина Кобец и Алена Слащева:

«Детство и наша юность связаны с этим прекрасным городом. Мы ходим по его улицам, паркам и видим, как он хорошеет на наших глазах. Мы гордимся им! Нам захотелось побольше узнать о своем городе. Как всё начиналось? Почему 50 с лишним лет назад на карте нашей родины появился этот город? Одно дело почитать книги по истории Волжского, другое – узнать о нем из уст очевидцев, первостроителей города. С этой целью мы пригласили в нашу воскресную школу членов общины, ветеранов труда

и Великой Отечественной войны Цехновича Иосифа Борисовича и Биллера Леонида Зельмовича. Живо и ярко рассказывали они о городе, как будто вновь переживали то трудное время.

Своим рождением Волжский обязан Волжской ГЭС. Первые строители жили в палатках, землянках (при таких-то морозах!), селились за 10–20 километров от города в селах, ехали со всех концов страны, прикипали душой к стройке и оставались здесь на всю жизнь. На работу добирались на грузовиках с деревянными пристройками (их называли «скворечниками»). Иногда приходилось идти пешком – и в холод, и в жару, и в слякоть – привязывали ремнями сапоги, чтобы в грязи их не потерять. Всё смогли пережить, выстоять – народ был терпеливым. После рассказа наших гостей о пережитом город стал еще ближе и дороже нам».

Конечно, Волжский пока не имеет своей еврейской истории. Всё еврейское население города – это те, кто в свое время приехал сюда на работу, и их потомки. Интеллектуальный уровень евреев Волжского очень высок. А к своим корням, истории, традициям, культуре они прильнули, как только появилась возможность, – с жадностью людей, исстрадавшихся от жажды.

Отсюда и «профиль» основных видов деятельности еврейской общины Волжского. Маршрутка с учениками волгоградской школы «Ор Авнер», ежедневно доставляющая их в областной центр – к месту учебы и обратно, набита до отказа. Потребность учиться у местных детей весьма высока, поэтому раз в неделю кипит жизнь воскресной школы Волжского. Председатель общины Гарри Тарловский преподает иврит, его супруга Римма Исааковна – традиции и историю. Светлана Клейнер проводит консультации по математике. Под руководством Кати Глущенко дети разучивают еврейские танцы, а Таня и Настя Птица учат рисунку, живописи, рукоделию.

А. Овдегалин.

Саша Дворцов, ученик волжской воскресной школы, написал другу в Израиль:

«С этого учебного года я стал ходить в еврейскую воскресную школу. Она была основана в 2000 году. Поначалу ходило 30 детей, многие из них, как и ты, уже в Израиле. Мне нравится посещать эту школу. Здесь заботливые и интересные учителя, с ними можно посоветоваться по любому вопросу. У нас несколько предметов: иврит, традиции и история, изобразительное искусство, математика. И еще танцы. С недавнего времени я “ударился в философию”. Мне в ней нравится всё, особенно еврейская философия. Сейчас изучаю Тору и комментарии Любавичского Ребе. Если что мне неясно, то я обращаюсь за разъяснениями к учителю иврита Гарри Семеновичу. В свободное время и в праздники ставим сценки, посещаем музеи, театры. Первые занятия в сентябре проводили на природе у озера, занимаемся журналистикой...»

Во время каникул жизнь воскресной школы не ограничивается одним днем в неделю. Этот период у детишек из воскресной школы – большой многодневный праздник. При поддержке спонсоров из ФЕОР и благодаря заботе своих учителей ребят ждет интересная программа отдыха и разнообразные мероприятия. Ученик волжской школы Владимир Борисов назвал это «веселыми каникулами»:

«Малышам мы показывали сценки из нашего спектакля “Евреи шутят”. Детвора – самые благодарные слушатели, и за наши старания нам поставили “пятерку”. Была дискотека, игры и разные конкурсы под руководством нашего Молодежного клуба (ВМЕК). А вечером мы отправились в Волгоград на концерт. Программа была отличная, особенно большое впечатление произвело выступление Анны Девяткиной и Ефима Черного. Потом мы выступали перед членами нашей общины. Мы сделали им подарки, и они в долгу не остались! А своим концертом мы прибавили всем настроения, и этот праздничный настрой сохранялся весь вечер... Сейчас в школе готовится интересный конкурс по традициям и истории еврейского народа – “Самый умный”. Налаживается переписка с ребятами из воскресных школ США и Израиля».

В то время как дети развлекаются, взрослые заняты делом – проходят обучение в Школе основ еврейского образа жизни. Здесь слушают лекции по самым разным дисциплинам (медицине, философии, истории) на самые разнообразные темы: к примеру, изучают историю евреев России, Хазарского каганата, антисемитизма; слушают лекции об основах еврейской этики и выдающихся полководцах-евреях. Занимаются с ними и местные, и приезжие специалисты, регулярно приходит замечательный лектор, кандидат философии Александр Захаров.

А предмет любви и особой гордости общины – клейзмерский ансамбль «Руах», что в переводе с иврита означает «душа». Душой этого музыкального содружества, его создателем и руководителем стал Гарри Тарловский – не только председатель общины, но и замечательный скрипач, прекрасный знаток еврейской музыки. Он рассказывает, что ансамбль образовался в 2001 году по самому простому принципу: «Умеешь играть, хочешь играть – играй!» За пять лет они отлично сыгрались – сегодня это дружный творческий коллектив, в который входят, помимо самого Гарри Семеновича, Алексей Шапиро, Рамиль Зейналов, Алексей Демитриев и Галина Гридина.

В репертуаре ансамбля «Руах» – хасидская музыка, литургическая, эстрадная и современная еврейская музыка, песни на иврите и идише. «Всего у нас 40 произведений, – говорит Гарри Тарловский. – Наиболее любимые – “Ой-ёй-ёй”, “Хонга”, “Авину Малкейну”. У нас самый разнообразный слушатель – это и члены общины, и простые люди нееврейской национальности. Всегда приятно слышать, что в еврейской музыке есть тепло, задумчивость, что она понятна всем».

С выступлениями и концертами «Руах» объехал множество городов – от Астрахани до Тамбова. Выступали и перед детьми в реабилитационном центре, и перед вдовами ветеранов Великой Отечественной, и перед ветеранами – работниками культуры. Все концерты ансамбля – благотворительные, и везде «группу Тарловского» – две скрипки, гитара, бас-гитара плюс вокал – встречают с восторгом. Один из слушателей после выступления ансамбля «Руах» с удивлением сказал: «Я и не знал, что еврейская музыка такая добрая...»

* * *

Поселок городского типа Светлый Яр хоть и расположен на том же берегу Волги, что сам Волгоград, но намного от него удаленней, чем Волжский, и намного менее экономически и индустриально развит. Отсюда основные проблемы местной еврейской общины. Но община эта дружная, активно развивающаяся, и «лицо» этой общины – женское.

Супруга раввина Яэль Йоффе говорит: «У нас в светлоярской общине очень много талантливых и активных женщин, лидеров по натуре. Руководители общины с большим вниманием относятся ко всем аспектам еврейской традиции, консультируются у раввина. Им действительно сложно. Волгоград – непростой город, а они к тому же “на отшибе”. Если у нас в городе мероприятие проходит вечером, у них проблема доехать. И за детей родители боятся. Даже из Волжского быстрее приехать, чем оттуда. И если в Волжский рав Залман приезжает два раза в месяц, то в Светлом Яре он бывает гораздо реже. Так что вся работа – на хрупких девичьих плечах».

Особой активностью отличается Женский клуб (собственно, «мужской клуб», то есть миньян, в светлоярской общине не собрать), дамы встречаются два раза в месяц. Зампредседателя общины и координатор проекта «Кешер» по Южному федеральному округу Инна Моторная рассказывает об их деятельности: помощь детям-детдомовцам с физическими недостатками, распределение продуктовой помощи, культурные программы, участие в фестивале национальных культур «Старая Сарепта», выступления вокальной группы светлоярской общины...

Есть в Светлом Яре то, чем здесь гордятся особенно, – это свиток Торы. Он имеет особую историю: во время войны его спасла польская семья, потом он оказался в Америке, а в наши дни, благодаря усилиям организаторов и участников проекта «Кешер», свиток попал в Волгоградскую область, в Светлый Яр. Инна Михайловна поясняет: «У этой Торы долгая история. Вообще она из Польши. Во время войны ее хранили на чердаке. А потом, после войны, ее вывезли. Она нуждалась в реставрации. Тамара Коен, американская девушка, приняла решение, чтобы эта Тора была у нас».

«В Америке посчитали, что Тора нам действительно нужнее, – дополняет рассказ Инны Моторной секретарь общины Зинаида Евсеева. – Было пять Тор – и много городов, жесткий отбор. Но там знали Инну Михайловну – мы ведь проходили тренинговую программу – и решили, что именно у нас эта Тора будет “работать”».

Яэль Йоффе подтверждает слова Зинаиды Насоновны: «Именно потому, что женская группа у нас такая активная, община была награждена Сейфер Торой. Дело в том, что наши женщины участвуют в программе “Бейт Бина” при Институте Штейнзальца. “Бейт Бина” – это дитя рава Ишаи Гиссера. Они тоже стали “ярыми хасидками” Гиссера», – улыбается Яэль.

Инна Моторная объясняет: как заочники они участвуют в семинарах по программе “Бейт Бина”, ездят в Москву четыре раза в год, слушают лекции. А в течение года Яэль Йоффе проводит занятия здесь. Цель амбициозная – подготовить лидеров, педагогов, преподавателей Танаха.

Сейчас светлоярская Сейфер Тора «сдана в аренду»: свиток находится в Арон Койдеш открытой недавно молельной комнаты волгоградской школы «Ор Авнер».

Есть в Светлом Яре и Молодежный клуб (конечно, тоже «с женским лицом»). Ведет юношей и девушек «к высотам иудаизма» их признанный лидер, дочь Инны Михайловны Алиса. Однако «семейственность» только способствует плодотворной работе. Алиса Моторная – человек очень креативный. Три года она училась в религиозном учреждении в Иерусалиме и считает, что это оставило неизгладимый след. Алиса помогает маме в общинной работе, участвует в волгоградских молодежных семинарах, преподает в воскресной школе традиции и иврит. Она рассказывает: «В 2001 году я уехала в Израиль, до 2004 года училась в религиозной школе “Бейт Ульпана” по сохнутувской программе “Наале”. Это программа 10-го, 11-го и 12-го классов. А потом приехала сюда и поступила в Волгоградский университет, учусь на психолога. Мне пришлось получать здесь еще один аттестат зрелости – сдавала экстерном всю школьную программу».

«У нас в Молодежном клубе где-то 40 человек», – продолжает рассказ Алиса. В общине они проводят праздники, на Суккос, Лаг ба-омер выезжают на природу, ходят играть в боулинг, просто встречаются и делятся новостями. Сами придумывают развлечения. Но занимаются и серьезными вещами: «В Молодежном клубе мы пытаемся приобщиться к традиции. Это сложно. Поначалу не было большого желания. Но сейчас стало гораздо лучше. Мы пытаемся сблизиться путем психологических тренингов, устраиваем образовательные программы. Изучаем иврит, есть кружок изучения Торы. Марина Забелло дает уроки хореографии, объясняет специфику еврейского танца».

Мейра Шульман – член Молодежного клуба светлоярской общины, выпускница школы «Ор Авнер» – рассказывает о своей семье, родителях, младшем брате Ефиме-Хаиме, который, хотя и прошел брис-милу, но «еврейство у него находится в критической ситуации». «Мне очень повезло, что у меня мама и папа – оба евреи, – говорит Мейра Шульман. – Настолько, насколько меня может понять мама, настолько же может меня понять и папа. Я училась в еврейской школе и начала привносить всё это в семью... Я учу маму, она со мной на Шабос свечи зажигает. Это большой прогресс».

«Мои бабушки и дедушки с Украины, – продолжает Мейра. – А родители появились на свет уже в Волгограде. Мамина мама жила в Хмельницком, ее зовут Рива Яковлевна Волецкая. Их семья была достаточно религиозная. Бабушкин дедушка был коэном. Ей уже 80 лет, и сейчас, когда я прихожу к бабушке и, например, рассказываю о Пейсахе, у нее возникают детские воспоминания, что на Пейсах всегда была новая посуда, что дедушка сидел во главе стола на подушках, а у детей были разные стаканчики... Она вспоминает с теплотой. Говорит, что любимый праздник был Симхас Тойра: дети прибежали в синагогу, танцевали с Торой, а родители давали им какой-то подарок».

Школу «Ор Авнер» Мейра окончила три года назад, поступила в Волгоградский политех, она – будущий экономист, как и мама. «Все мои друзья – из школы “Ор Авнер”, есть и те, с кем я познакомилась в еврейском лагере. Мы уже пять лет дружим, – объясняет Мейра. – У нас есть такие, кто окончил школу, но в синагогу не ходит. Я же продолжаю ходить в синагогу, соблюдаю все праздники. Мы собираемся на Шабос с друзьями, ездим на шабатоны в Москву. Продолжаем жить еврейской жизнью. Это нелегко, но реально. Окончание еврейской школы – не конец роста. Возможность есть, и я буду учиться...»

צאלי עא, אַזא דאמי געאַנאנדן גאַנעלע נאַנדערע בודע

Если подводить итог, то единственное сходство еврейских общин Волжского и Светлого Яра – в отсутствии и у той и у другой собственного приличного помещения. Но это, как говорится, отдельная и весьма грустная история. Не будем о грустном!..

ע. עאַדלער

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ПЯТИ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Судьба этого скромного человека, последние 44 года живущего в городе Волжском, уникальна. Когда мы узнали его историю, не поверили, что такое действительно возможно. Но вот документы, вот фотографии, вот перед нами он сам – Михаил Герсонович Бугаков. Он предупреждает: «Людам, у которых слабая психика и нервы, про историю моей жизни и моих смертей лучше не читать...»

Пословица «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», конечно же, применима ко всем. Но в случае Михаила Герсоновича она является исключением. Скромный улыбчивый человек, с которым мы познакомились в еврейской общине города Волжского, подсчитал количество своих смертей. И насчитал их пять... «Стоит мне, живому, и 452 евреям в Краснодарском крае в станице Удобная надмогильный памятник. Вечная им память», – говорит он. Он ездил в эту станицу, на свою могилу, на которой написано: «Братская могила советских людей, казненных фашистами в октябре 1942 года». Сотрудники соседней Удобненской психбольницы ухаживают за ней, ежегодно 9 мая и в День поминовения возлагают венки и живые цветы.

Родился Миша Бугаков 70 лет назад в городе Ленинграде в дружной еврейской семье. Кроме него, у родителей – Герсона Борисовича и Рахили Менделевны – был еще его младший брат, Боря. Жила с ними и бабушка, Хана Залмановна Гладштейн. Накануне войны, в 1940 году, семью постигло несчастье: папу арестовали и репрессировали...

Когда началась война, Мише было пять с половиной лет. Жили они в коммунальной квартире в самом центре, на Мойке. 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда...

Рассказывает Михаил Герсонович: «В течение месяца, с 20 января по 21 февраля 1942 года, мама, брат и бабушка умерли от холода и голода. Я проснулся утром – увидел, что мама умерла. Я тоже умирал...»

Его спасла соседка, Дора Львовна Стругач. Она случайно зашла к ним в комнату: «Пришла навесить, а все умерли – и бабушка, и мама, и маленький трехлетний братик. Она думала, что все уже мертвые, и в это время я подал признаки жизни, зашевелился. Полуживого она подхватила меня на руки, дала сухарик и отнесла в детский дом».

С Дорой Львовной Стругач они встретились в 1968 году, когда Михаил Герсонович приезжал в Ленинград – разыскивал дядю, маминого брата. Пришел в их старую коммуналку, по известному ему адресу. Дверь открыла Дора Львовна. Друг друга они не узнали. Дора Львовна долго отказывалась верить, что он – тот самый Миша... Потом, наконец, попросила его поднять рубашку и показать родимое пятно – с правой стороны, сзади, под рукой. И только увидев пятно, сказала: «Это ты, родной!»

Встреча была очень трогательной. Дора Львовна рассказала, как «хоронила» его мать, бабушку и братишку: «Маму, брата и бабушку она отвезла на саночках на Мойку и выбросила их под лед. По весне, когда пошел ледоход, мертвецов отлавливали и отвозили на Пискаревские братские могилы. Моя первая могила – это могила 1942 года, где лежат мама, брат Боря и бабушка», – продолжает свой рассказ Михаил Герсонович.

Тогда, в 1968-м, он узнал, что Дора Львовна очень хотела его усыновить: у нее в Бабьем Яру погиб двенадцатилетний сын, которого она перед самой войной отправила в Киев – на каникулы к бабушке. Однако вынуждена была отнести Мишу в детский дом: она не решилась оставить его у себя даже не из-за

«Каким образом я остался в живых?» – задает вопрос Михаил Герсонович. И сам же отвечает: «Когда фашист мазнул меня ядом, получилось как-то так, что мазнул он не по губам, а по шее. А яд действовал только тогда, когда попадал на слизистую оболочку. И взрослые спихнули меня в эту яму, прикрыли своими телами... Когда наступила ночь, я кое-как вылез из-под трупов и бегом по посадкам прибежал в детский дом...»

«Я постучал, и воспитательница увидела меня. Быстро открыла дверь,пустила. А сама обежала кругом детский дом – проверила, чтобы меня никто не видел. Потом открыла одну комнату, до потолка забитую топчанами. Сказала, чтобы я лез в дальний угол, и вновь закрыла комнату».

На этом складе Миша прожил до начала 1943 года. Ночами воспитательница, имени которой он, увы, не знает, выпускала его на полчаса – чтобы смог оправиться, подышать свежим воздухом, давала что-нибудь поесть и снова закрывала на ключ. «Она рисковала собственной жизнью и моей, – говорит Бугаков. – Каждую минуту я мог быть схвачен и повторно расстрелян. В конце января 1943 года Красная Армия освободила эту местность от фашистов».

Но на этом испытания, выпавшие на долю Михаила Бугакова, не закончились. Его ждала еще одна смерть: от пережитых страданий Миша онемел... «Когда воспитательница сказала мне, чтобы я больше никого не боялся, что я свободен, со мной случилось невероятное. Видимо, детская психика не выдержала этого кошмара, и я онемел. С семи до пятнадцати лет был полностью немой, потом постепенно речь стала возвращаться», – вспоминает он. Помогла сербская целительница, а также заботливая женщина, его жена Лидия. Но это было потом...

А сначала были десять лет, проведенные в детских домах, – годы унижений и страданий из-за немоты, из-за того что еврей. Работал на целине трактористом: «Директор совхоза и парторг приезжали смотреть на меня: еврей – и на тракторе!» С 1962 года работал на заводе в Волжском, общий трудовой стаж у Бугакова – 43 года. Как жертва Холокоста, он получает гуманитарную помощь от швейцарского фонда.

Михаилу Герсоновичу трудно говорить обо всем пережитом – в горле ком стоит. Но он знает, что об этом нужно говорить: «для будущих поколений евреев», считает он. В назидание молодым – чтобы помнили. Чтобы не повторилось то, страшнее чего на свете никогда не было.

È. Èàðí àí èí

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ НА ВОЛГЕ

«Выдь на Волгу! Смех еврейских ребятишек раздается над великою русской рекой» – именно так хочется перефразировать слова известного стихотворения после того, как побываешь в летних лагерях «Ган Исроэл», организованных еврейскими общинами Среднего и Нижнего Поволжья.

На полпути из Самары в Тольятти, на живописном берегу Волги, обрамленном Жигулевскими горами, в сосновом лесу мы попали... в «Сказку». Так называется пансионат, в котором еврейской общиной Самары при поддержке фонда «Ор Авнер» был организован летний лагерь «Ган Исроэл» для детей и взрослых из городов Самары и Ульяновска.

Три комфортабельных жилых корпуса, столовая, актовый зал, игровые площадки, большой фонтан, он же «по совместительству» – бассейн. Привезли с собой велосипеды, самокаты, роликовые коньки, теннисный стол с ракетками и массу других полезных «аксессуаров».

אֵלֵי אֵלֶּי: אִינֹוּ צִיּוֹנֵי.

Самарский лагерь проходил в два заезда, и в каждом реализовались две параллельные программы. Сначала (с конца июня до середины июля) в «Сказке» прошел летний лагерь для девочек, а совместно с ним – семейный лагерь для мам с маленькими детишками от двух до восьми лет. Затем, также в течение двух недель, здесь был летний лагерь для мальчиков и параллельно – молодежный лагерь. Таким образом, самарская община убила даже не двух, а четырех зайцев! В программе лагеря – «еврейская эстафета» (по типу «Зарницы»), посещение аквапарка в Тольятти и много других развлекательных мероприятий. Но и учеба плавно вплетается в бурное течение сказочной жизни – занятия по еврейским традициям, истории, культуре. Конечно же, еврейские песни и танцы. И просто дискотека!

«Мы первый раз организуем летние лагеря в этом пансионате, – говорит раввин Самары и Самарской области Шломо Дайч. – Нам было нелегко найти относительно маленький, но удобный лагерь. И мы очень довольны. Здесь у нас есть возможность выполнить все поставленные задачи. Главное, что здесь мы можем, как учил Ребе, работать круглые сутки и создать такую атмосферу, которую не создашь даже в еврейской школе».

В «Сказку» приехали учителя школы «Ор Авнер» и воспитатели еврейского детского сада, мадрихи из Израиля, замечательная молодежь и просто «мамочки-активистки» со своими малышами. А также те, для кого всё это затевалось – самые умные, самые красивые, самые талантливые... Ну конечно же, наши дети!

В семейном лагере для мам была предусмотрена отдельная программа: два часа до обеда и два часа после полдника их чада оставались с воспитателями, веселясь от души. А мамы трудились – для души. Лекции раввина Йосефа Херсонского из Москвы, психолога из Израиля и многих других «заезжих» гостей, а также рава Шломо и его супруги Дины. «Для тела» – аэробика, танцы, визажист, уроки кулинарии.

Игровое и учебное «наполнение» лагерной жизни взвалили на свои плечи девушки-мадрихи из Израиля, из Кфар-Хабада. Това – старшая среди «мадришек» – давно дружит с местной школой «Ор Авнер». Сара и Рива тоже не понаслышке знакомы с самарскими ребятами – они, как и Това, работали здесь в качестве воспитателей и преподавателей традиций, успели полюбить своих подопечных и искренне привязаться к коллективу школы и детского сада. Они «завлекли» на лето в самарский лагерь еще троих своих подруг из Кфар-Хабада.

Именно израильтянки придумали оригинальную концепцию программы лагеря – «Супермаркет «Мицвойс»». Чего только нет в этом замечательном торговом центре! Поистине «необычный магазин, где смотрят всюду мицвойс из витрин». Дети разделились по отрядам. У каждого – свой «профиль», своя мицва, но ею он готов охотно поделиться:

Ááí ááí ú çà ì èöáí éñ í á ááðáí ,

Í í è í ðñò í ò á è í á áááí .

Áñè í í-ááðáéñè òí-áóü æèòü

Í í ááðé í á è í í çáñè á è è ò ü

Ñí á è ð á à ò ü Ó á á à ò , È à è ð ò ,

ð í è ð ,

Í í í á à ò ü ö á í é í é á á ð á í ò á í

è ò ó ,

È í è ü æ è á á ó ü í í Ò í ð á è ð á è ü é á á

יִשְׂרָאֵל עֵינֵינוּ יִדְעֵנוּ!

«Самарские» отвечают «израильским» взаимностью, работа идет слаженно – каждый взял на себя свой «участок». Например, здесь есть «штатный» сценарист – Юлия Ларцева, которая ко всем праздникам и мероприятиям пишет замечательные тексты, причем в стихах. Ни минуты покоя не знают воспитатели – организаторы всех лагерных мероприятий Евгения Зак и Майя Борзова.

Заведующая детсадом Ирина Файнберг с гордостью говорит: «Здесь у нас всё свое, еврейское!» Четыре года назад, в момент создания еврейского детского садика в Самаре, она поверила словам самарского раввина: «Самый большой успех начинается с самых маленьких детей». И никогда об этом не пожалела. Еще Ирина Борисовна говорит, что у рава Шломо есть свой секрет: «К нему все идут!»

Это и вправду так. Например, Светлана Гришкина, которая в лагере ведаёт кошерной кухней, столовой, а также всем хлебо-, хало- и булкопечением. Путешествуя по еврейским учебным заведениям и лагерям на территории СНГ, мы встречали и трех-, и четырехразовое питание. Но с шестьюразовым столкнулись впервые! Бесконечные завтраки, вторые завтраки, обеды, полдники, ужины и вечерние чаи с пышными булочками и другими вкусностями чередой сменяли друг друга. А на свежем волжском воздухе аппетит у ребят – отменный!

Оказалось, что Светлана Ароновна – давний друг и помощник рава Шломо и его жены Дины. Она организовывала кошерное питание в детском саду и в школе «Ор Авнер», полностью обеспечила весь процесс работы кухни и благотворительной столовой при синагоге Самары. И всё так вкусно! Дети и взрослые очень благодарны и ей, и ее добрым помощницам. Правда, один нюанс: шестьюразовое питание накладывает свой «отпечаток». Поэтому обитатели «Сказки» очень довольны занятиями аэробикой и тем, что захватили с собой много спортивного инвентаря...

* * *

Небольшая по числу учащихся школа «Ор Авнер» города Тольятти решила далеко не уезжать и устроить летний лагерь «на дому», то есть в стенах самой школы. Благо, рядом с учебным заведением расположена большая лесопарковая зона. А «трехуровневая структура» здания позволяет решать все насущные проблемы. В цокольном этаже – молельный зал; на первом находится кухня, столовая, детский сад; на верхнем расположена сама школа – классы, кабинеты, актовый (он же спортивный) зал.

Директор тольяттинской школы Ольга Писарик рассказывает: «У нас в школе всего 30 детей. Арендовать автономный лагерь, организовать там кошерное питание, свою программу – практически невозможно. Поэтому мы с раввином Меиром Фишером и его супругой Дворой устроили лагерь в школе».

Проходил этот пришкольный лагерь с 5 по 23 июня. Дети два раза в неделю посещали бассейн, ездили в боулинг-клуб, катались на аттракционах в тольяттинском «Фанни-парке», устраивали увлекательные походы в лес – на весь день, с завтраком или обедом, а под руководством физрука – спортивные игры и соревнования «Веселые старты». Побывали на очень интересной экскурсии в тольяттинском дендропарке. Плюс к этому – интеллектуальные игры, занятия изобразительным искусством, составление гербария, разнообразные задания на компьютере (в частности, освоение программы «Corel Draw»), занятия с музыкальным педагогом школы Галиной Королевой. И, конечно же, уроки традиций с Натальей Паротиковой, иврита – с Дворой Фишер.

В летнем лагере, говорит Ольга Писарик, отдыхали и «занимались делом» 25 детей, которые под руководством двоих воспитателей разделились на два отряда – причем не по возрасту, а по интересам и взаимным «симпатиям». Ребята остались очень довольны. «Их у нас мало, но у нас все “звездочки”», – говорит директор школы. Она с гордостью рассказывает о своих учениках – сестрах Белле и Кристине Вавилиных, своим примером заставивших всю школу полюбить зоологию, Яне Сорокине, проявившем незаурядные способности к изобразительному искусству и нарисовавшем замечательный портрет Ребе...

У еврейских детишек города Тольятти лагерь получился «камерный». «Но главное, чтобы дети были довольны!» – считает Ольга Писарик. Не менее важно и то, что лагерь достиг своей цели – ребята отдохнули, развлеклись, узнали много нового и интересного. А программа «Идишкайт», реализуемая в тольяттинской еврейской школе в течение учебного года, получила свое реальное воплощение в «домашнем» летнем лагере.

* * *

Этим летом лагеря прошли и под Волгоградом, в живописном месте – в пойме реки Ахтубы. Примечательны они тем, что длились почти весь август, три недели, – наверное, дольше всех других еврейских «программ по отдыху». Еще одна отличительная особенность в том, что организуются эти лагеря на базе санатория «Кристалл» и, кроме обязательной лагерной программы, здесь предусмотрен широкий оздоровительный комплекс – ванны, массаж, ЛФК, физиотерапевтические процедуры и многое другое. Совместить приятное и полезное с лечением здесь смогли мальчики и девочки из многих городов и поселков Нижнего Поволжья: Волгограда, Астрахани, Волжского, Светлого Яра.

Большие нагрузки в течение учебного года, стрессы, неблагоприятная экология – все эти факторы отрицательно сказываются на детском здоровье. Организаторы лагеря уверены, что терапевтический компонент очень важен – в условиях современной урбанизации дети нуждаются не только в профилактике заболеваний, но и в квалифицированном санаторно-курортном лечении. Вот они и придумали для еврейских детишек на Волге такой лечебно-магический «Кристалл»...

* * *

В этом же санатории под Волгоградом накануне проведения летнего лагеря «Ган Исроэл» прошло другое важное мероприятие – ежегодный региональный семинар «Еврейский взгляд на мир», организуемый для молодежи из Южного федерального округа и Москвы.

Раввин Волгограда и области Залман Йоффе рассказывает: «Молодежные семинары проходят с 1999 года – отдельно для мальчиков и девочек, а с 2003 года – совместно для тех и других. Их продолжительность – семь-восемь дней, проходят они всегда на природе, за городом». Для юношей и девушек создаются все условия для отдыха (бассейн, сауна), полезного досуга (мастер-классы по еврейским танцам) и учебы.

На семинары приезжают такие известные раввины, как Ури Спасский, Ишая Гиссер, Довид Карпов, Йосеф Херсонский. Также читают здесь лекции и проводят занятия рав Залман и раввин волгоградской школы «Ор Авнер» Шимон Животовский. Темы лекций – самые разнообразные: «Зачем еврей носит кипу?», «Секс и иудаизм», «Молитва: а зачем это надо?», «Евреи и гои: смешанные браки».

В рамках семинара проходят психологические и методические тренинги, интерактивные занятия, интеллектуальные игры (например, на тему «Алоха обязывает, разрешает, запрещает...»). Семинары совмещают приятное (дружеское общение и отдых) с полезным (учебой и различными занятиями), а также ставят задачи на перспективу – помогают выявить юношей и девушек с большим потенциалом, будущих лидеров. Еще одна составляющая пользы этих мероприятий в том, что многие их участники берут еврейские имена, юноши проходят обряд брис-милы: для этого сюда приезжает моэл Ишая Шафит.

Один из участников семинаров сказал о них так: «Я почувствовал кайф от того, что я еврей и участвую в этом мероприятии». «Мне хорошо в этой компании, с этими людьми», – поделился другой. А третий заявил, что у волгоградских семинаров есть только один, но важный недостаток: «Они очень быстро заканчиваются...»

È. Èàð'áí èí

Закончился шестой молодежный семинар в Волгограде «Еврейский взгляд на мир». Отличительной чертой этого семинара было то, что организаторы преследовали не только традиционную цель – пробуждение у молодежи еврейского самосознания, но и постарались выполнить «социальный заказ» спонсора, Федерации еврейских общин России, по выявлению потенциальных лидеров.

33 юноши и девушки из 10 городов Юга России провели очень напряженную неделю под Волгоградом. Великолепный подбор раввинов, заставляющие думать лекции, душевная обстановка, психологический тренинг «Школа лидеров», ежедневная молитва, эмоциональная разгрузка – интеллектуальные игры «Что? Где? Когда?», «Верю – не верю», футбол, теннис, бассейн, сауна и – встреча рассвета. Программа очень насыщенная, разноплановая.

100 лет со дня рождения композитора, народного артиста Карельской АССР, автора первой национальной комической оперы «Кумоха», а также вокально-симфонической поэмы «Айно» (по мотивам эпоса «Калевала»), «Карельской увертюры», «Вепсской рапсодии» и др. **Рувима Самуиловича Пергамента** (1906–1965, Петрозаводск).

13 СЕНТЯБРЯ

80 ёаò ìí äíŷ ðġæääíĕŷ физика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора работ в области ядерной физики **Сиднея Дрелла** (Drell; р. 1926, Атлантик-Сити, США).

120 ёаò ìí äíŷ ðġæääíĕŷ ученого в области горного дела, члена-корреспондента АН СССР, профессора МНИ им. И. М. Губкина, изобретателя турбобура, автора работ в области крекинга нефти, повышения нефтеотдачи пластов и др. **Матвея Алкумовича Капелюшников** (1886, Абас-Туман Тифлисской губ. – 1959, Москва).

15 СЕНТЯБРЯ

80 ёаò ìí äíŷ ðġæääíĕŷ математика, члена РАН, Парижской АН, АН Швеции, Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Коллеж де Франс и Парижского университета, автора работ в области алгебраической геометрии и топологии многообразий, лауреата Филдсовской премии 1954 года **Жана Рьера Серра** (Serre; р. 1926, Баж, Франция).

100 ёаò ìí äíŷ ðġæääíĕŷ конькобежца, обладателя двух золотых олимпийских медалей 1936 года **Ирвинга Яффе** (Jaffe; 1906, Нью-Йорк – 1981, Сан-Диего).

16 СЕНТЯБРЯ

70 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* юриста, члена АН Израиля и Американской академии искусств и наук, председателя Верховного суда Израиля, профессора Еврейского университета, лауреата Государственной премии Израиля **Аарона Барака** (ברק; р. 1936, Ковно).

21 СЕНТЯБРЯ

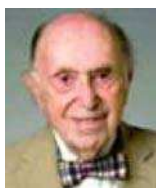
90 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* Героя Советского Союза **Матвея Савельевича Пинского** (1916, ст. Зилово Забайкальской обл. – 1987, Уфа).

22 СЕНТЯБРЯ

100 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* переводчицы, автора переводов американских и английских писателей, в том числе У. Фрэнка, Э. Хемингуэя, У. Теккерея, Б. Шоу, Ч. Диккенса, С. Фицджеральда, Дж. Стейнбека, **Евгении Давыдовны Калашниковой** (1906, Киев – 1976, Москва).

24 СЕНТЯБРЯ

90 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* генетика, члена Национальной АН США, профессора Колорадского университета, автора работ в области генома человека **Теодора Томаса Пака** (Paik, наст. фамилия Пакович; 1916, Чикаго – 2005, Денвер).

небывалый! Однако в возрасте двадцати пяти лет его постигла настоящая беда: внезапно открывшийся туберкулез не оставил ему никаких возможностей дальше играть на любимом инструменте, угрожая лишить единственного заработка. К тому времени у Гузикова было уже трое детей.

Настойчивый музыкант не опустил руки. Он познакомился с Санксоном Якубовским – еврейским музыкантом, который, в отличие от Гузикова, разбирался в нотной грамоте и даже немного сочинял собственную музыку. Якубовский научил Гузикова игре на цимбалах. В совершенстве овладев новым для него инструментом, Гузиков изобрел собственный – *shtroy fidl* (букв. «соломенная скрипка») – похожий на ксилофон, сделанный из множества деревянных планок разных размеров, закрепленных с помощью соломенных жгутов. Чтобы играть на нем, следовало стучать по планкам двумя палками. Это сооружение, называемое «деревянно-соломенным инструментом», имело диапазон около двух с половиной октав и очень своеобразный звук.

В игре на своем инструменте Гузиков достиг невероятных высот. В 1834 году он дал сольные концерты в Киеве и Одессе. В его репертуаре смешались традиционная еврейская музыка, польские и украинские мелодии, русские песни и классические пьесы. Гузиков ошеломил слушателей не только своим необычным инструментом, но и виртуозностью, позволившей ему обнаружить во внешне примитивном инструменте неожиданно богатое звучание и огромные музыкальные возможности.

Местные критики в хвалебных рецензиях советовали Гузикову отправиться на гастроли по Европе, предсказывая шумный успех. Поддавшись на уговоры, он уехал в Польшу. Его сопровождали два брата, призванные аккомпанировать Гузикову – один на виолончели, другой на скрипке. Братья Гузиковы с огромным успехом выступили в Варшаве, Львове и Кракове, в 1835 году прибыли в Прагу, а летом 1836 года добрались до Вены – в то время музыкальной столицы Европы.

Мориц Шапиро, самый влиятельный венский музыкальный критик, услышал игру Гузикова на частном концерте и пришел в восторг. В нескольких статьях Шапиро так разрекламировал музыканта, что билеты на двенадцать его концертов были раскуплены за несколько дней. Гузиков играл сложнейшие этюды Паганини так же легко, как и традиционные еврейские мелодии. После этих выступлений слава музыканта мгновенно распространилась по всей Европе. Он, простой местечковый еврей, явил просвещенным европейским кругам новый тип иудея из Восточной Европы – не грязного неграмотного оборвыша, не жадного скряги-ростовщика, а образованного, интеллигентного музыканта, сочетающего светские манеры с традиционно еврейским обликом. Пейсы Гузикова произвели в Европе такое впечатление, что в Австрии и Франции даже вошла в моду женская прическа с длинными локонами на висках – «*coiffure Gusikov*» («прическа Гузикова»).

Гузикова пригласили выступить перед знаменитым австрийским дипломатом князем Меттернихом. Концерт намечался на субботу, и музыкант отказался от приглашения. Тогда Меттерних перенес предполагаемый банкет, после которого должен был играть Гузиков, на воскресенье.

Во время гастрольного турне Гузиков побывал в Мюнхене, Лейпциге, Берлине, Франкфурте и Гамбурге, и везде ему сопутствовал невероятный успех. В Лейпциге его концерт посетил Феликс Мендельсон. Фердинанд Хиллер, один из самых знаменитых еврейских музыкантов, дал Гузикову рекомендательное письмо к прославленному оперному композитору Джакомо Мейерберу. Тот организовал выступления Гузикова в Парижской Опере, где его услышал великий Ференц Лист, отозвавшийся о еврейском музыканте с восхищением и назвавший его «Паганини бульваров».

Гузикова пригласили выступить в Лондоне, однако из-за обострившегося туберкулеза он вместо Англии поехал в Бельгию. Летом 1837 года его здоровье ухудшилось настолько, что он решил вернуться на родину. В Аахене на концерте ему стало плохо, и вскоре он скончался. Ему был тридцать один год. Похоронили Гузикова на еврейском кладбище в Аахене, в безымянной могиле.

Ааһеһеһе І аһеһе һа

президенте, а уже в ноябре – помощником президента по экономическим вопросам. Он был первым, кто помогал Ельцину в решении экономических проблем, и, по сути дела, именно Лившиц преопределил развитие российской экономики в следующем десятилетии. С августа 1996 года по март 1997-го Александр Лившиц был министром финансов РФ в ранге вице-преьера, а с сентября 1996-го исполнял также обязанности заместителя управляющего от России в Международном валютном фонде.

Внезапная отставка Лившица с поста министра наделала немало шума. Говорили, что на него решили «повесить» все экономические проблемы, накопившиеся за несколько лет; что его политика была достаточно успешной для того, чтобы вывести страну из кризиса, но воспользоваться плодами его трудов хотели другие...

Затем Лившиц работал заместителем главы президентской администрации, а параллельно – спецпредставителем президента по связям со странами «большой семерки». В круг обязанностей Лившица входила подготовка всех документов России к заседаниям «семерки», решение текущих вопросов, активизация процесса переговоров с целью превращения «семерки» в «восьмерку». Он же отвечал за подготовку саммита «большой восьмерки» 1998 года в Бирмингеме. В июле 1997 года Александр Яковлевич был назначен представителем президента в Национальном банковском совете – совещательном органе при Центробанке, работал в совете директоров РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС России». А 18 августа 1998 года подал в отставку с поста заместителя руководителя администрации президента, поскольку считал себя отчасти ответственным за разразившийся дефолт. Александр Лившиц стал единственным российским высокопоставленным чиновником, который самостоятельно пошел на этот шаг. Он решил больше не работать в государственных структурах.

В январе 1999 года Александр Лившиц основал фонд «Экономическая политика», чьей задачей было прогнозирование развития экономической ситуации и экономической политики России. Он стал президентом фонда. А летом 2000 года Лившиц был назначен председателем правления банка «Российский кредит», и под его руководством банк, находившийся на грани банкротства, смог решить все свои проблемы. Ныне Александр Лившиц работает заместителем генерального директора компании «Русский алюминий», оставаясь одним из самых квалифицированных и уважаемых экономистов в стране.

Александр Лившиц

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

НАШ ЮБИЛЕЙ

191X 55 I ÈÕÀÈÈ ÁËÓС: ×ÁËÎÁÁÊ ÈÑÈÓÑÑÒÁÁ

Михаил Глуз – один из наиболее ярких представителей российской еврейской культуры нашего времени.

Таланты Глуза разнообразны. Во-первых, он композитор. Михаил Семенович окончил дирижерско-хоровое отделение Московского музыкального училища им. Ипполитова-Иванова, затем – Российскую академию музыки им. Гнесиных по классу композиции. Учился у выдающегося педагога, профессора Генриха Литинского. Свою профессиональную деятельность начал в Камерном еврейском музыкальном театре, созданном в 1977 году при активном участии Михаила Глуза. Театр был призван воссоздать и сохранить практически утраченные еврейские музыкальные и театральные традиции – тот нефиксируемый пласт, который составляет основу культуры народа и который, к сожалению, со временем исчезает без следа. Глуз в новорожденном театре стал главным режиссером, а в 1984 году и художественным руководителем. В театре во всю мощь показал себя композиторский дар Михаила Семеновича: его мюзиклы «Танго жизни», «Шалом-Шагал», оперы «Тевье из Анатовки», «Черная уздечка белой кобылицы», балет «Последняя роль» и многие другие пользовались неизменной любовью зрителей, став заметной вехой в истории развития российско-еврейской музыкальной традиции. Под руководством Михаила Глуза театр с успехом выступал перед самой взыскательной публикой на прославленных площадках США, Израиля, Канады, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Австралии, Германии, ЮАР...

Глуз работал и для других театров, писал музыку для кинофильмов. Его музыка звучала в таких постановках, как «Поминальная молитва» в Ленком, мюзикл «Принц и Нищий» во МХАТе, балет «Сон с продолжением» в Центральном драматическом театре. И везде его творчество отличало точное чувство времени и жанра, богатство музыкального языка и тонкий национальный колорит. В 1989 году Глуз организовал еще и шоу-театр «Тум-балалайка».

Впрочем, организаторским талантам Михаила Семеновича было тесно в рамках театра. В 1989 году под его руководством создается Культурный центр им. Соломона Михоэлса. Открытие Центра стало крупным культурно-политическим событием: руководители Центра получили тогда приветствия от премьер-министра Великобритании и Госсекретаря США; только советские чиновники хранили молчание.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

НАШ НЕКРОЛОГ

יְהָאָה אֲרֹנוֹבִיץ׳: יֵאֵבִיאִי וְעֵשׂוֹאִי אֵי עֵבֵ

По сообщению официального сайта театра Ленком, 16 июля от сердечного приступа скоропостижно скончался главный художник театра народный артист России и лауреат Государственных премий Олег Аронович Шейнцис. Ему было пятьдесят семь лет.

Он оформлял такие постановки, как «Жестокие игры», «Юнона и Авось», «Три девушки в голубом», «Оптимистическая трагедия», «Диктатура совести», «Мудрец», «Поминальная молитва», «Чайка», «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Варвар и еретик», а также спектакль «Гамлет». Он также оформлял спектакли в Лондоне и Тель-Авиве, Флоренции, Софии, Братиславе, сотрудничал с рядом московских театров, киностудиями и руководил мастерской в Школе-студии МХТ.

Олег Шейнцис родился 2 января 1949 года в Одессе. Окончил Одесскую художественную школу и Театрально-художественное училище, после чего некоторое время работал архитектором. Переехав в Москву, в 1977 году Олег Аронович окончил Школу-студию им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТе им. Чехова. В том же году он начал активно сотрудничать с Театром им. Ленинского комсомола (нынешний Ленком), а три года спустя был назначен главным художником театра. Имея опыт работы архитектором, Шейнцис всегда воспринимал сцену не столько как художник, сколько как конструктор. При этом он рассказывал, что никогда не мог установить точные размеры сцены: каждый раз длина и ширина оказывались... разными, поскольку театр слишком насыщен нервной энергией, чтобы оставаться неизменным.

Шейнцис был художником-философом. Для театрального художника это, возможно, самая естественная форма существования, ведь он имеет дело с пространством и временем. Впрочем, у Шейнциса пространство всегда жило своей собственной жизнью, время спектакля изменяло пространство до неузнаваемости, заставляя меняться и актеров, перековывая знание зрителей об актерах, о театре, о самой жизни. Так вышло, что среди последних работ Шейнциса две были об ином, потустороннем мире – с «заглядыванием за край»: в «Плаче палача» он изобразил выбеленный, освещенный белым светом вокзал, в «Шуте Балакирева» – вздыбленный помост, где встречается со своими товарищами по государственной реформе царь Петр. И в обоих случаях это был мир исчезающих сущностей. Таким увидел его, на такой понадеялся Шейнцис – человек, который, готовя очередной спектакль, ночи напролет просиживал в мастерской, курил сигарету за сигаретой, пил черный крепкий кофе и отдавал себя всего, без остатка,

работе. Соавтор лучших спектаклей Марка Захарова, для которого Захаров придумал особое «звание»: на афишах Шейнцис значился сценографом-постановщиком, наравне с постановщиком-режиссером.

Сценография Шейнциса была не просто изобретательна и метафорична: его отношения со сценой были фантастически дерзкими. Он то вторгался в коробку сцены с грохочущими и лязгающими механизмами, то «одушевлял» ее живой белой лошадью, то сочинял коллаж из всех старых спектаклей театра, то прятал под кровать старую обувь и заляпывал этикетки лекарственных пузырьков жирными пятнами: такую культуру сценографии, как в Ленком, невозможно было увидеть ни в одном другом театре... Он постоянно желал чего-то принципиально нового в каждом спектакле, что приносило немалое огорчение дирекции: для одного спектакля ему нужен был подъемный механизм, и он ломал потолок, для другой постановки требовались глубочайшие люки, и он рыл землю под сценой, куда проваливались детали оформления. В третьем спектакле сама декорация начинала двигаться – вести себя абсолютно нештатно... Он первым на нашей территории – в «Юноне и Авось» – ввел лазер в театр. И вообще, в каждом спектакле Шейнцис что-то делал первым.

Он сочинил для национальной театральной премии «Золотая маска» приз – изящную, «венетскую», игривую и женственную, как сам театр, маску. Первую партию он даже сделал собственноручно, пытаясь передать «очарование глаз с дьяволенком в уголочке». Шейнцис дважды получал свою маску сам – за ленкомовскую «Чайку» и за спектакль Большого театра «Любовь к трем апельсинам».

В последнее время мастер уделял большое внимание преподавательской деятельности в Школе-студии МХТ. Он учил своих студентов быть не дизайнерами, не оформителями, а полноправными участниками театрального процесса, определяющими его направление.

Ī èèîèàé Ī àèüü èèîâ

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

НАШ НЕКРОЛОГ

יָאֹוִי עֹוֹאֲדֵי אִי: עֵעֶאֹנְנֵעֵ אַאִי דֶא

В пятницу 25 июля Москва прощалась с выдающимся музыкантом народным артистом России Наумом Львовичем Штаркманом. Гражданская панихида по маэстро, который ушел из жизни 19 июля в возрасте семидесяти восьми лет, состоялась в Малом зале консерватории. Проститься с Наумом Львовичем пришли не только его ученики, но и многие известные музыканты.

Наум Штаркман принадлежал к тому поколению музыкантов, для которых профессия была смыслом жизни, – он не видел себя в отрыве от творчества, целиком посвящая себя музыке. Это был пианист яркого, своеобразного дарования. Игра его по своей выразительности приближалась к речевым и певческим интонациям, и за его великое мастерство – изысканное звучание, теплоту, волшебную технику, красоту и глубину – его называли «Рафаэлем фортепиано».

Он был лириком в широком понимании этого слова. Его волновали любые движения человеческой души, сложные и разнообразные, как сама жизнь, переживания. Однако, что бы ни играл Штаркман, на первом месте у него была мысль – ей он старался подчинить всё остальное.

Сольные концерты и выступления с прославленными оркестрами, мастер-классы в России и за рубежом снискали музыканту славу во всем мире. В репертуаре пианиста были произведения Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, французских импрессионистов, отечественных классиков и современных композиторов. Большой интерес у публики вызывали его программы, посвященные творчеству Листа, Шумана и Шуберта. По словам генерального директора Московской государственной филармонии Алексея Шалашова, «творчество Наума Штаркмана давно стало важной частью духовной жизни ценителей музыки, более полувека его имя не сходило с афиш самых престижных концертных залов разных стран».

Наум Львович Штаркман родился в Житомире 28 сентября 1927 года. Уже в одиннадцать лет одаренный ученик школы им. Лысенко сыграл с оркестром Киевского радио фортепианный концерт Мендельсона, а через год дал сольный концерт в Большом зале консерватории.

Наум Штаркман – ученик выдающегося советского музыканта Константина Николаевича Игумнова. В 1949 году он с отличием окончил Московскую консерваторию, и с этого момента началась его

систематическая концертная деятельность в качестве солиста Московской филармонии. В 1955 году Штаркман стал лауреатом Пятого международного конкурса пианистов им. Шопена в Варшаве, в 1957 году завоевал Первую премию на Международном конкурсе им. Виана Да Мотта в Лиссабоне, а в 1958 году был награжден медалью лауреата Международного конкурса им. Чайковского в Москве. После этих побед к молодому пианисту пришло настоящее признание.

Наум Львович Штаркман чрезвычайно много гастролировал, и все его концерты – будь то в Италии, Испании, Польше, Германии, Японии или в других странах – проходили с неизменным успехом. Он выступал с лучшими оркестрами и всемирно известными дирижерами. Огромное место в творчестве пианиста занимало также ансамблевое исполнение: совместные выступления с молодыми пианистами, вокалистами, скрипачами, с квартетами им. Бородина, Танеева, Прокофьева.

Наум Львович был очень известен и как педагог. Профессор Московской консерватории, он на протяжении многих лет воспитал не одно поколение музыкантов. В числе студентов Наума Штаркмана были представители разных стран и народов, и к каждому он умел найти особый, индивидуальный подход. Его опыт и всеми признанный авторитет позволяли часто встречать пианиста в жюри самых престижных международных конкурсов.

Говоря о творчестве Наума Львовича Штаркмана, невозможно умолчать о его вкладе в сохранение классического мирового музыкального наследия. Его работа в этой области вызывает огромную признательность не только у молодого поколения музыкантов и горячих поклонников творчества пианиста, но и у всех ценителей классики. За последние годы пианист выпустил более двух десятков компакт-дисков, ставших бестселлерами в области классической музыки.

Í èèîèàé Ì àèíí èèîà

НАШ НЕКРОЛОГ

ÆĀDĀD ŌDÈ: ÈÑÒÌ DÈB Ì DÈCÌ ĀÌ ÈB

Æāē mītaūēēī ēī ōīdī āōēīīīā āāī ōñōāī Associated Press, ōdāī ōqūēēē dāwēīīāđ Æāđāđ Ōdē, mīcāōāēū ēāđōēī «Āīēūōāy īdīāēēā» ē «Dācēīy», ōī āđ 20 ēpēy ā āīcūāñōā āīīī ēāāyōē īāī ē ēāō ā īāīāī āīī ā ā Nāī-Ōdīā īā Æācūōī īī Āāđāā 24 ēpēy īī āūē īīōīdīāī īā īāī īī īdāīōēēīī īāđēāēēīī ēēāāēīā Īīīīāđāā Īđācēāāī Ōdāīōēē Æāē Ōēdāē, ōcīāā ī ēīī-ēīā Æāđāđā Ōdē, cāyāēē, ÷ōī dāwēīīāđ āūē ÷āñōīp īāōēīīāēūīē ēōēūōōū, ā īđācēāāī Ō Æāīīēīā ēēīīōāñōēāēy Æēēū Æāēīā īōī āōēē, ÷ōī Ōdē īāēāāē «ōāēēī ÷āñōāīī ēīī āāēē, dēōī ā, āđāī āī ē».

Жерар Ури (или Макс-Жерар Ури Танненбаум) – бывший актер, которому повезло стать известнейшим комедийным режиссером. Он был одним из последних могикан французского классического кино. Ури снимал фильмы до конца 1990-х, много работал в театре, написал книгу мемуаров. Франция отметила его заслуги званием командора Почетного легиона и избранием в Академию изящных искусств.

Жерар Ури родился в Париже 29 апреля 1919 года, до войны сыграл свои первые роли в «Комеди Франсез». В 1946 году он впервые появился на экране в фильме Жана Бекера «Антуан и Антуанетта». До конца 2003 года, когда вышел последний фильм с его участием, им были сыграны тридцать три роли в театре и кино и сняты семнадцать режиссерских работ, каждая из которых, начиная с самого первого фильма, неизменно становилась лидером французского проката. Именно ему мы обязаны открытием незабываемого тандема Бурвиль – Луи де Фюнес: с этими актерами он поставил две самые известные свои картины – «Разиня» и «Большая прогулка». Позже в его фильмах почитали за честь сниматься Жан-Поль Бельмондо, Пьер Ришар, Филипп Нуаре, Ив Монтан, Робер Оссейн.

Как ни странно, в словаре деятелей французского кинематографа о Жераре Ури говорится в весьма пренебрежительном тоне – как о ремесленнике, работавшем «в ключе развлекательного кино, диалоги которого не нуждаются в глубоком анализе». Авторы словаря не скрывают своего удивления и даже раздражения по поводу того, что, начиная с незатейливой полицейской драмы под названием «Горячая рука», снятой в 1959 году, фильмам мастера неизменно сопутствовал грандиозный успех. Можно, конечно, много говорить о том, что «его комедии, в основу которых положены добротные сценарии, обладают несомненными техническими достоинствами», но это никоим образом не объясняет феномена Жерара Ури. А феномен был. И какая разница, в каком жанре работал мастер, если и сегодня, спустя почти пятьдесят лет, его фильмы не только помнят, но и любят люди самого разного возраста и социального статуса. Он жил и работал именно для того, чтобы этим людям было приятно провести пару часов перед экраном.

Ему не повезло: безошибочно чувствуя флюиды и запросы массовой публики, он работал не в Голливуде (хотя и снялся в нескольких американских фильмах), родился и жил во Франции, а выпустил свою дебютную режиссерскую работу в 1959 году, когда появился манифест молодой радикальной режиссуры – фильм Годара «На последнем дыхании»...

В 1958 году на съемках он познакомился со звездой французского экрана Мишель Морган, ставшей спутницей его жизни. Дочь Ури Даниэль Томпсон была соавтором нескольких его сценариев, а сегодня стала и режиссером. Ее «История любви» с Жаном Рено и Жюльетт Бинош в главных ролях имела огромный успех не только во Франции, но и во всем мире. Достаточно сказать, что этот фильм целый год не сходил с экранов московского Киноцентра. Теперь же в титрах фильмов Даниэль Томпсон мы видим в качестве сценариста Кристофера Томпсона – внука Жерара Ури. Видимо, творческий талант чувствовать настроение публики и способность четко представить себе ее желания передается в их роду по наследству.

Ī èêîèàè Ī àèüü èèîâ

как «Категории средневековой культуры», «История и сага», «Древние германцы», «Викинги», «Исторический синтез и школа “Анналов”», он же – переводчик и публикатор исландских саг. На его трудах, на его личном примере выросло не одно поколение российских историков, научившихся у Арона Яковлевича умению общаться с прошлым, деликатному обращению с историческими документами, видению в них не только цифр и фактов, но и судеб живых людей, их мыслей и чувств. Его книги стали настольными для множества любителей истории, интерес к которой в последние годы непреодолимо растет. И немалая заслуга в этом также принадлежит Арону Яковлевичу Гуревичу.

Ī ēēīēāē Ī äüü ēēīā

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2006 ЭЛУЛ 5766 – 9 (173)

ИЗ НАШЕЙ СЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

אֲדִי אִי אִי נֶעֱעַר אֶלְחֹנֹן סֶפֶטוֹר

В 2006 году исполнилось 110 лет со дня смерти раввина и общественного деятеля Ицхока-Элхонна Спектора. Почему я пишу о нем? Как это часто бывает в жизни музея, неожиданно в фонды Гродненского государственного музея истории религии поступил медальон, случайно найденный в окрестностях города. На лицевой стороне портрет раввина Спектора, круговая легенда на иврите: «Гениальный каунасский раввин Ицхок-Элхонн Спектор, 1890 г.» На обороте – могильный склеп, где похоронен Спектор, указаны годы жизни: 1817–1896.

Словарь Брокгауза-Ефрона содержит подробную статью о нем. Ицхок-Элхонн Спектор родился в местечке Росы Гродненской губернии в семье бедного хасидского раввина. Благодаря своему тестю, волковыскому богачу Езерскому, Ицхок учился в Волковыске – традиционном центре талмудической науки. Однако в скором времени тесть Ицхока разорился, и юный Спектор стал раввином в местечке Изобелино. В 1846 году Спектор избран раввином в Несвиж, затем переселился в Новогрудок. В 1864 году Спектор стал раввином в Ковно: отныне он играл значительную роль в духовно-общественной жизни российского еврейства. В течение 60 лет к нему обращались со всех концов России по вопросам раввинской практики. По случаю неурожая 1867–1869 годов Спектор разрешил в Пасху есть бобы и горох – решение, вызвавшее неудовольствие в раввинском мире, но принятое в большинстве общин. В 1889 году он разрешил еврейским колонистам работать в субботний год...

Спектор ходатайствовал об улучшении правового положения евреев, организовывал материальную помощь во время голода, эпидемий, пожаров, создавал «рассадники» еврейской науки в России, содействовал организации палестинской колонизации.

י. עֲאִי, יִעַ

אֲדִי אִי

ΑΑÇΑΘÛ 1942-ã È Ì ΟΟÈ ÈΝΘΙ ΔÈÈ

В апреле 1942 года мы – отец-инвалид, сестра и я – бежали из лагеря смерти «Мертвая петля» в поселке Печеры Тульчинского района Винницкой области. Бежали в город Бершадь той же области, находившийся на территории Транснистрии, которую Германия отдала своему союзнику Румынии.

...Однажды на улице меня остановил румынский жандарм и повел на работу. В это время я уже бегло говорил по-румынски, а немецкий изучал еще раньше. Жандарм привел меня в ремонтную мастерскую, которую возглавлял пожилой немец. В мастерской работали четыре румынских солдата и шесть вольнонаемных. Ремонтировали радиоаппаратуру. Метрах в 150-ти от мастерской находился колодец. Шефу, по-видимому, понравилось, что я с ним говорю на его языке, с румынами – по-румынски. Дали мне два ведра, указали на 200-литровую бочку, которую я должен наполнить доверху. Часа за три я ее наполнил. Говорю немцу: готово. Спрашивает: «Откуда знаешь немецкий?» – «В школе учил, и отец меня учил...» Жестом показывает, чтобы я подождал. Приносит мне половину солдатского хлеба – «кирпича». Не меньше полукилограмма. Благодарю и прошу у него несколько газет, множество которых лежит на полках. «Возьми десять», – разрешает. Беру, еще раз благодарю за хлеб, прощаюсь, но немец подзывает меня, берет газеты и пересчитывает. Ровно десять. Проверяет, не вор ли я.

Дома я рассмотрел газеты. Восемь румынских: «Универсул», «Курентул», «Виациа»... В одной из газет портрет «моего» короля. Молодой симпатичный парень в военной форме. Подписано: «Король Михай Первый». Рядом портрет королевы-матери и подписано: «Королева-мать Елена». Одна газета на немецком языке: орган НСДАП «Фолькишер беобахтер». В этой газете была речь Гитлера и карта. Вся Европа, кроме Англии и Ирландии, замарана черным цветом: вся во власти фашистов. Тем же черным цветом замарана огромная часть СССР... Ужас! Конец света! Да и Гитлер вещает, что считанные дни остаются до полной победы над «жидо-большевиками». Так и написано: «юдишер большевизмус»... Самой интересной оказалась десятая газета – «Винныцьки висти». Небольшой листок, который немецкие власти милостиво предоставили национал-предателям. Статья редактора, в которой он писал: «Фюрер великой Германии А. Гитлер и его доблестный вермахт, подобно библейскому пророку, освободившему жидов из египетского плена, освободил украинский народ от жидо-большевиков и москалей». Досталось и нашим союзникам: «И все эти янки жидовской чеканки, / А все эти бритты – жида и бандиты». Встречались короткие сообщения. Например: на окраине города Винницы полицай такой-то обнаружил в сарае старуху-жидовку с двумя жиденятами. Жида сданы в немецкую комендатуру для экзекуции...

Колесо истории повернулось так, как этого не ожидали ни Гитлер, ни редактор винницкой газетенки. После войны за особо тяжкие преступления фашистов и предателей вешали. Помню, в 1948-м нас повели на смертную казнь. Предварительно пресса и радио оповещали население, что состоится публичная казнь военных преступников. Собирались толпы народа. Зачитывались совершенные преступления и приговор. Приговоренные стояли на грузовиках под виселицей: им накидывали петлю на шею и машина отъезжала... Собравшаяся публика аплодировала. Мне рассказали, что был повешен и редактор «Винницких вестей».

Ν. Οι αίτιέε,

Οάέέεί